

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

2
1975

<i>В. Парсаданова.</i> Советско-польский договор о дружбе от 21 апреля 1945 г. в оценке советской и польской общественности	3
<i>И. И. Костюшко.</i> Успехи польского народа в строительстве социализма	11
<i>А. И. Горшков.</i> Роль рабочего класса в социалистическом строительстве Чехословакии (1948—1960)	21
<i>В. И. Фрейдзон.</i> Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (Типологическая характеристика)	34
<i>Р. Филипчикова.</i> Назначение искусства как тема художественной литературы (По материалам романа В. Ржезача «Рубеж»)	51
<i>Е. М. Верещагин.</i> Прием параллелизма в Псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян	60

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Л. А. Юзефович.</i> Миссия Исаи (1561 г.) и Остафий Волович	73
<i>М. Ю. Досталь.</i> Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Академии наук	82
<i>Т. П. Агапкина.</i> Письма русских корреспондентов в архивах польских писателей	89

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. Кадацкий.</i> Монография о чрезвычайном законе в Болгарии 1924—1934 гг.	97
<i>Н. Ратнер.</i> К. Hergan, Zd. Sládek Slovanská politika Karla Kramáře	99

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>С. М. Стецкевич. А. М. Орехов. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры</i>	101
<i>Ю. И. Штакельберг. Zbigniew Chodyła. Pożyczka narodowa w powstaniu styczniowym</i>	102
<i>С. В. Клементьев. Новый труд польских филологов</i>	104
<i>Г. П. Клепикова, И. К. Горский. «Славянская филология»</i>	107
<i>В. И. Хитаршвили. Изучение в Грузии польско-грузинских литературных связей</i>	111
<i>Н. С. Назарова. Некрасов и Польша</i>	115
<i>О. Терновская. Ю. З. Круть. Хліборобська обрядова поезія слов'ян</i>	117

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974 г. (продолжение)	120
Содержание иностранных журналов	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИЦ, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

В. ПАРСАДАНОВА

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ ОТ 21 АПРЕЛЯ 1945 г. В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Годы второй мировой войны произвели переворот во взглядах большинства польского народа. Десятилетиями насаждавшиеся реакцией антисоветские настроения потерпели крах. Народ, испытавший на себе последствия антисоветской политики довоенных польских правителей, пришел к выводу о жизненной важности для Польши тесных дружественных отношений с Советским Союзом. Эта программа, которую всегда отстаивали коммунисты, стала в 1944 г. и программой Польской социалистической партии (ППС), Крестьянской (СЛ) и Демократической (СД) партий. Тезис о дружбе с СССР, Чехословакией и другими демократическими государствами мира записал в свой Манифест Польский комитет национального освобождения (ПКНО).

Полное освобождение польских земель, преобразование ПКНО во Временное правительство Польской Республики позволили поставить вопрос о формальном закреплении новых отношений, сложившихся между СССР и Польшей.

В январе 1945 г. во время визита польской правительственной делегации в Москву польская сторона внесла предложение о заключении союзного договора.

Договор о дружбе и взаимной помощи продолжал обсуждаться в феврале 1945 г. в Москве, когда делегация Крайовой рады народной и Временного правительства была ознакомлена с результатами Ялтинской конференции руководителей трех держав. Глава Советского правительства И. В. Сталин тогда сказал: «...положение славянских народов требует взаимной помощи. И можно ли вообще определить в каких-либо материальных измерениях ценность дружбы, которая определяет судьбы Европы? Нет таких измерений. Эта дружба необходима обоим народам, т. е. Польше и Советскому Союзу. На этой взаимности основывается польско-советская дружба, а также союз и дружба всех славянских народов, которые до сих пор были слабыми и разъединенными, поскольку не понимали в достаточной мере необходимость союза между собой. Советский Союз и Польша могут и должны укрепить и упрочить этот союз. Могущество этого союза, его значение будет таково, что всякая враждебная сила будет разбита под его ударами»¹.

Во время этого же визита был решен ряд конкретных вопросов взаимоотношений между обеими странами. СНК СССР принял постановление

¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений, январь 1944 — декабрь 1945 г.», т. VIII. М., 1974, стр. 374 (Далее — ДМИСПО).

об оказании помощи в восстановлении Варшавы. Были урегулированы вопросы передачи освобождаемых Красной Армией территорий до Одры и Нисы, а также экономических объектов, на них находящихся, польской гражданской администрации, уточнен порядок использования польских путей сообщения для советских военных перевозок.

Стремление международной и польской реакции добиться «реорганизации» Временного правительства, которая лишила бы польский народ завоеванных им позиций, о чем свидетельствовала дискуссия на Ялтинской конференции и переговоры в «комиссии трех», ускорили заключение договора.

13 апреля 1945 г. собрание рабочих-железнодорожников станции Варшава-Восточная приняло резолюцию, в которой просило «правительство республики обратиться с предложением к правительству СССР о заключении польско-советского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве». Необходимость его рабочие мотивировали желанием «сохранить навечно границы исконно польских земель, отвоеванных в кровавых боях героической Красной Армией и возрожденным Войском Польским», обеспечить безопасность и независимость польского государства, укрепить экономический союз с СССР, который дал возможность начать восстановление страны, а в будущем обеспечит ее могущество². На следующий день в Варшаве состоялось около 40 митингов в поддержку предложения о заключении советско-польского договора. В Лодзи варшавян поддержали рабочие 12 крупнейших предприятий. Воеводская согласительная комиссия демократических партий и съезд делегатов Союза крестьянской взаимопомощи в Кракове приняли аналогичные резолюции. В Блоньском повяте состоялось 10 митингов, из Келец поступили резолюции от имени 59 тысяч человек. Волна митингов прошла по Катовицам, Жешову, Познани. К президенту республики Б. Беруту по свидетельству печати «тек поток резолюций». Орган польских вооруженных сил газета «Польска Збройна» 17 апреля в передовой статье «Голос общественности» от имени солдат, офицеров и генералов Войска Польского поддержала требование рабочего класса и крестьянства Польши. За подписание договора выступали представители интеллигенции. Вот лишь некоторые имена: ректор Варшавского университета проф. В. Антонец, ректор Ягеллонского университета проф. Т. Лер-Сплавинский, писатель Л. Кручковский, поэт М. Яструн, писательница Е. Шельбург-Зарембина, композитор А. Венявский, актер А. Зельверович и многие другие³.

Органы ЦИК ППС «Роботник» и ЦК ППР «Глос Люду» подчеркивали, что заключение договора о дружбе между Польшей и СССР послужит делу мира и безопасности в Европе. «Глос Люду», в частности, писал: «Вокруг Советского Союза встает система пактов дружбы и союзов, составляющих истинный блок мира на Востоке Европы, гарантирующий безопасность нашей части земного шара. Блок этот не противопоставляется международной организации безопасности, гарантированию мира общими усилиями всех держав и государств антигитлеровской коалиции. Напротив, он гармонически укладывается в ее рамки, объединяется с ней в единое целое, является ее конкретизацией на нашем участке. Место Польши в рамках этого блока Мира. Польша должна заключить пакт дружбы и союза с Советским Союзом»⁴.

² Цит. по: «Известия», 1945, 14 апреля.

³ «Głos Ludu», 18 IV 1945; «Rzeczpospolita», 15, 18 IV 1945.

⁴ «Głos Ludu», 18 IV 1945. В статье имеются в виду договоры, заключенные Советским Союзом с Чехословакией и Югославией.

16 апреля 1945 г. проект договора был обсужден и единогласно одобрен на заседании Временного правительства Польши⁵. В решении говорится: «Принимая во внимание совокупность международного положения в настоящее время, а также продиктованную наивысшими государственными интересами необходимость придать конкретную форму политике дружбы с СССР, во имя гарантии жизненных интересов и прочной безопасности Польши, Временное правительство Польской Республики постановляет обратиться к правительству СССР с инициативой заключения договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР»⁶. Подписать договор было поручено премьер-министру и министру иностранных дел Э. Осубке-Моравскому.

Решение, принятое польским правительством, выражало мнение польского народа. Коренный поворот в отношениях между двумя странами явился закономерным последствием прихода к власти в Польше трудящихся масс во главе с рабочим классом.

Что же касается советского народа, то он доказал на практике свои дружеские чувства к польскому народу. Еще в мае 1943 г. Советское правительство заявило, что СССР стремится установить отношения с Польшей на основе добрососедства «и взаимного уважения или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи»⁷.

Согласие Советского правительства на заключение договора означало укрепление внутреннего и международного положения Временного правительства именно в то время, когда англо-американская реакция предпринимала усилия для извращения решений Крымской конференции, для дискредитации власти народа, а также свидетельствовало о том, что Советский Союз твердо отстаивает решения, принятые в Ялте, и поддерживает Временное правительство как единственное правительство, выражающее интересы польского народа. 16 апреля НКВД СССР сообщили в Вашингтон и Лондон о предстоящем заключении договора.

Понимая, какое огромное политическое и международное значение будет иметь советско-польский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, США и Англия пытались воспрепятствовать его заключению. 18 апреля они предприняли совместный демарш в НКВД СССР, требуя «отложить» заключение советско-польского договора⁸.

В ответе НКВД СССР от 20 апреля на демарш Англии и США говорилось, что подписание договора в духе уже имеющихся договоров с Великобританией, Чехословакией и Югославией вполне своевременно и отвечает интересам и жизненным стремлениям Советского Союза и Польши.

Шаг этот направлен на укрепление дружественных отношений между соседними странами и странно, что его заключение может вызвать какое-либо удивление. Кроме того, согласие на заключение договора уже дано Временному правительству Польши. Советская сторона не может отложить заключение договора⁹.

19 апреля в Москву прибыла польская правительственная делегация, возглавляемая президентом Б. Берутом. В своей речи на Белорусском вокзале он сказал: «Мы прибыли сюда, чтобы от имени миллионных масс польского народа выразить наше пожелание гарантировать вечный мир свободолюбивым народам и обеспечить этот мир навсегда»¹⁰.

⁵ ДМИСПО, стр. 407—408.

⁶ Там же, стр. 406—407.

⁷ Там же, стр. 367. См. также протокол к советско-чехословацкому договору от 12 декабря 1943 г. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I. М., 1946, стр. 433.

⁸ ДМИСПО, стр. 413.

⁹ Там же

¹⁰ «Известия», 1945, 20 апреля.

Переговорам и заключению договора Советское правительство придало исключительно торжественный характер. 21 апреля 1945 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве был подписан. Чтобы подчеркнуть его значение, Президиум Верховного Совета СССР уполномочил подписать договор с советской стороны главу правительства СССР И. В. Сталина¹¹. При подписании договора присутствовал Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.

Восемь статей договора охватывали все вопросы взаимоотношений между сторонами — военные, политические, экономические, культурные. Они представляли собой программу действий как на завершающем этапе борьбы против фашистской Германии, так и в послевоенный период.

Договор состоял из двух частей¹². Первая часть определяла взаимные обязательства в войне. Вторая часть — послевоенные отношения между государствами. Поскольку до безоговорочной капитуляции Германии оставались считанные дни, то, естественно, что наибольшее внимание уделялось послевоенным союзным обязательствам и отношениям. Вторая часть договора определяла совместные действия СССР и Польши на международной арене, направленные на укрепление мира во всем мире и предотвращение угрозы новой мировой войны, обеспечение независимости, территориальной неприкосновенности и безопасности обоих государств, борьбы против возрождения германского милитаризма и реваншизма, а также экономическое и культурное сотрудничество между двумя странами в послевоенное время.

При подписании договора Е. Осубка-Моравский и И. В. Сталин обменялись речами¹³, в которых было указано на международное его значение как основы для создания широкого фронта международного сотрудничества, в том числе в борьбе против возобновления агрессии со стороны Германии или какой-либо иной державы, прямо или косвенно с ней связанной. Выступавшие подчеркивали, что польско-советский договор закрепляет коренной поворот в отношениях между странами. Он являлся одним из первых международных актов, определявших принципиально новые взаимоотношения, складывавшиеся в лагере мира, демократии и социализма. Кроме того, в конкретной обстановке весны 1945 г. Советский Союз, заключая договор с Временным правительством, недвусмысленно показал, что он не намерен допускать ущемления прав народной Польши на международной арене, и в частности в вопросе об участии Польши в создании Организации Объединенных Наций.

Во время обсуждения итогов визита польской делегации в Москву на заседании правительства 27 апреля отмечалось, что договор служит гарантией западных границ страны и является важным дипломатическим оружием, ибо «гарантирует основы, на которых мы строим нашу систему международных отношений. Он окажет влияние на то, что те или иные обстоятельства, явившиеся причиной нашего отсутствия в Сан-Франциско, будут устранены»¹⁴. В заявлении от имени министров — членов ППР указывалось: «Договор... имеет также большое внутреннее значение и должен быть использован нами в целях полной консолидации вокруг договора подавляющего большинства польского народа, которое отдает себе отчет в том,

¹¹ Все договоры и соглашения, заключенные во время второй мировой войны — с Великобританией, США, Чехословакией, Францией и Югославией, подписывал народный комиссар иностранных дел СССР. Единственным исключением была советско-польская декларация от 4 декабря 1941 г., подписанная И. В. Сталиным.

¹² «Внешняя политика Советского Союза...», т. III. М., 1947, стр. 197—198; ДМИСПО, стр. 414—416.

¹³ «Внешняя политика Советского Союза...», т. III, стр. 35—38, 201—202; ДМИСПО, стр. 416—418.

¹⁴ ДМИСПО, стр. 428; AAN. Protokoły posiedze'ń Rady Ministro'w, t. 2., s. 311—313.

что договор — это гарантия нашей безопасности и что он дает возможность уберечь народ от новой войны и что только теперь мы вступаем на твердый путь безопасности, опираясь на Советский Союз и единство союзных народов»¹⁶.

Во время переговоров в Москве обсуждались также экономические вопросы, связанные с обеспечением продовольственного снабжения промышленных центров Польши, в частности, Силезии, и поставками сырья для польской промышленности¹⁶.

Советско-польский договор был вызван к жизни общностью коренных интересов советского и польского народов. Он заложил основы прочной дружбы между обоими государствами. Заключение договора о дружбе с СССР явилось победой внешней политики рабочего класса Польши, руководимого Польской рабочей партией.

Договор было опубликован 22 апреля 1945 г. — в день, когда прогрессивное человечество отмечало 75-ю годовщину со дня рождения основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. Тема договора — победа ленинских принципов внешней политики в отношениях между обеими странами связывалась и подчеркивалась при обсуждении договора как в СССР, так и в Польше. Об этом говорилось на митинге на московском заводе им. Владимира Ильича¹⁷. Об этом же писала газета «Жечпосполита», орган правительства Польши, в своей передовой «Великий день», заявляя, что «это не случайное стечение обстоятельств, что записанная на скрижалях хроники человеческой мысли годовщина со дня рождения Владимира Ленина совпала с подписанием польско-советского договора и известием, что начались непосредственные бои за столицу Германии — Берлин». «Жечпосполита» заявила, что «польский народ принимает договор как самое важное событие своей международной политики и желает, чтобы такую оценку он получил во всем мире. Провозглашенная великим Лениным идея братства народов, нашедшая свое выражение в победе сил демократии над фашизмом, будет продолжаться в польско-советской дружбе, закрепленной торжественным договором»¹⁸.

Столь же высока была оценка договора советскими газетами. «Правда» поместила обширную передовую статью «Крепнет дружба между Советским Союзом и Польшей», в которой, в частности, положительно оценила «стихийное движение в Польше за заключение с Советским Союзом договора о дружбе» и отметила, что движение «встретило дружественный отклик со стороны советского народа и всей советской общественности»¹⁹. Советские газеты отводили целые полосы откликам советской общественности на заключение советско-польского договора. Митинги и собрания, одобряющие договор, состоялись в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Свердловске, Риге, Нижнем Тагиле, Львове и десятках других городов. Советские люди брали в честь этого выдающегося события трудовые обязательства. Так, токарь Свежинский из Ленинграда обязался ежедневно давать 300—400% нормы; по предложению станочника Палехо с завода «Борец» (Москва) ночная смена встала на стахановскую

¹⁶ ДМИСПО, стр. 427.

¹⁶ Польша получала 150 тыс. голов скота, 8 тыс. т мяса для рабочих Силезии. 1 тыс. т жиров. Был урегулирован ряд вопросов о поставках войскам (на основе советско-польского соглашения от 4 августа 1944 г.). Для промышленности Польши поставлялось 20 тыс. т хлопка и 100 тыс. шкур на условиях передачи половины готовой продукции СССР, а половины — Польше.

¹⁷ «Правда», 1945, 23 апреля.

¹⁸ «Rzeczpospolita», 24 IV 1945.

¹⁹ «Правда», 1945, 22 апреля.

вахту и выполнила задание на 107% ²⁰; Юрий Рожков, стерженщик завода «Красное Сормово» заявил: «В знак нашего полного одобрения договора с Польшей мы, сормовичи, досрочно выполним первомайские обязательства и удвоим свою трудовую помощь фронту». Такие же обязательства принимались на автозаводе им. Сталина, заводе им. Орджоникидзе и многих других.

Одобрила договор советская интеллигенция. Печать опубликовала заявления академиков А. Богомольца, Т. Д. Лысенко, И. И. Мещанинова, проф. Р. Пельше, композитора В. Я. Шебалина, актрисы А. Яблочкиной, кинорежиссера С. Юткевича, поэта М. Рыльского, писателя А. Упита и др. ²¹

Горячую поддержку встретил договор и на заседаниях XI сессии Верховного Совета СССР первого созыва, открывшейся 24 апреля 1945 г. Выступивший первым с речью о советско-польском договоре заместитель председателя СНК СССР, председатель СНК РСФСР А. Н. Косыгин, в частности, сказал: «В жестокой борьбе против немецких захватчиков выросла и окрепла дружба славянских народов, созданся крепкий народный фронт славянских государств... С чувством особого удовлетворения встречено было народами свободолюбивых наций и прежде всего славянскими народами заключение Советским Союзом Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с Польской республикой. Этим историческим актом положен конец недружелюбным отношениям, существовавшим нередко в прошлом между нашими странами. Эти договоры знаменуют коренные изменения в отношениях между славянскими народами. В них выражена воля и исторические чаяния славянских народов. Мы шлем дружественным народам Польши, Чехословакии и Югославии свой братский привет» ²². С одобрением советско-польского договора выступили представители союзных республик, в первую очередь пограничных с Польшей. Представитель Украины — председатель СНК УССР Л. Р. Корниец заверил правительство и всех депутатов, что «украинский народ единодушно одобряет политику Союзного правительства и будет делать все от него зависящее для выполнения Договора, для укрепления дружбы и для оказания помощи Польской Республике, чтобы Польская Республика была сильной, независимой, демократической и дружественной нам страной» ²³. Аналогичным было заявление депутата Н. Я. Наталевица (БССР). Депутат М. А. Гедвилас (Литовская ССР) сказал: «Сегодня... Советская Литва и демократическая Польша находятся в лучших добрососедских отношениях. Заключенный Договор между Советским Союзом и Польшей является также коренным поворотом в отношениях между литовским и польским народами, которые не имеют никакого повода враждовать между собой. Пусть растет и крепнет дружба польского народа с народами Советского Союза!» ²⁴.

От имени закавказских республик одобрил договор представитель Азербайджана М. Мир-Касимов, от Прибалтики — И. Я. Варес (ЭССР), от среднеазиатских республик — Т. Н. Кары-Ниязов (Уз. ССР). Сессия Верховного Совета СССР единогласно рекомендовала Президиуму Верховного Совета СССР ратифицировать советско-польский договор о дружбе и взаимопомощи. 12 мая 1945 г. центральная печать сообщила, что Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал договор.

²⁰ «Известия», 1945, 24 апреля.

²¹ «Советское искусство», «Правда» и «Известия», 1945, 24 апреля.

²² «Правда», 1945, 26 апреля.

²³ «Правда», 1945, 24 апреля.

²⁴ «Правда», 1945, 27 апреля.

Известие о подписании договора было встречено в Польше с энтузиазмом. Вновь прокатилась волна митингов и собраний. Представители всех слоев общественности, всех партий выражали благодарность Временному правительству и одобряли его политику. Так же отнеслась к договору и VII сессия Крайовой рады народной. Если позиция ППР и ее представителей в парламенте отражала исконные связи и традиции дружбы польских и русских марксистов и была ясна и последовательна всегда, то заявления представителей социалистической и людовской партий выявили те глубочайшие изменения в воззрениях на советско-польские отношения, на роль СССР в мире, которые за годы второй мировой войны произошли в этих партиях.

Выступивший от имени Совета старейшин и ППС депутат С. Швальбе сказал: «Договор этот с советской стороны является — если взять перспективу — последовательным этапом в реализации блока славянских государств, жаждущих мира, он является, кроме того, продолжением политической линии великого русского революционера Ленина, который всегда стоял на позиции независимости, суверенитета и дружбы с Польским государством в 1918—1920 гг. ...Советская страна является оплотом прогресса в мире, только Советский Союз, как страна, где у власти находятся представители трудящихся масс, может быть искренним и надежным союзником истинного прогресса и другом этих самых масс в других странах, а следовательно и в Польше...». Швальбе подчеркнул, что укрепление отношений с первым социалистическим государством будет способствовать дальнейшему развитию революции в Польше²⁵. В. Ковальский, один из лидеров крестьянского движения, остановился на принципиальном классовом отличии политики Временного правительства от политики довоенных правителей буржуазной Польши, антисоветизм которых был главной причиной сентябрьской катастрофы. Политика союза и дружбы с СССР во всех областях жизни — в военной, политической, экономической, культурной «это та политика, — заявил В. Ковальский, — которая согласуется с желаниями крестьянских масс, и поэтому мы, крестьянские депутаты, отдаем свой голос за ратификацию соглашения»²⁶.

Представитель СД Одаркевич отметил, что польская демократическая интеллигенция всегда была за союз с СССР: «...Заключенный договор является ни чем иным, как воплощением в конкретную форму того, что уже было в жизни и чего требовала вся передовая польская общественность»²⁷.

VII сессия КРН 5 мая 1945 г. единогласно приняла закон, уполномочивающий президента Б. Берута ратифицировать польско-советский договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве²⁸. 20 сентября 1945 г. в Варшаве состоялся обмен ратификационными грамотами.

Двадцать лет, на которые был заключен договор, показали, что он действительно отражал жизненные интересы обеих стран и способствовал их политическому и экономическому развитию, укреплению их позиций на международной арене.

Заключенный в тяжелую военную годину договор в условиях мирной жизни, в условиях существования и развития мировой социалистической системы не всегда мог отразить изменившиеся условия. Поэтому в апреле 1965 г. в связи с истечением срока действия договора был подписан новый,

²⁵ «Sprawozdanie stenograficzne z VII sesji KRN», s. 213—214.

²⁶ Ibid., s. 218.

²⁷ Ibid., s. 219.

²⁸ Ibid., s. 334—345.

ныне действующий договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Польской Народной Республикой. Выступая на XXIV съезде КПСС, Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек сказал о договоре от 21 апреля 1945 г.: «Освободительная миссия Советской Армии во время второй мировой войны и заключенный в те годы союз навечно скрепили дружбу наших народов. Проверенные всею историей народной Польши дружба и союз с Советской страной глубоко проникли в сознание польского народа, обогатили сущность современного патриотизма.

Мы идем одним путем, вместе с другими братскими народами социалистических стран, в великом марше сил социализма, мира и свободы народов. Мы всегда будем вместе с вами: польские коммунисты — с советскими коммунистами, польский народ — с народами Страны Советов»²⁹.

²⁹ «Правда», 1971, 1 апреля.

И. И. КОСТЮШКО

УСПЕХИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА

21 апреля 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и народной Польшей. Этот договор, основанный на принципах братской дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, сыграл важную роль в укреплении дружественных отношений между советским и польским народами, в обеспечении безопасности народной Польши, в восстановлении и развитии ее экономики и культуры, в упрочении ее международных позиций и мира в Европе. За 30 лет, прошедших со дня подписания этого договора, польский народ в братском сотрудничестве с народами СССР и других социалистических стран добился замечательных успехов в социалистическом строительстве.

Польский народ, претворяя в жизнь программные положения Польской рабочей партии, стал подлинным хозяином своей страны. Обнародованный 22 июля 1944 г. на территории, освобожденной от гитлеровской оккупации, Манифест Польского комитета национального освобождения, выражая волю трудящихся масс, провозгласил переход власти в руки народа, коренные социально-экономические преобразования и политику дружбы и сотрудничества с советским народом¹.

Это было переломное событие в жизни польского народа, положившее начало новому периоду в его истории. «В исторические июльские дни памятного 1944 года, — указывается в тезисах ЦК ПОРП о „30-летию Польской Народной Республики“, — восстановление прочной независимой государственности неразрывно связало наш народ с построением социализма. Был совершен наибольший перелом в нашей истории — началась социальная революция, начался процесс социалистических преобразований. Завершилась победой 150-летняя борьба тех патриотических сил польского народа, которые видели гарантию независимости в ее глубокой связи с прогрессом и демократией»².

Установление народной власти в Польше было закономерным явлением в историческом развитии польского народа. Оно было предопределено существенными изменениями в расстановке политических сил внутри страны и на международной арене в связи с укреплением мощи Советского государства — главной силы антигитлеровской коалиции, углублением общего кризиса капиталистической системы и ростом освободительного движения во всем мире. Имущие классы Польши, не сумев обеспечить защиту национальной независимости, в условиях гитлеровской оккупации,

¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — ДМИСПО), т. VIII. М., 1974, стр. 141—146.

² «Trybuna Ludu», 20 II 1974.

угрожавшей самому существованию польского народа, преследуя свои узкоэгоистические цели, противоречившие коренным интересам народа, оказались неспособными возглавить его освободительную борьбу. Ведущей силой нации стал рабочий класс, вокруг которого объединились широкие массы крестьянства и демократическая интеллигенция. Под руководством Польской рабочей партии демократические и патриотические силы народа героически боролись против гитлеровских захватчиков, неразрывно связывая завоевание национальной независимости с преобразованием общественного строя на началах социальной справедливости. Эта борьба благодаря поддержке Советского Союза, его великим победам во второй мировой войне, изменившим соотношение сил в пользу демократии и социального прогресса, увенчалась замечательным успехом. В возрождающейся независимой Польше была установлена власть рабочих и крестьян.

Старт народной Польши был нелегким. Большая часть польских земель еще находилась под гитлеровской оккупацией, и предстояла тяжелая борьба за их освобождение. Реакционные силы пытались повернуть вспять историческое развитие страны, западные державы отказывались признать народную Польшу. Но победа социальной революции открывала вдохновляющие перспективы свободного развития народа. Народная власть, осуществляя аграрную реформу, национализацию промышленных предприятий и другие революционно-демократические преобразования, мобилизовала все ресурсы страны для изгнания гитлеровских оккупантов из польских земель и выполнения союзнических обязательств Польши как участника антигитлеровской коалиции.

Уважая суверенные права польского народа и выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз оказал неоценимую помощь народной Польше в осуществлении ее национальных задач. Благодаря его всемерной поддержке было создано народное Войско Польское. Вооруженные силы народной Польши, оснащенные советским первоклассным оружием, используя боевой опыт советских войск, героически сражаясь плечом к плечу с ними, внесли достойный вклад в освобождение польских земель от гитлеровских оккупантов и в общее дело победы над врагом. Советские войска сыграли решающую роль в освобождении Польши от гитлеровской оккупации. Их стремительное наступление на территории Польши воспрепятствовало гитлеровцам осуществить свои планы полного опустошения страны. Освобождение советскими войсками польских западных и северных земель во многом обеспечивало возвращение этих земель Польше. Важное значение имела экономическая помощь Советского государства народной Польше в преодолении ее экономических трудностей военного времени. Советский Союз отвергал попытки вмешательства западных держав во внутренние дела польского народа, благодаря усилиям СССР был решен вопрос о создании Польского правительства национального единства с учетом интересов демократических сил Польши. Советское правительство решительно поддерживало справедливые требования польского народа о воссоединении с Польшей ее исконных земель на западе и севере и добилось признания западными державами польской границы по Одре и Нисе Лужицкой. Все это имело огромное значение для становления народной Польши, упрочения ее позиций³.

Происшедший в годы войны коренной поворот в отношениях между Польшей и СССР был закреплен в советско-польском договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г.⁴

³ «Боевое содружество советского и польского народов». М., 1973, стр. 39 и сл.

⁴ ДМИСПО, т. VIII, стр. 414—416.

Характеризуя значение этого поворота, Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек в своей речи на XXIV съезде КПСС указывал: «Освободительная миссия Советской Армии во время второй мировой войны и заключенный в те годы союз навечно скрепили дружбу наших народов»⁵. Братская дружба и взаимовыгодное сотрудничество советского и польского народов стали одним из важнейших факторов восстановления и быстрого развития народного хозяйства и культуры Польши.

После окончания войны польский народ смог приступить к мирному строительству новой жизни. От довоенного периода ему достались слабо развитая промышленность, отсталое сельское хозяйство, нищета и неграмотность громадных масс населения. Огромный ущерб стране нанесла война и гитлеровская оккупация. Польша потеряла свыше 22% населения, в том числе большую часть молодежи и интеллигенции. Было разрушено или разграблено около 70% промышленных предприятий, свыше 460 тыс. крестьянских дворов, в развалинах лежали Варшава и другие города, тысячи деревень. Если Англия во время войны потеряла 8 человек на тысячу жителей и всего 0,8% национального достояния, а Франция — соответственно 15 человек и 1,5%, то потери Польши составили 220 человек и 38% национального достояния⁶. Польскому народу предстояло восполнить эти громадные потери и превратить свою страну в высокоразвитое в экономическом и культурном отношении государство.

Важнейшими предпосылками и условиями осуществления этой грандиозной задачи являлись революционно-демократические и социалистические преобразования, трудовые усилия и энтузиазм народа, претворявшего в жизнь свои заветные мечты под руководством партии рабочего класса, использование опыта Советского государства, его всесторонняя поддержка, сотрудничество народной Польши с другими странами народной демократии.

Аграрная реформа упразднила помещичье землевладение и удовлетворила извечные нужды в земле миллионных масс крестьянства. Это существенным образом изменило социальный облик деревни и укрепило союз рабочего класса и крестьянства — основу народной власти. Проведенная в ходе освобождения страны от гитлеровской оккупации национализация крупных и средних промышленных предприятий, средств транспорта и связи, закрепленная законом от 3 января 1946 г., покончила с господством крупной и средней буржуазии. С превращением этих средств производства в общенародное достояние и созданием государственных сельских хозяйств образовался социалистический сектор в экономике страны. Подавляющее большинство народа во время референдума, проходившего 30 июня 1946 г., и на выборах в Законодательный сейм, состоявшихся 19 января 1947 г., одобрило проведенные народной властью революционные преобразования, ее внутреннюю и внешнюю политику. Реакционные силы, пытавшиеся реставрировать довоенные порядки, потерпели полное поражение. В стране в форме народной демократии утвердилась диктатура пролетариата.

В процессе строительства народной Польши произошли глубокие социально-политические сдвиги. Был преодолен раскол в рабочем движении, в декабре 1948 г. в результате объединения Польской рабочей партии с возрожденной Польской социалистической партией возникла Польская объединенная рабочая партия. Создание ПОРП, знаменовавшее собой большую победу марксизма-ленинизма, имело решающее значение для даль-

⁵ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. I». М., 1971, стр. 222.

⁶ Э. Костшева. Социалистической Польше 30 лет. «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 4.

нейшего развития польского народа. С преобразованием демократических партий, входивших в Национальный фронт, укреплялось их сотрудничество с ППР, а затем и ПОРП. Политическая стабилизация способствовала восстановлению и развитию народного хозяйства.

Принятый в сентябре 1946 г. трехлетний план восстановления народного хозяйства (на 1947—1949 гг.), благодаря усилиям рабочего класса и всего народа, помощи Советского Союза, несмотря на экономический бойкот со стороны капиталистических держав и усиление международной напряженности, был досрочно выполнен. В 1949 г. продукция промышленности по сравнению с 1938 г. в стоимостном выражении увеличилась на 48%, сельскохозяйственная продукция на душу населения превысила довоенный уровень, национальный доход соответственно вырос на 75%⁷. Значительно повысилось благосостояние народа.

Польская объединенная рабочая партия, творчески применяя марксистско-ленинское учение, используя богатый опыт Советского Союза, разработала программу социалистических преобразований, получившую свое выражение в 6-летнем и последующих 5-летних планах развития народного хозяйства и культуры страны. Осуществляя эту программу, польский народ своим самоотверженным трудом умножал национальное достояние, обеспечивавшее подъем благосостояния и культурного уровня трудящихся масс. При этом встречались немалые трудности; в таком сложном деле, как строительство социализма не удалось избежать и некоторых ошибок. Возглавляя и направляя поступательное движение народа по социалистическому пути, ПОРП мобилизовала его усилия на преодоление этих трудностей, устраняла недостатки, обнаружившиеся в ходе социалистического строительства. Правильная политическая линия ПОРП, ее творческий подход к решению задач хозяйственного и культурного строительства, трудовая активность рабочего класса и интеллигенции, широкое использование научно-технических достижений, забота партии о благе народа обеспечили динамическое развитие экономики и культуры страны.

Большое значение для успешного развития социалистической Польши имело ее экономическое и научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Наряду с расширением двусторонних экономических связей, с созданием в 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи социалистических стран Польша стала активным участником многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ. В результате она смогла получить необходимые сырье, промышленное оборудование, научно-техническую документацию, что позволило ей модернизировать старые и построить новые крупные предприятия, в большей мере удовлетворять запросы населения. Производственная кооперация и экономическая интеграция стран социалистического содружества во многом способствовали быстрому развитию экономики Польши. Оборонительный Варшавский договор, подписанный в мае 1955 г., обеспечивавшая безопасность стран социалистического содружества, создавал благоприятные условия для социалистического строительства в Польше.

В результате вдохновенного труда польского народа, его братского сотрудничества с другими народами социалистического содружества были достигнуты замечательные успехи в экономическом и культурном развитии народной Польши. Из отсталой аграрно-индустриальной страны она в сравнительно короткий срок превратилась в высокоразвитую индустриально-аграрную страну с большими созидательными возможностями Ее

⁷ П. В. Галенко. Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М., 1956, стр. 124, 141, 157.

промышленное производство с 1950 по 1973 г. увеличилось в 9,4 раза⁸. Занимая по территории 61-е, а по населению 19-е место в мире, Польша по объему валовой промышленной продукции находится сейчас в первой десятке индустриальных стран⁹.

За годы народной власти были модернизированы традиционные отрасли промышленности — угольная, текстильная, пищевая. Реконструкция старых и ввод в действие новых крупных предприятий на много увеличили производственный потенциал этих отраслей. Вместе с тем быстрыми темпами развивались металлургическая, машиностроительная и химическая промышленность, были созданы новые отрасли промышленного производства, такие как электротехническая, автотракторная, судостроительная. Возникли новые промышленные центры в районах, имевших ирежде типично аграрный характер. Все это существенным образом изменило промышленную карту страны. Символами современной польской индустрии являются металлургический комбинат имени В. И. Ленина в Новой Гуте, автоматизированная шахта «Ян» в Катовицком воеводстве, химический комбинат в Пулавах, нефтехимический комбинат в Плоцке, Гданьская судноверфь и многие другие крупные промышленные предприятия, построенные при содействии Советского Союза и других социалистических стран.

О высоком уровне развития народной Польши ярко свидетельствуют следующие данные. В 1973 г. было добыто 157 млн т каменного угля, произведено 84,3 млрд *квт.ч* электроэнергии, 14 млн т стали, 156 тыс. т электролитической меди, 113 тыс. легковых автомобилей, 15,5 млн т цемента, 975 млн *м* хлопчатобумажных и шерстяных тканей, 221 млн пар обуви, построены морские суда общим водоизмещением 742 тыс. т¹⁰. Она занимает по добыче угля третье место в Европе и четвертое в мире, по производству стали и цемента — седьмое место в Европе и десятое в мире, по выработке электроэнергии 7-е в Европе и 11-е в мире, по добыче цинковых и медных руд и выпуску товарных вагонов — 2-е место в Европе¹¹. Ее промышленный потенциал обеспечивает динамическое развитие других отраслей народного хозяйства.

Весьма значительны достижения в области сельского хозяйства. Его продукция с 1950 по 1973 г. увеличилась в два раза¹². В 1973 г. при благоприятных климатических условиях для земледелия было собрано с га в среднем по 26,5 *ц* пшеницы, ржи, ячменя и овса, по 194 *ц* картофеля и 307 *ц* сахарной свеклы. Страна получила от сельского хозяйства 20,5 млн. т зерна, 51,9 млн т картофеля, 13,6 млн т сахарной свеклы, 2,7 млн т мяса и субпродуктов, 15,7 млрд *л* молока¹³. Рост сельскохозяйственной продукции позволяет в большей мере удовлетворять потребности населения в продовольствии. Возросла роль социалистического сектора — государственных сельских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. Широкое распространение получили сельскохозяйственные кружки и другие формы кооперации в деревне. Индивидуальное земледелие все теснее связывается с плановой системой хозяйства.

В больших масштабах велось строительство общественных зданий и жилых помещений. Были восстановлены Варшава и другие города, небольшие в прошлом поселения превратились в крупные городские центры. Были построены тысячи школ, больниц и других зданий культурно-бытового назначения. С 1950 по 1973 г. жилой фонд в городах увеличился на 2,5 млн,

⁸ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», Варшава, 1974, стр. XXVIII—XXIX.

⁹ Э. Костшева. Там же, стр. 5.

¹⁰ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», стр. 96, 98, 100—102.

¹¹ Э. Костшева. Там же, стр. 6.

¹² «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», стр. XXIX.

¹³ Там же, стр. 150, 155.

а в деревне почти на 1 млн квартир¹⁴. За годы народной власти обновлись и значительно увеличились средства транспорта и связи. Рост подвижного состава и электрификация железных дорог, развитие судоходства, широкое применение современных средств связи обеспечивали потребности промышленного и сельскохозяйственного производства и способствовали его подъему. Высокими темпами характеризовалось развитие внутренней и внешней торговли. Розничная продажа товаров в текущих ценах в 1950—1970 г. на душу населения возросла более чем в 6 раз, внешний торговый оборот за тот же период в постоянных ценах увеличился в 5 раз¹⁵, а в 1973 г. по сравнению с 1972 г. — почти на 26%¹⁶.

Высокие темпы развития народного хозяйства обеспечили быстрый рост национального дохода, являющегося важнейшим показателем экономического и культурного прогресса страны. С 1950 по 1973 г. национальный доход увеличился в 5 раз¹⁷. Это позволило осуществить громадные капитальные вложения в народное хозяйство и значительно повысить материальный и культурный уровень жизни народа. Среднемесячная заработная плата в общественном секторе народного хозяйства с 1950 по 1970 г. возросла в 4 раза¹⁸. В 1971—1973 гг. была повышена заработная плата 6,4 млн работников, составляющих почти $\frac{2}{3}$ всех занятых в общественном производстве. Доходы крестьян от продажи государству сельскохозяйственных продуктов увеличились на 60 млрд злотых¹⁹, дальнейшее развитие получила система социального обеспечения.

Большое внимание уделялось охране труда, создана широкая сеть лечебных, профилактических и детских учреждений, обеспечивающих охрану здоровья и нормальное физическое развитие подрастающих поколений. Созданы условия для отдыха и культурного досуга трудящихся. Народная власть приобщила широкие массы населения к культуре. Была ликвидирована неграмотность, около 4 млн человек получили среднее общее или профессиональное, а свыше 730 тыс. человек — высшее образование. Ныне около 8 млн человек или $\frac{1}{4}$ часть населения страны обучается в школах различных ступеней²⁰. Успешно развивалась польская наука. Многие исследования, проведенные в Польской академии наук и других учреждениях страны, получили мировое признание. Достижения в области литературы, изобразительного, театрального и музыкального искусства не только обогатили национальную культуру Польши, но и явились ценным вкладом в мировую культуру.

В ходе социалистического строительства произошли существенные демографические изменения и преобразился социальный облик народа. Население страны увеличилось на 10 млн человек и к началу 1974 г. составило 33,5 млн человек. Большая часть населения — это молодые люди, более трети граждан — лица моложе 19 лет²¹. Новые поколения более здоровы в физическом отношении, более образованы и подготовлены к жизни. Значительно возросли численность и удельный вес рабочего класса, его производственная квалификация и культурный уровень, производственная и политическая активность, роль во всех областях жизни страны. Заметно преобразилось крестьянство, сформировалась новая, народная интеллигенция. Укрепилась связь рабочего класса с крестьянством и интеллигенцией, усилилась его передовая и ведущая роль в стро-

¹⁴ «Trybuna Ludu», 20 II 1974.

¹⁵ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1971». Варшава, 1971, стр. 223, 255.

¹⁶ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», стр. 186.

¹⁷ Там же, стр. XXVI—XXVII.

¹⁸ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1971», стр. 339.

¹⁹ «Trybuna Ludu», 23 X 1973.

²⁰ «Trybuna Ludu», 20 II 1974.

²¹ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», стр. 15, 17.

ительстве социализма. Польский народ объединился во Фронте единства народа под политическим руководством ПОРП, действующей в тесном союзе с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией. Глубокий патриотизм народных масс сочетается с осознанием ими интернационального долга, на базе марксистско-ленинской идеологии складывается и упрочивается идейно-политическое единство народа.

Успехи польского народа и его руководящей силы ПОРП в социалистическом строительстве получили высокую оценку в Советской стране. «...Советские коммунисты, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на VI съезде ПОРП, — понимают все значение внушительных достижений коммунистов и всех трудящихся Польши в развитии социалистических общественных отношений, социалистической экономики и культуры»²².

Состоявшаяся в октябре 1973 г. I Всепольская конференция ПОРП, отметив благотворные результаты мер, принятых новым руководством партии, повышение производственной и политической активности всего народа, подвела итоги выполнения решений VI съезда ПОРП, определившего задачи хозяйственного и культурного развития страны на 1971—1975 гг. Конференция констатировала успешное выполнение плана трех лет пятилетки и определила, исходя из потребностей и возможностей страны, задачи партии и народа в предстоящие два года пятилетки. Предусматривается ежегодное увеличение промышленного производства на 10—11%, сельскохозяйственной продукции на 4—4,5%, фонда потребления на 7—8%, реальной заработной платы на 5%²³. Эти задачи успешно претворяются в жизнь.

Строительство социализма в Польше убедительно показало правильность марксистско-ленинского учения, его универсальное значение. В процессе создания нового общественного строя реализовались и ярко проявились общие закономерности строительства социализма. Этими закономерностями являются руководящая и возрастающая в ходе социалистического строительства роль марксистско-ленинской партии, диктатура пролетариата и союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и других слоев народа, обобществление средств производства, социалистическая перестройка земледелия, социалистическое планирование, все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, глубокая демократизация системы просвещения, преобразование культуры на социалистических началах, утверждение социалистической идеологии в общественной жизни. Используя опыт Советского Союза, творчески применяя марксистско-ленинское учение к конкретным условиям своей страны, ПОРП обогатила теорию и практику социалистического строительства. Опыт польского народа в строительстве социализма имеет определенное значение и для других народов.

Строительство социализма в Польше неразрывно связано с развитием и укреплением содружества социалистических стран, с коммунистическим строительством в СССР. Взаимоотношения и связи народной Польши с социалистическими странами, базирующиеся на принципах социалистического интернационализма, братского сотрудничества и дружбы, расширялись и углублялись. О значении этих связей для Польши в экономическом отношении свидетельствуют, в частности, данные о ее внешней торговле. Доля социалистических стран во внешнеторговом обороте Польши в 1973 г. составила свыше 55%²⁴. Являясь членом СЭВ, Польша активно участвует в осуществлении его экономических и научно-технических ме-

²² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1972, стр. 463.

²³ «Trybuna Ludu», 23 X 1973.

²⁴ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1974», стр. 190.

роприятий, в реализации Комплексной программы экономической интеграции социалистических стран. Она решительно борется за упрочение политического единства и сплоченности социалистического содружества, вместе с другими участниками Варшавского договора принимает меры для укрепления безопасности социалистических стран. Широкое развитие получили ее культурные и научные связи со странами социалистического содружества. Тесное сотрудничество народной Польши с социалистическими странами создавало благоприятные условия для подъема ее экономики и культуры и способствовало развитию братских стран и укреплению социалистического содружества в целом. Народная Польша является важным и прочным звеном социалистического содружества.

Особенно большое значение для развития социалистической Польши имели ее братская дружба и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом. Эти принципы польско-советских отношений, закрепленные в договоре от 21 апреля 1945 г., были подтверждены и получили дальнейшее развитие в советско-польском договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанном 8 апреля 1965 г.²⁵ Советский Союз предоставлял Польше кредиты, оборудование, сырье, промышленные и продовольственные товары, во многом обеспечившие осуществление индустриализации страны. Польша со своей стороны поставляла в СССР необходимые ему машины, топливо, промышленные товары широкого потребления. Товарооборот между Польшей и СССР с 1950 по 1970 г. увеличился в 7,5 раза²⁶. В 1973 г. советские поставки и закупки составляли около одной трети всего внешнеторгового оборота Польши²⁷. В больших масштабах осуществлялось научно-техническое сотрудничество. Только до 1970 г. Советский Союз передал Польше 6,5 тыс. комплектов научно-технической документации, а Польша предоставила СССР 3,4 тыс. комплектов такой документации²⁸. Успешно развивался процесс производственного кооперирования и экономической интеграции обеих стран. Упрочилось политическое сотрудничество между ПНР и СССР, ПОРП и КПСС, основывающееся на принципах марксизма-ленинизма, общности интересов и целей, расширился взаимный обмен опытом социалистического и коммунистического строительства. Укрепились культурные связи и научное сотрудничество между обеими странами. Весьма плодотворным было сотрудничество между ПАН и АН СССР и другими научными учреждениями ПНР и СССР в разработке крупных, фундаментальных проблем современной науки.

Важное значение для дальнейшего развития всестороннего советско-польского сотрудничества имела встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека, состоявшаяся в декабре 1973 г. Она ярко показала единство взглядов обеих сторон по важнейшим вопросам общественно-политической жизни СССР и ПНР, их взаимоотношений и международного положения. Руководители КПСС и ПОРП с удовлетворением отметили «успешное развитие всесторонних связей между братскими партиями и народами Советского Союза и Польской Народной Республики» и выразили взаимную готовность «всерьез содействовать углублению связей между Центральными Комитетами и местными организациями КПСС и ПОРП, расширению советско-польского сотрудничества во всех областях государственной, общественной, научной и культурной жизни». Рассмотрев «вопросы экономиче-

²⁵ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1964—1965». М., 1966, стр. 161—164.

²⁶ «Краткий статистический ежегодник ПНР. 1971», стр. 261, 263.

²⁷ Там же, 1974, стр. 191, 193.

²⁸ С. М а е в с к и. Развитие польско-советского экономического сотрудничества. «Советское славяноведение», 1972, № 3, стр. 6.

ского и научно-технического сотрудничества на основе тесной координации народнохозяйственных планов обеих стран на предстоящее пятилетие», стороны «подчеркнули важность развивающейся производственной кооперации и специализации между СССР и ПНР» и планомерных, устойчивых и долговременных их связей. Расширение советско-польского сотрудничества является важным вкладом в дальнейшее укрепление социалистического содружества, в реализацию Комплексной программы социалистической экономической интеграции²⁹.

Народная Польша, проводя политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем, последовательно отстаивает дело мира и дружбы между народами. Она полностью одобряет Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, и всемерно содействует претворению ее в жизнь. Ее договор с ФРГ, политические и экономические соглашения с капиталистическими и развивающимися странами способствовали разрядке международной напряженности. Польша содействует ликвидации международных конфликтов, решительно осуждает агрессивные акции, оказывает поддержку развивающимся странам и освободительному движению народов. Вместе с КПСС и другими коммунистическими и рабочими партиями ПОРП выступает поборником единства и сплоченности мирового коммунистического и рабочего движения, решительно осуждает раскольническую националистическую политику китайских руководителей, направленную против СССР и других социалистических стран. «Братские коммунистические партии,— говорил на VI съезде ПОРП Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— воздают должное усилиям Польской объединенной рабочей партии, которая на протяжении всего послевоенного периода неизменно и активно борется за укрепление европейской и международной безопасности, за устранение очагов военной угрозы, за разоружение, за развитие мирного сотрудничества между народами. Возрожденная Польша, Польша социалистическая заняла достойное место в мировой политике»³⁰. Польский народ высоко оценивает значение братского союза ПНР и СССР для обеспечения его национальных интересов, успешного построения социализма. Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек в докладе на торжественном заседании сейма, посвященном 30-летию ПНР, указывал: «Основная предпосылка, определяющая место нашей страны в мире,— классовый и общенародный союз с Советским Союзом. Он служит прочной и надежной гарантией всех жизненных интересов Польши, позволяет ей играть важную роль в обеспечении международной безопасности и мира, повышает ее авторитет. Мы можем гордиться этим союзом, интернациональными узами, объединяющими нас с великой Советской державой, которая положила начало эре социализма в современной истории человечества и первой прокладывает путь к новому. Мы всесторонне упрочиваем эти близкие и взаимные, дружеские и партнерские связи путем идейного единения нашей партии с КПСС, солидарного взаимодействия наших государств во внешней политике, путем экономического сотрудничества и интеграции, путем взаимного сближения наших народов»³¹.

Характеризуя политику Советского Союза по отношению к народной Польше, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на торжественном заседании сейма подчеркивал: «Она состоит в том, чтобы все шире раздвигать рамки нашего сотрудничества, обогащать его формы, находить взаимовыгодные решения разнообразных и подчас нелегких про-

²⁹ «Правда», 1973, 20 декабря.

³⁰ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. I, стр. 68.

³¹ «Правда», 1974, 22 июля.

блем, которые жизнь выдвигает перед нашими странами. Это есть политика братской дружбы!»³².

Успехи, достигнутые польским народом в развитии экономики и культуры своей страны, открывают перед ним величественные перспективы — перспективы построения развитого социалистического общества. Ставится задача дальнейшего быстрого подъема уровня экономики и культуры страны, благосостояния народа. Предусматривается увеличение национального дохода к 1990 г. по меньшей мере в 4 раза, рост капитальных вложений в течение 20 лет по сравнению с прошедшими двадцатью годами в 5 раз, сельскохозяйственной продукции за это время в 2 раза. В результате национальное достояние увеличится в 3 с лишним раза. Будет построено 7,3 млн квартир, и каждая семья получит отдельную квартиру, к 1990 г. $\frac{2}{3}$ населения будут иметь образование выше начального. «Польша 90-х годов, — говорится в тезисах ЦК ПОРП о 30-летию ПНР, — будет страной с развитым социалистическим обществом. Современная организация общественной жизни, материальный достаток, связанный с всеобщим средним образованием и широким доступом к высшему образованию, с высоким уровнем культуры, обеспечат всем членам общества все более полное проявление творческих возможностей, активное и разумное использование способностей каждой личности, развитие заинтересованности и разумный отдых. Все это укрепит социалистические узы в отношениях между людьми и идейно-моральное единство всего общества. Возрастет достоинство труда, удовлетворение от участия в умножении общего блага по мере сил и возможностей каждого члена общества»³³.

Залогом успешного построения развитого социалистического общества в Польше является самоотверженный труд народа, марксистско-ленинская политика ПОРП, братское сотрудничество народной Польши с социалистическими странами. Общность интересов и целей прочно объединяет польский народ с народами Советского Союза и других социалистических стран, определяет их нерушимую дружбу и тесное братское сотрудничество.

³² «Правда», 1974, 22 июля.

³³ «Трубина Ludu», 20 II 1974.

А. И. ГОРШКОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА (1948—1960)

Вопросы строительства социализма в Чехословакии, роль рабочего класса и его партии в переходный период от капитализма к социализму, количественные и качественные изменения в составе рабочего класса в процессе построения нового общества еще всесторонне и глубоко не исследованы. В Чехословакии, промышленно развитой стране, в ходе социалистического строительства перед рабочим классом и КПЧ встал ряд сложных проблем. Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, используя опыт СССР и других социалистических стран, опираясь на их помощь, рабочий класс и его коммунистическая партия могли успешно строить социализм, преодолевая экономические и политические трудности в послевоенном развитии страны.

В процессе социалистического строительства произошли существенные количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Чехословакии.

Освобождение Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков Советской Армией в мае 1945 г. открыло путь для революционных преобразований в стране, однако к строительству социализма Чехословакия приступила после победы трудящихся над реакцией в феврале 1948 г.

В отличие от СССР и большинства других социалистических стран, Чехословакия (также как и ГДР) еще до вступления на путь строительства социализма была промышленно развитой страной, но ее промышленная структура, сложившаяся еще со времен вхождения страны в Австро-Венгерскую монархию, не отвечала потребностям социалистического развития.

После завоевания политической власти в стране рабочий класс под руководством КПЧ направил все свои усилия на построение материально-технической базы социализма, уделив главное внимание генеральной реконструкции промышленности, ее дальнейшему развитию и техническому совершенствованию в соответствии с задачами социалистического строительства. Это означало изменение сложившейся при господстве буржуазии структуры чехословацкой промышленности, делавшей ее зависимой от западных капиталистических стран, развитие тех ее отраслей, которые наиболее отвечали научно-техническому прогрессу. Предусматривалось прежде всего развитие основных и создание некоторых новых, перспективных отраслей тяжелой промышленности с учетом как собственных нужд, так и потребностей других стран народной демократии, проводивших социалистическую индустриализацию. В связи с этим необходимо было ликвидировать унаследованные от прошлого диспропорции в народном хо-

зайстве и резко расширить сырьевую, топливную и энергетическую базу промышленности. Это требовало рационального территориального размещения производительных сил, индустриализации остававшихся еще экономически слаборазвитых областей и особенно Словакии, выравнивания уровня ее промышленного развития по сравнению с чешскими областями. Проведение социалистической индустриализации Словакии в рамках промышленно развитого государства являлось также одной из особенностей переходного периода в Чехословакии.

Коренные преобразования во всех сферах общественной жизни Чехословакии в течение 1949—1960 гг. осуществлялись в соответствии с генеральной линией партии на социалистическое строительство, принятой на IX съезде КПЧ в мае 1949 г. Эта линия получила дальнейшее развитие в решениях X и XI съездов и общегосударственных конференций КПЧ. Курс партии на создание материально-технической базы социализма нашел отражение в плановых заданиях первой пятилетки, в народнохозяйственных планах на 1954 и 1955 гг. и директивах второго пятилетнего плана (1956—1960 гг.).

Народнохозяйственные планы этих лет были направлены на ускоренную перестройку чехословацкой промышленности в связи с потребностями развития всей экономики страны, на проведение коллективизации сельского хозяйства, укрепление обороноспособности республики, скорейшее оказание помощи другим социалистическим странам в создании их собственной крупной промышленности. На составление и выполнение этих планов, безусловно, влияла напряженная международная обстановка в 50-х годах.

Несмотря на чрезвычайно сложные задачи, вставшие в ходе строительства основ социализма, рабочий класс добился больших успехов. Намеченные КПЧ и чехословацким правительством задания по развитию промышленности были значительно перевыполнены. За 1949—1960 гг. произошла коренная перестройка всей чехословацкой экономики. Если в целом объем промышленного производства возрос в 3,7 раза, то выпуск продукции тяжелой промышленности увеличился в 4,3 раза¹.

Решение грандиозных и сложных задач строительства социализма в Чехословакии не обошлось без недостатков и ошибок. Возникшие в конце первой пятилетки диспропорции в связи с невыполнением задания по сельскохозяйственному производству, недостаточным развитием добывающей промышленности и отставанием легкой промышленности от тяжелой удалось в основном устранить в течение 1954—1955 г. и второго пятилетнего плана. Несмотря на высокие темпы прироста продукции во всех отраслях промышленности, все же к концу 50-х годов развитие таких отраслей, как горнорудная, энергетическая и химическая не вполне отвечало возросшим потребностям народного хозяйства страны.

Методы управления народным хозяйством к этому времени уже не соответствовали происшедшим изменениям в структуре экономики, в частности, в структуре промышленности. Осуществление в 1958—1959 гг. ряда мер по улучшению руководства народным хозяйством дало лишь частичные положительные результаты.

Однако несмотря на отдельные недостатки и трудности народное хозяйство за 1949—1960 гг. совершило большой скачок вперед, повысился

¹ К концу 50-х годов значительно расширились сырьевая, топливная и энергетическая базы промышленности. За рассматриваемые годы произошло и существенное расширение производства предметов потребления (более чем в три раза). Подъем промышленной продукции был достигнут в основном за счет увеличения производительности труда почти на 90%. См. «Statistická ročenka ČSSR. 1972». Praha, 1972, s. 24, 26.

жизненный уровень трудящихся. За рассматриваемые годы национальный доход возрос в 2,5 раза, а личное потребление увеличилось в два раза ².

Большим успехом чехословацких трудящихся явилась победа социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве. С завершением реорганизации сельского хозяйства социалистический сектор полностью стал господствующим в народном хозяйстве. В 1960 г. удельный вес социалистического сектора в создании национального дохода страны составил 93%, на личное хозяйство приходилось 5 и на частный сектор — 2% ³.

Успехи рабочего класса и всех трудящихся Чехословакии в социалистическом строительстве в 50-х годах позволили КПЧ на общегосударственной конференции 1960 г. заявить о выполнении «плана завершения строительства материально-технической базы социализма» ⁴.

Бурное развитие промышленности и других отраслей народного хозяйства после февраля 1948 г. свидетельствует о том, что социалистический путь открыл невиданные возможности для всестороннего развития всех производительных сил страны.

Борьба рабочего класса и всех трудящихся за построение материально-технической базы социализма привела к глубоким переменам в социальной структуре чехословацкого общества, о чем можно судить, сравнивая данные двух переписей населения страны (1950 и 1961 гг.).

Из сферы производства за эти годы были полностью устранены эксплуататорские классы, резко сократилась численность крестьян-единоличников, ремесленников и других мелких предпринимателей. Вместе представители этих социальных групп составляли в начале 1961 г. менее 4% населения страны ⁵.

Большую часть населения Чехословакии составляли рабочие и члены их семей. За время между двумя переписями удельный вес рабочих в общем составе населения страны существенно не изменился (остался на уровне примерно 56%), однако численность рабочих и членов их семей увеличилась с 6950 тыс. до 7738 тыс. ⁶ По переписи, проведенной 1 марта 1961 г., общая численность рабочего класса составила 3215 тыс. (т. е. 52,2% всего трудоспособного населения Чехословакии) ⁷.

В связи с повышением в экономике страны роли научно-технического прогресса удельный вес инженерно-технических работников и служащих в общей численности населения страны за годы между двумя переписями возрос с 16,4% до 27,9%. Огромное значение имело образование нового класса кооперированного крестьянства, который в начале 60-х годов составлял уже 10,6% всего населения республики ⁸.

Изменения в социальной структуре чехословацкого общества нашли отражение в новой конституции, утвержденной Национальным собранием 11 июля 1960 г., провозгласившей Чехословакию Социалистической Республикой.

² Ibid., s. 24.

³ «Statistická ročenka ČSSR. 1962», 1962, s. 42.

⁴ «Общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии. (Прага, 5—7 июля 1960 г.)». М., 1961, стр. 52.

⁵ «Hospodářský a společenský vývoj Československa (1918—1968). (Vybrané statě a statistické přehledy)». Praha, 1968, s. 10.

⁶ Ibid.

⁷ Подсчитано на основе результатов переписи населения I III 1961. См. «Vývoj společnosti ČSSR v číslech». Praha, 1965, s. 75, 476. Согласно переписи населения 1930 г. рабочий класс насчитывал 2599 тыс. (т. е. 39,7% всего трудоспособного населения страны). Подсчитано на основе материалов: «Statistická ročenka Československé Republiky. 1934». Praha, 1934, s. 15.

⁸ «Hospodářský a společenský...», s. 10.

Оценивая социальную структуру чехословацкого общества, сложившуюся к концу 50-х — началу 60-х годов, как в основном социалистическую, необходимо, однако, не упускать из виду, что строительство социализма в Чехословакии сопровождалось классовой борьбой и что в стране продолжали существовать силы, побежденные, но еще полностью не ликвидированные, которые не отказались от попыток реставрации капитализма в Чехословакии.

Как отмечалось на XIV съезде КПЧ, руководство партии в начале 60-х годов «неправильно оценивало достигнутую степень развития общества и идеализировало уровень его морально-политического единства». Ослабление классового подхода к проблемам развития общества вело к тому, что не учитывались силы и возможности еще сохранившихся в стране значительных остатков бывших эксплуататорских классов, «допускалась поверхностная оценка современного этапа развития, устанавливались нереальные сроки завершения строительства социализма»⁹. Это нашло отражение в ряде партийных документов конца 50-х и начала 60-х годов. Вывод, сделанный руководством КПЧ, что чехословацкие трудящиеся «успешно решили основные задачи переходного периода от капитализма к социализму и построили социализм»¹⁰, был сделан без глубокого анализа структуры классов и социальных групп в стране. Проявившаяся в результате этого недооценка значения классовой борьбы и ослабление идеологической работы явились одной из главных причин кризисных явлений в развитии чехословацкого общества в 1968—1969 гг.¹¹

Конечно, эти недостатки не умаляют значения огромных перемен, происшедших в социальной структуре чехословацкого общества к началу 60-х годов, и прежде всего революционных изменений в положении рабочих, количественных и качественных изменений в их составе.

Существенное влияние на состав рабочего класса оказало расширение источников его пополнения. Известно, что наличие ограниченных резервов рабочей силы является одной из особенностей строительства социализма в Чехословакии. В связи с нехваткой рабочей силы в бурно развивающихся отраслях промышленности необходимо было максимально использовать имеющиеся трудовые резервы¹².

Основными источниками пополнения рабочего класса в эти годы были молодежь и сельское население. Численность рабочего класса значительно возросла благодаря активному вовлечению в промышленность женщин из домашнего хозяйства, а также лиц старшей возрастной группы (мужчин старше 60 лет и женщин старше 55). В первые годы социалистического строительства в ряды рабочего класса социалистического сектора экономики пришли работники из небольших частнокапиталистических предприятий, из предприятий мелкотоварного сектора и частной торговли, ремесленники, кустари.

Молодежь включалась в производственный процесс, поступая непосредственно на предприятия, где проходила профессиональную подготовку под руководством высококвалифицированных рабочих и опытных ма-

⁹ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 25—29 мая 1971». М., 1971, стр. 21.

¹⁰ «Общегосударственная конференция...», стр. 51.

¹¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 9.

¹² Численность занятых в народном хозяйстве Чехословакии возросла за 1950—1961 годы на 10,4% (на 562 тыс.), однако за это время трудоспособное население увеличилось только на 3,3% (на 247 тыс.). Это означало, что число рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилось, главным образом, за счет резервов среди трудоспособного населения. Данные приведены из работы: «Vývoj společnosti CSSR...», с. 75.

стеров, и через разветвленную сеть профессионально-технических учебных заведений.

В течение 1949—1960 гг. постепенно снизился удельный вес молодежи в возрасте 15—19 лет, приходящей непосредственно после школы на производство¹³. Это было связано с введением обязательного школьного образования и дальнейшего обучения молодежи в профессионально-технических училищах и школах, а также в средних технических учебных заведениях.

Молодежь направлялась в наиболее важные отрасли промышленности. Например, в машиностроении и металлообработке в начале 1961 г. количество рабочих в возрасте до 30 лет составляло среди токарей почти $\frac{2}{3}$ общей численности, среди слесарей — около половины, среди инструментальщиков — более $\frac{3}{5}$, среди фрезеровщиков, электромонтеров, радиомехаников и автомехаников — более чем половину¹⁴. Рабочие в возрасте до 30 лет составляли в начале 60-х годов более трети общей численности рабочих в стране¹⁵.

Из сельского хозяйства в другие отрасли за 1949—1960 гг. ушло более 770 тыс. работников¹⁶. Однако этот процесс не был равномерным и сопровождался определенными трудностями.

В Словакии, где в начале социалистического строительства была слабо развита промышленность и преобладало сельское население, существовал значительный резерв рабочей силы, в то время как в Чешских землях уже в первые послевоенные годы и промышленность и сельское хозяйство испытывали недостаток рабочих рук.

Если в первые годы социалистического строительства наблюдался значительный прилив рабочей силы из деревни, то к 1953 г. этот приток прекратился. Больше того, острая нехватка рабочих рук в ряде сельских районов в течение 1953—1955 гг. привела к тому, что в сельское хозяйство стали направляться работники из промышленности и строительства.

В годы второй пятилетки дальнейшее развитие промышленности требовало притока новых рабочих рук, которые она могла получить в необходимом количестве только из сельского хозяйства. Развертывание широкой коллективизации сельского хозяйства во второй половине 50-х годов, сопровождавшееся и его технической оснащенностью, смогло в некоторой степени компенсировать новый отлив рабочей силы из деревни в промышленность и строительство¹⁷.

Большинство крестьян влилось в ряды промышленных и строительных рабочих. Об этом, в частности, говорят данные социологических исследований 1967 г., согласно которым 26,6% рабочего класса были выходцами из крестьянских семей¹⁸.

Важное значение для роста численности рабочего класса в рассматриваемые годы имел приход женщин, ранее не занятых в производстве, во все отрасли народного хозяйства Чехословакии¹⁹. В промышленности чис-

¹³ Так, если в 1953 г. непосредственно на производство пришло 76,5 тыс. молодых людей после окончания школы, то в 1960 г. — всего 13,4 тыс. См. V. S r b. Demografická příručka. Praha, 1970, s. 172.

¹⁴ «Vývoj společnosti ČSSR...», s. 225.

¹⁵ Ibid., s. 76.

¹⁶ Подсчитано на основе материалов: «Statistická ročenka ČSSR. 1973.», 1973, s. 22.

¹⁷ Более подробно об этом см. В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960). М., 1972.

¹⁸ «Sociální struktura ČSSR a její vývoj v 60 letech». Praha, 1972, s. 53.

¹⁹ Удельный вес женщин, занятых в народном хозяйстве, увеличился с 37,8% в 1948 г. до 42,8% в 1960 г., причем этот рост приходится в основном на годы первой пятилетки и 1954—1955 гг. «Dvacet let rozvoji Československé Socialistické Republiky», Praha, 1965, s. 37.

ленность женщин за 1949—1960 гг. возросла на 427 тыс. (на 96%). В конце 1960 г. в промышленности было занято 709 тыс. женщин-работниц (что составляло, примерно, 39% общей численности рабочих этой отрасли народного хозяйства)²⁰. Наиболее высокий удельный вес женщин-работниц был в легкой и пищевой промышленности. В машиностроении женщины-работницы составили одну треть общей численности рабочих-машиностроителей²¹.

Занятость женщин в рассматриваемые годы в народном хозяйстве Чехословакии была сравнительно высокой (из всех стран мира Чехословакия уступала только СССР, Румынии и Польше)²².

Активное привлечение женщин в народное хозяйство способствовало высвобождению мужской силы для таких отраслей, как тяжелая промышленность и строительство, особенно испытывавшие трудности с рабочими кадрами.

Рост участия женщин в общественном труде в Чехословакии, также как и в других странах социалистического содружества, несомненно, имел большое политическое и экономическое значение.

Социалистическая перестройка экономики Чехословакии вызвала рост численности рабочего класса во всех отраслях народного хозяйства.

Заметные перемены произошли у промышленных рабочих, которые являлись самым крупным отрядом рабочего класса. В 1961 г. их насчитывалось 1804 тыс. (примерно 56% общей численности рабочих страны)²³.

В отличие от СССР и большинства других социалистических стран, где в годы строительства основ социализма число промышленных рабочих резко возросло, в Чехословакии в течение 1949—1960 гг. даже самое высокое ежегодное увеличение численности рабочих в промышленности не превышало 5%, но все же общая их численность повысилась за эти годы на 37,8% (на 484 тыс.)²⁴.

В результате быстрого подъема ведущих отраслей промышленности коренным изменениям подверглась структура рабочего класса. Существенно снизился удельный вес рабочих таких традиционно развитых отраслей в стране, как текстильная, кожевенно-обувная, пищевая, а также деревообрабатывающая, полиграфическая, стекольная и швейная. В то же время значительно поднялся удельный вес рабочих, занятых в машиностроении и металлообработке, черной металлургии и химической промышленности.

Так, в ключевой отрасли промышленности, в машиностроении и металлообработке, за рассматриваемые годы численность рабочих увеличилась на 89% (на 271 тыс.). Металлисты являлись самым крупным отрядом рабочего класса и составляли к 1960 г., примерно, одну треть всех промышленных рабочих (576 тыс.)²⁵. По переписи населения 1961 г. наиболее многочисленными профессиональными группами этой отрасли являлись слесари (172 тыс.), электромонтеры (около 75 тыс.) и токари (72,5 тыс.)²⁶. По своей классовой сознательности и квалификационной подготовке они заметно выделялись в общей массе рабочих. Крупными отрядами были рабочие текстильной, топливной, пищевой и металлургической промышленности.

²⁰ «Rozvoj československého průmyslu». Praha, 1962, s. 108—109.

²¹ Ibid.

²² «Čísla pro každého. 1962 (Malá statistická ročenka)». Praha, 1962, s. 119.

²³ Подсчитано на основе материалов: «Vývoj společnosti CSSR...», s. 75, 476; «Statistická ročenka CSSR. 1964», 1964, s. 25.

²⁴ Подсчитано на основе материалов: «Statistická ročenka CSSR. 1973», 1973, s. 28.

²⁵ «Rozvoj československého průmyslu», s. 114—115.

²⁶ «Vývoj společnosti CSSR...», s. 225.

Небывалое увеличение капиталовложений в строительство и расширение масштабов строительных работ ²⁷ способствовали тому, что численность рабочих этой отрасли возросла на 59,3% ²⁸. В 1961 г. они составляли 8,4% общей численности рабочего класса Чехословакии (269 тыс.). Однако строительство продолжало испытывать потребность в рабочих кадрах, особенно — высокой квалификации.

Многочисленными отрядами рабочего класса являлись транспортники, которые в начале 1961 г. составляли 6,8% общей численности рабочего класса страны (228 тыс.), и сельскохозяйственные рабочие, составившие 9% (приблизительно 300 тыс.) ²⁹.

Межотраслевое перераспределение рабочих в рассматриваемые годы привело к прогрессивным изменениям в структуре трудовой занятости в Чехословакии. Так, рост численности рабочих и служащих в промышленности, строительстве и на транспорте сопровождался значительным сокращением численности работников в сельском хозяйстве. Это оказало благоприятное влияние на развитие чехословацкой экономики, способствовало успешному выполнению заданий первой и второй пятилеток в области промышленности.

Одновременно с ростом численности рабочего класса повышался уровень его концентрации, что было связано с реконструкцией старых и постройкой новых предприятий и ликвидацией раздробленности в промышленности и строительстве.

Реорганизации всей промышленности «на началах крупного коллективного производства и новейшей... технической базы», которую В. И. Ленин считал неперемennым условием для победы социализма над капитализмом ³⁰, КПЧ уделяла первостепенное внимание.

В 1949—1960 гг. в ходе социалистического строительства проходил процесс концентрации промышленного производства. В рамках реконструкции промышленности и специализации производственных программ значительно снизилось общее количество предприятий. Особенно высокая концентрация рабочих была достигнута в черной металлургии, текстильной промышленности и машиностроении.

В 1962 г. почти 64% всех рабочих и служащих промышленности было сконцентрировано на предприятиях, насчитывавших более 500 работников. По переписи 1930 г. на подобных предприятиях было занято только 24% ³¹. Однако в начале 60-х годов продолжало существовать и множество мелких предприятий, что усложняло организационную структуру индустрии страны.

Рост концентрации и специализации производства вел к более полному использованию производственных мощностей, ускоренному внедрению современной техники в производство и совершенной организации труда.

Высокая концентрация рабочего класса являлась одним из необходимых условий для идейно-политического сплочения его рядов и повышения квалификационного уровня рабочих. В рассматриваемые годы устранялась неравномерность территориального размещения промышленности.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства выдвинул конкретные задачи экономического развития чешских областей и Словакии.

²⁷ В 1960 г. объем капиталовложений возрос по сравнению с 1948 г. более чем в 17 раз. Подсчитано на основе материалов: «Statistická ročenka ČSSR. 1973», 1973, s. 26.

²⁸ Подсчитано на основе материалов: «Statistická ročenka ČSSR. 1964», 1964, s. 26—27.

²⁹ Подсчитано на основе материалов: «Vývoj společnosti ČSSR...», s. 75, 476; «Statistická ročenka ČSSR. 1964», 1964, s. 27, 264—265, 291.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 179.

³¹ «25 let socialistické výstavby od února 1948. Statisticko-ekonomický přehled». Praha, 1973, s. 51.

В последующие годы также принимались меры по более рациональному распределению производительных сил. Наряду с дальнейшим развитием старых промышленных чешских районов, которые являлись опорной базой социалистической реорганизации народного хозяйства, создавались индустриальные центры в слаборазвитых районах и изменялась экономическая структура областей ранее односторонне развитых. Это влияло на темпы роста численности промышленных рабочих в 1949—1960 гг.

В чешских областях эти темпы были меньше, чем в Словакии. Наибольший рост численности промышленных рабочих среди чешских областей был в Пражской (66%), в Южно-Чешской (51%) и Южно-Моравской областях (41%). Во всех других чешских областях он был ниже среднего по стране.

За рассматриваемые 12 лет в Словакии численность промышленных рабочих увеличилась: в Восточно-Словацкой области более чем в два раза, в Средне-Словацкой области — на 73%, в Западно-Словацкой области — на 67%³². Общая численность промышленных рабочих возросла с 190 тыс. в 1948 г. до 307 тыс. в 1960 г.³³, причем наибольшее увеличение численности рабочих отмечалось в отраслях тяжелой промышленности.

Это было связано с проведением социалистической индустриализации Словакии. За 1949—1960 гг. ее промышленное производство возросло в 5,2 раза³⁴. Более быстрые темпы развития промышленности Словакии способствовали постепенному выравниванию ее экономического уровня по сравнению с Чешскими землями. Так, если в 1948 г. удельный вес Словакии в производстве валовой промышленной продукции страны составлял 13,2%, то в 1960 г. — уже 18,6%³⁵. Социалистическая индустриализация Словакии являлась одной из основных предпосылок завершения построения в Чехословакии материально-технической базы социализма.

Успешное развитие словацкой промышленности стало возможно лишь благодаря помощи чешского рабочего класса. Формы помощи чешского рабочего класса были самыми различными. Это и поставки всевозможного оборудования, топлива и сырья из чешских областей в Словакию и непосредственное участие многих высококвалифицированных чешских рабочих, техников и инженеров в строительстве и пуске современных промышленных предприятий в словацких областях, подготовка квалифицированных кадров для словацкой промышленности на крупнейших предприятиях Чехии и Моравии. За рассматриваемые годы еще более укрепились братские связи между чешскими и словацкими рабочими, между двумя народами единого социалистического государства.

Изменение социальной структуры словацкой нации в результате резкого увеличения численности рабочего класса³⁶, высокие темпы роста промышленности Словакии соответствовали национальной политике Коммунистической партии Чехословакии.

Рациональное размещение промышленности по всей стране, возникновение индустриальных центров в ранее отсталых областях, более равномерное территориальное распределение промышленных рабочих отвечало интересам развития всего народного хозяйства Чехословакии, ибо вело к социальным переменам, к росту городского населения, существен-

³² «Rozvoj československého průmyslu», s. 274.

³³ «Statistická ročenka ČSSR. 1964», 1964, s. 34.

³⁴ «Hospodářský a společenský...», s. 45—46.

³⁵ «Hospodářský vývoj Slovenska». Bratislava, 1971, s. 49—50.

³⁶ Если в 1950 г. удельный вес рабочих и членов их семей в общей численности населения Словакии составлял 49,5%, то по данным на начало 1961 г. — уже 55,9%. Это свидетельствовало о выравнивании социальной структуры Словакии и Чешских земель, где в начале 1961 г. представители рабочего класса составляли 56,5% всего населения. См. «Hospodářský a společenský...», s. 10.

но влияло на культуру и быт жителей ранее экономически слаборазвитых областей.

Для рассматриваемых лет было характерно широкое внедрение в производство новой техники. В течение 50-х годов промышленность увеличила выпуск новых видов продукции: наиболее совершенное металлургическое и кузнечно-прессовое оборудование, генераторы и турбины, химическую и нефтяную аппаратуру, полуавтоматические и автоматические станки и линии, речные суда и электровозы, экскаваторы и грузовые автомобили, тракторы и автоматические молотилки и другие, которые отвечали современным требованиям. Это свидетельствовало о высокой квалификации чехословацких рабочих и инженерно-технических работников. В стране развертывались комплексная механизация и автоматизация основных производственных процессов, что вело к устранению тяжелого и неквалифицированного ручного труда, а также вредных для здоровья человека работ. Оснащенность промышленности машинами и оборудованием в расчете на одного рабочего возросла за 12 лет почти на 40%, а в некоторых ее отраслях еще более ³⁷.

Несмотря на успехи механизации и автоматизации, объем ручного труда в некоторых отраслях промышленности продолжал оставаться высоким и к концу 50-х годов, особенно в угольной, горнорудной и пищевой промышленности.

Победа социалистических производственных отношений, коренные изменения в экономической структуре страны, создавшие благоприятные условия для внедрения достижений научно-технического прогресса в производство, оказали определяющее влияние на рост общеобразовательного и квалификационного уровня чехословацких рабочих.

Общеобразовательный уровень рабочих в эти годы повысился и благодаря притоку на производство молодежи, окончившей восьмилетние и одиннадцатилетние школы, а также в результате расширения вечернего и заочного обучения.

Развитие среднего и высшего образования в стране привело к резкому росту числа специалистов в народном хозяйстве, что благоприятно сказалось на ходе социалистического строительства. Если в 1953 г. удельный вес специалистов с высшим и средним образованием в общей численности рабочих и служащих страны составил 10,4%, то в 1960 г. — уже 16,3% ³⁸.

Рост квалификационного уровня рабочих был возможен в результате создания и развития различных видов профессионально-технического образования.

Создание училищ государственных трудовых резервов в 1952 г. значительно улучшило подготовку квалифицированных рабочих из числа молодежи. За пять лет своего существования эти училища и заводские ученические школы подготовили свыше 362 тыс. молодых квалифицированных рабочих более чем 300 различных профессий ³⁹.

Наряду с положительными результатами в существовавшей системе профессионально-технического обучения имелось много организационных недостатков, которые стали тормозить, особенно с середины 50-х годов, подготовку необходимого числа молодых рабочих. Поэтому общегосударственная конференция КПЧ в июне 1956 г., рассматривая вопрос об обучении молодежи рабочим профессиям, выдвинула требование повысить качество подготовки молодых рабочих, поставить профессионально-техническое обучение ближе к производству и ориентировать его на удовлет-

³⁷ «Čísia pro každého. 1973», 1973, s. 110.

³⁸ «25 let socialistické výstavby...», s. 67.

³⁹ «Экономическое развитие Чехословакии 1948—1958». М., 1959, стр. 234.

ворение нужд народного хозяйства⁴⁰. Созданная в соответствии с этими требованиями новая система профессионально-технического обучения позволила готовить большее число квалифицированных рабочих в специальных школах (профессиональных училищах, центрах обучения рабочих и ученических школах). В 1960 г. в системе профессионально-технического обучения проходили подготовку свыше 241 тыс. юношей и девушек⁴¹. Значительная часть рабочих получила квалификацию непосредственно на производстве в заводских школах труда. Остальные рабочие прошли обучение на краткосрочных курсах или получили профессиональную квалификацию благодаря своему производственному опыту и продолжительному трудовому стажу.

За рассматриваемые годы произошли существенные изменения в квалификационной структуре рабочего класса Чехословакии. Согласно данным на конец 1959 г. в народном хозяйстве страны было занято 2861 тыс. рабочих, из которых неквалифицированные составляли 18,2% (521 тыс.)⁴². Удельный вес рабочих высокой квалификации составлял 25% (716 тыс.). Наиболее многочисленную часть составляли рабочие средней квалификации — 56,8% (1624 тыс.). Такая квалификационная структура рабочего класса по существу не изменилась и в 60-е годы⁴³.

В промышленности по данным на конец 1959 г. удельный вес квалифицированных рабочих составлял 82,2% (1440 тыс.) по сравнению с 61,4% (911 тыс.) в 1955 г.⁴⁴. Увеличение группы квалифицированных рабочих опережало намеченные показатели по второму пятилетнему плану⁴⁵, но в некоторых отраслях промышленности удельный вес неквалифицированных рабочих был относительно высоким⁴⁶.

Внедрение современной техники на строительно-монтажных работах вело к изменениям профессиональной структуры рабочих-строителей. Возросла группа высококвалифицированных строительных рабочих с всесторонним профессиональным и общим образованием. Только за 1956—1959 гг. численность квалифицированных рабочих в строительстве более чем удвоилась, и в 1959 г. их удельный вес составлял 58,4% (187 тыс.). Однако существование все еще значительного числа неквалифицированных рабочих являлось тормозом для более быстрого развития этой отрасли народного хозяйства.

В конце 50-х годов высокий удельный вес квалифицированных рабочих был среди транспортников (около 96%) и связистов (более 94%), а также сельскохозяйственных рабочих (приблизительно 93%)⁴⁷.

При анализе изменений квалифицированной структуры рабочего класса Чехословакии за исследуемые годы прослеживается неуклонный рост удельного веса квалифицированных рабочих, несмотря на то, что численность рабочего класса в основном увеличивалась за счет выходцев из крестьян и женщин, занятых ранее в домашнем хозяйстве. Сокращение удель-

⁴⁰ «Общегосударственная конференция...», стр. 267.

⁴¹ «Statistická ročenka CSSR. 1961», 1961, s. 112.

⁴² «Pracovní síly v československém hospodářství». Praha, 1970, s. 90—91.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ И. М и х а л и к. Планирование воспроизводства квалифицированной рабочей силы. М., 1964, стр. 194—195.

⁴⁵ За годы второго пятилетнего плана намечалось увеличить численность квалифицированных рабочих во всех отраслях народного хозяйства приблизительно на 500 тыс. См. V. H e n d r u c h. Příprava dorostu pro dělnické povolání. «Nová mysl». Praha, 1958, № 5, s. 448.

⁴⁶ Так, в 1960 г. удельный вес неквалифицированных рабочих в пищевой промышленности составлял 46%, в машиностроении — 31%. См. E. B a r t o š. Automatizácia a pracovná sila. Bratislava, 1968, s. 141.

⁴⁷ И. М и х а л и к. Там же.

ного веса неквалифицированных рабочих объясняется в первую очередь тем, что в связи с проведением широкой комплексной механизации и автоматизации производства была организована подготовка рабочих широкого профессионального профиля. На рост квалификации рабочих оказало сильное влияние движение новаторов и рационализаторов производства, развитие социалистического соревнования и создание бригад социалистического труда. Рост квалификационного и общеобразовательного уровня рабочих являлся важным фактором повышения производительности труда и увеличения производства продукции.

Глубокие изменения в политическом положении рабочего класса, победа социалистических производственных отношений отразились на росте уровня социалистического сознания рабочего класса Чехословакии. У рабочих появилось новое отношение к своему труду, невиданный трудовой энтузиазм. На развитие трудовой активности чехословацких рабочих большое влияние оказали ленинские идеи о социалистическом соревновании.

В годы первой пятилетки возникли и развились такие формы соревнования, как выдвижение встречных планов, соревнование за звание лучшего рабочего профессии, введение графика цикличности, движение «За честь производственной марки», массовое движение ударников труда. Только в промышленности к концу 1950 г. насчитывалось почти 208 тыс. ударников⁴⁸. В 1952 г. в промышленности появились первые комплексные бригады, объединяющие в своих рядах высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Такая форма сотрудничества сыграла большую роль во внедрении в производство новой техники и в более эффективном использовании имевшегося промышленного оборудования.

В годы второго пятилетнего плана получили распространение новые формы соревнования среди чехословацких рабочих: движение «Каждый по-новаторски», возникшее в конце 1958 г. и направленное на освоение передовых методов труда и повышение его производительности, движение «За пересмотр капиталовложений», возникшее по примеру трудящихся Владимирской области в СССР, соревнование за достижение высоких технических параметров, получившее распространение в основном в металлургической промышленности. Активную роль в социалистическом соревновании в эти годы играла молодежь, участвовавшая во всех патристических начинаниях в республике.

Подъем трудовой активности чехословацких рабочих в конце 50-х годов был связан с возникновением и быстрым развитием движения бригад социалистического труда по примеру начавшегося в СССР соревнования рабочих за коммунистический труд. В Чехословакии оно было вызвано как успехами рабочего класса в создании материально-технической базы социализма, так и повышением сознательности, ростом общеобразовательного и технического уровня рабочих. Очень скоро движение охватило все отрасли народного хозяйства. Если в конце 1959 г. в движение бригад социалистического труда включилось свыше 95 тыс. рабочих и служащих, то через год в нем участвовало 319,5 тыс.⁴⁹.

Одновременно с соревнованием за звание «Бригада социалистического труда» в Чехословакии получил развитие почин советской текстильщицы Валентины Гагановой.

О массовом развитии социалистического соревнования в стране свидетельствуют следующие данные: к концу 1960 г. в социалистическом сорев-

⁴⁸ «Statistický obzor». Praha, 1951, № 1—2, s. 6.

⁴⁹ L. J a š í k. Pracovní iniciativa v ČSSR. Bratislava, 1966, s. 71.

новании участвовало 3173 тыс. работников (65,2% всех занятых в народном хозяйстве)⁵⁰.

В 50-е годы большое развитие среди рабочих получило движение рационализаторов и изобретателей. Так, если в 1949 г. было подано 75 тыс. рационализаторских предложений (из них около 50 тыс. внедрено)⁵¹, то в 1960 г. — 296 тыс., из которых больше половины внедрено в производство⁵². Движение рационализаторов и новаторов было тесно связано с социалистическим соревнованием и особенно с такой его формой как ударничество.

На рост трудовой активности и творческой инициативы чехословацких рабочих в эти годы оказали влияние значительный подъем технического уровня производства, совершенствование системы заработной платы, неуклонное повышение жизненного уровня, пример и опыт советских трудящихся и широкие связи, установившиеся между чехословацкими и советскими рабочими. Социалистическое соревнование проходило под воздействием важнейших решений высших органов КПЧ и Революционного профсоюзного движения Чехословакии.

Однако несмотря на беспорные успехи в социалистическом соревновании встречалось еще много формальностей. Опыт передовиков труда и лучших коллективов не всегда был достоянием всех трудящихся. Еще слабо использовались формы морального и материального стимулирования, что тормозило инициативу трудящихся.

Массовая трудовая активность рабочего класса способствовала резкому подъему промышленности, досрочному выполнению плановых заданий первой и второй пятилеток, помогла бороться с трудностями в ходе социалистического строительства. Широкий размах социалистического соревнования, рационализаторского и новаторского движения, наблюдавшийся в эти годы в промышленности, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства, характеризовал рост социалистического сознания рабочих, повышение их культурно-технического уровня. Участие рабочих в социалистическом соревновании расширяло их роль в управлении производством.

Однако уровень развития социалистического сознания у различных слоев рабочего класса был далеко не одинаков. Основное ядро рабочего класса составляли потомственные кадровые рабочие, имевшие опыт борьбы с капитализмом и фашизмом, проявившие высокую классовую организованность и политическую зрелость в борьбе с реакцией в первые послевоенные годы и активно включившиеся в строительство нового общества. Многие из них были членами КПЧ. Эта часть рабочего класса постоянно пополнялась молодежью из рабочих семей. Однако необходимо учесть, что несколько тысяч наиболее активных и сознательных представителей рабочего класса перешли в эти годы на административную и государственную работу и другие ответственные посты, что несколько ослабило это ядро рабочих на предприятиях. По данным социологических исследований, проведенных в 1967 г., потомственные кадровые рабочие составляли 55,5% общей численности рабочих⁵³. Другая часть рабочего класса — бывшая рабочая аристократия, принадлежавшая ранее к национально-социалистической партии и поддерживавшая правые элементы в социал-демократической партии, не сразу преодолела свой консерватизм,

⁵⁰ «Socialistické soutěžení a hnutí brigád socialistické práce». Praha, 1960, s. 9.

⁵¹ «25 let socialistické výstavby...», s. 33.

⁵² «Rozvoj národního hospodářství ČSSR. Od XI do XII sjezdu KSČ». Praha, 1962, s. 73.

⁵³ «Sociální struktura ČSSR...», s. 53.

но условия социалистического строительства способствовали постепенному вовлечению этой части рабочих в процесс преобразования общества.

Как уже указывалось, в первые годы социалистического строительства рабочий класс пополняли в значительной степени бывшие представители мелкой буржуазии. По примерным подсчетам около половины прироста численности рабочих приходилось на выходцев из крестьян. Довольно значительная часть рабочих, прежде всего занятых в строительстве и промышленности, имела собственный участок земли в деревне (так называемые «кворольники»). В конце 50-х годов «кворольники» составляли примерно 20% от общего числа рабочих и членов их семей⁵⁴. Эта часть рабочего класса по сравнению с другими его слоями имела менее высокий культурно-технический и квалификационный уровень, и на нее большее влияние оказывала мелкобуржуазная идеология.

По данным социологических исследований, проводившихся в стране в 1967 г., представители мелких и средних крестьян составляли 26,6%, представители ремесленников и кустарей — 5,5, а выходцы из буржуазных семей — 2,1% общей численности рабочего класса⁵⁵.

Выходцы из других классов, недостаточный уровень классового сознания у молодого пополнения создавали определенную базу для проникновения в ряды рабочего класса социал-демократизма, буржуазного национализма, масарикизма и других классово чуждых идей. Опыт строительства основ социализма в Чехословакии показал, что формирование новых рабочих — вчерашних крестьян, служащих, учащихся, ремесленников, торговцев, воспитание новой трудовой дисциплины, социалистического сознания — это длительный процесс, который требует упорной, повседневной работы со стороны авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Наличие коммунистической партии, верной марксистско-ленинскому учению, является главным условием для успешной борьбы рабочего класса с еще сохранившимися остатками антисоциалистических сил в обществе, с влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на рабочий класс и другие слои населения. Для закрепления достижений рабочего класса в строительстве социализма принципиальное значение приобретала деятельность партии по повышению общего идеологического уровня рабочего класса. Ослабление этого фактора, как показали события 1968—1969 гг., имело серьезные последствия для общества.

Встав во главе государства, рабочий класс Чехословакии добился больших успехов в социалистическом строительстве. Как отмечалось на XIV съезде КПЧ, «под руководством коммунистической партии рабочий класс в исторически короткий срок убедительно доказал, что социализм несравненно более справедливый, демократический и прогрессивный общественный строй, обеспечивающий трудовому человеку более счастливую и зажиточную жизнь»⁵⁶.

⁵⁴ М. П а в л и ц а. Изменения структуры рабочего класса Чехословакии в процессе строительства социализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1973, стр. 9.

⁵⁵ «Sociální struktura CSSR...», s. 53.

⁵⁶ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 18.

В. И. ФРЕЙДЗОН

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ И РЕФОРМИЗМ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ XIX в. (Типологическая характеристика)

Национальные движения в Европе XIX в. являлись неотъемлемой частью борьбы развивающегося буржуазного общества против феодализма, абсолютизма и национального гнета, сопровождали процесс смены общественных формаций. Национальное освобождение, как и конституционный строй, создавало благоприятные условия для свободного развития буржуазных отношений. Общедемократические требования угнетенных наций являлись столь же «национальными», как и отстаивание свободы пользоваться родным языком, развивать национальную культуру и т. д.

При изучении национальных движений недопустимы как вульгаризация, сведение их к «чисто» экономическим интересам, так и отрыв национальной проблематики от вопросов классовой борьбы. В эпоху европейских национально-освободительных движений не было внеклассового национального вопроса или «саморазвития национальной идеи». В ярчайшем национальном многообразии исторических процессов всегда проявлялось их социальное содержание.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин указывали на то, что оценка каждого национального движения может быть дана лишь в широкой связи с задачами общественного прогресса, с всесторонним учетом места движения в общем историческом процессе в определенный период¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин уделяли главное внимание социальному содержанию общественных, в том числе национальных движений² и вместе с тем отмечали своеобразие освободительных движений, направленных против национального гнета. В частности, критика Лениным экономико-материалистических тезисов Р. Люксембург базировалась на глубоком понимании особенностей национальной проблематики.

Характеризуя эпоху буржуазно-демократических движений и революций в Западной, континентальной, Европе, продолжавшуюся, «примерно, с 1789 по 1871 год», Ленин отмечал, что «как раз эта эпоха была эпохой на-

¹ На востоке Европы, в частности в Австро-Венгрии и на Балканах, подъем буржуазно-демократических движений происходил в начале XX в., однако на политической позиции национальной буржуазии здесь уже сказался опыт классовой борьбы на Западе в начале эпохи империализма. Говоря о национальных движениях, мы имеем в виду в основном эпоху подъема буржуазии (до 70-х годов XIX в.), привлекая лишь отдельные более поздние факты из истории Восточной Европы.

² См., например, об «искусственном абстрагировании противоречий между теми классами, которые эту „нацию“ образуют». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 221.

циональных движений и создания национальных государств»³; что это «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности»⁴, «буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных и демократически-освободительных движений»⁵, что «тогда были и в Италии, и в Германии десятилетиями тянувшиеся народные движения национально-освободительного типа»⁶. «Во всем мире, — констатировал Ленин, — эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями»⁷; эти движения «везде в мире были и бывают» спутником буржуазно-демократической революции⁸.

Как видим, Ленин выделяет особый тип национально-освободительных движений, говорит о связи их с определенной эпохой, о том, что они сопутствуют буржуазно-демократическим революциям, могут являться частным случаем буржуазно-демократических движений⁹.

Национальные требования всегда отражали интересы классов; в национальных движениях классы вступали в многообразные отношения друг с другом в зависимости от социальной структуры как угнетенной, так и угнетающей нации. Но эти взаимоотношения — в особенности во время национально-освободительных восстаний — приобретали более или менее специфический характер, свойственный только национальным движениям. Борьба угнетенной нации за демократические преобразования происходила в особых условиях. Сама цель национального освобождения и объединения национальной территории накладывала печать на все общественное движение в среде угнетенной нации. Составной частью ее буржуазно-демократического переворота было образование национального государства. Национальный гнет обычно переплетался с социально-экономическим и общеполитическим гнетом над массой народа, но он существенно задевал также интересы эксплуататорских классов угнетенной нации — помещиков и буржуазии или их части.

По этим причинам иными, чем в прогрессивных движениях народов, не знавших национального гнета, были фронт борьбы, состав ее участников, расстановка сил, в определенной мере — психология, традиции участвовавших в борьбе классов, идеология, программы, тактика движения. Достаточно сравнить политическую позицию русского или австро-немецкого дворянства в середине XIX в., с одной стороны, польского и венгерского, с другой. Во всем этом проявлялась сущность нации как социально-этнической общности.

Только не упуская из виду основное содержание исторического феномена национально-освободительных движений (как элемента историче-

³ В. И. Ленин Полн. собр. соч. 25, стр. 269.

⁴ Там же, т. 26, стр. 143.

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ Там же, стр. 138.

⁷ Там же, т. 25, стр. 258.

⁸ Там же, т. 24, стр. 229.

⁹ В Великой французской революции или движении декабристов с большой силой проявился национальный момент — борьба за ликвидацию феодальных пут, сковывавших развитие нации, за «самоутверждение нации», за ее суверенитет, т. е. за торжество «национальной воли» (которую буржуазия отождествляла со своей волей) над феодальными носителями власти «милостью божьей». Хотя во Французской революции специфически национальные цели (ликвидация чужденационального господства) отсутствовали, идеи, цели, методы борьбы во Франции оказывали воздействие на мировоззрение деятелей национально-освободительных движений на протяжении всего XIX в. В этом сказались переплетенные и типологическая общность общедемократических и специфически «национальных» задач эпохи перехода от феодализма к капитализму.

ского процесса преобразования общества на буржуазных основах), можно рассматривать их весьма существенные особенности.

При любом повороте событий — в период подъема или спада национальных движений, даже во время национальных восстаний и войн, — консервативные, либеральные или демократические (в социальном или в общеполитическом отношении) силы национального движения осуществляли свою классовую политику. Именно потому, что в ходе национально-освободительной борьбы каждый класс добивался удовлетворения своих интересов, цели ведущих сил в этой борьбе — несмотря на ее крайнее ожесточение — могли быть ограниченными. В ряде случаев, например, непосредственные социально-политические интересы трудящихся масс народа нашли в них минимальное выражение (иной вопрос — благотворное значение национальной свободы вообще для народных масс, их просвещения, развития их классового самосознания и борьбы за социальный прогресс).

Специфика национальных движений нашла отражение в применявшихся Марксом, Энгельсом и Лениным формулировках, таких как «национальная война», «национальная революция» и т. п. Ленин писал о национальных, народных войнах, «примеры которых в Европе бывали, которые даже типичны для эпохи 1789—1871 гг.»¹⁰. Маркс указывал в 1871 г., что национальная война была высшим героическим подъемом, на который еще способно было старое общество¹¹. Ленин писал, что в 1914 г. «немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства»¹².

Национальные движения XIX в., как правило, были частью буржуазных или буржуазно-демократических движений, но частью весьма оригинальной. Объединенное национальное государство могло возникнуть в результате как демократических движений, так и политики «верхов». Ленин, рассматривая разногласия между Марксом и Лассалем, указывал, что тогда речь шла «о национальном движении (Германии и Италии), о том, чтобы оно развилось через головы „представителей средневековья“»¹³ (имеются в виду монархи, аристократия и т. д.). В 1860 г. Маркс выражал надежду на то, что удастся «раз навсегда оторвать дело национальностей от дела французской контрреволюции»¹⁴, т. е. от политики Луи-Наполеона, спекулировавшего на «принципе национальностей».

Ситуация в Германии ярко свидетельствовала об особенностях национальной проблематики. В связи с категорическим отказом Бисмарка допустить формирование либерального парламентского министерства в Пруссии Энгельс отмечал: «Бисмарк самым решительным образом боролся против парламентских требований буржуазии. Но он горел желанием осуществить ее национальные требования; (...) если бы он претворил в жизнь объединение Германии в том виде, как это было формулировано буржуазией, то... Бисмарк сделался бы таким же кумиром буржуазии, как и его прообраз — Луи-Наполеон»¹⁵.

¹⁰ В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 215. Войны за создание национальных государств Ленин называл «национальными» («Таков характер войн со времени Великой французской революции и вплоть до итальянских и прусских войн»). Там же, т. 26, стр. 28.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 365.

¹² В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 16. Подробнее см. В. В. Зеленин. В. И. Ленин о национальной революции южного славянства. «Советское славяноведение», 1969, № 2.

¹³ В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 138.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 30, стр. 459.

¹⁵ Там же, т. 21, стр. 447.

В данной работе мы хотим обратить внимание главным образом на особенности течений в национально-освободительных движениях эпохи борьбы против феодально-абсолютистских порядков или их крупных пережитков в Европе, а также на социальную характеристику основных политических направлений в среде угнетенных наций, а именно — революционного, преследовавшего решительные цели, и соглашательского, готового удовлетвориться компромиссом с реакционными правящими кругами того или иного многонационального государства¹⁶.

В эпоху кризиса феодализма и буржуазно-демократических движений в Европе консервативный (реакционный по своей классовой основе) национализм или элементы консерватизма в национальных движениях (стремление обеспечить или расширить свои земско-сословные права при сохранении старых производственных отношений и даже для их сохранения) нередко сказывались там, где дворянство было гегемоном движения или участвовало в нем. Эта политика являлась продолжением и развитием традиций старого сословного сепаратизма, своими корнями уходила в эпоху, предшествовавшую подлинно национальным движениям, но вместе с тем уже смыкалась и переплеталась с нарождавшимися национальными интересами (например, венгеро-хорватская оппозиция политике Иосифа II в Австрийской империи). Поэтому в дальнейшем, по мере социально-экономических перемен, эти круги (речь идет о том, же венгерском дворянстве) могли пойти по пути глубокой национальной радикализации. Но основную общественную базу национальных движений составляли либеральные (буржуазно-дворянские) и буржуазно-демократические (мелкобуржуазные) слои общества, наконец, крестьянство.

Роль классов и слоев в национальном движении зависела от их политической зрелости, от всей социальной структуры нации, их реальный вклад в борьбу подчас не соответствовал их заинтересованности в глубоких общественно-(обще)политических переменах. Вообще наиболее «национально» настроенными (в смысле безусловного отстаивания радикальной национальной программы) часто являлись не те классы, которые подвергались наибольшему угнетению (крестьяне, рабочие), а те, непосредственные экономические и общественно-политические интересы которых терпели ущерб от инационального господства и которые осознавали это. Таково, например, в 20—40-х годах XIX в. польское дворянство в Королевстве Польском и Галиции, в 30—40-х годах — дворянство Венгрии, в 60-х годах — часть буржуазии славянских земель Австрийской империи, экономически подавляемая австро-немецким капиталом и налогами и т. д. В эпоху кризиса феодализма, развития капиталистических отношений и формирования наций в странах с влиятельным многочисленным дворянством и относительно слабой буржуазией (Польша, Венгрия, Хорватия) роль руководителя, представителя нации, более или менее длительное время принадлежала дворянству. Находясь на разных ступенях процесса обуржуазивания, оно по-своему пыталось решить задачи эпохи. При этом национальный гнет способствовал политической радикализации дворянства, широко втягивавшегося в товарно-денежные отношения. В этих случаях крестьянство некоторое время — именно ввиду того, что национальный вопрос в ряде стран был «господским делом» — сдержанно относилось к движению. Социальная борьба крестьянства подчас приходила в противоречие с национальным движением, которое возглавляла шляхта. В польском обществе Галиции в 40-е годы XIX в. нарастал острый социальный конфликт, вылившийся в 1846 г. в крестьянское восстание против

¹⁶ Характеристику националистических течений в среде господствующей нации в зависимости от главенства «тех или иных классов в буржуазной стране» см. В. И. Ленин. Там же, т. 25, стр. 318.

помещиков и использованный австрийским правительством для срыва польского национального движения. В 60-х годах власти предполагали воспользоваться классовыми противоречиями в Венгрии и Хорватии в случае, если бы дело вновь дошло до угрозы национальных восстаний.

Национальный радикализм (или революционность) проявлялся раньше там, где были острее противоречия между силами, представлявшими нацию, и угнетательским государством, и не обязательно там, где, например, буржуазные отношения были более развиты, процесс развития нации, зашел дальше, был выше уровень производительных сил и т. п., не обязательно и там, где гнет объективно был более тяжелым (хотя и первое и второе имело огромное значение). В подъеме национально-освободительной борьбы играл роль широкий комплекс объективных и субъективных факторов, в том числе национальные традиции и др. Эти обстоятельства необходимо иметь в виду, применяя марксистско-ленинское учение о революции и революционной ситуации к проблематике национально-освободительной борьбы, учитывая особенности национально-освободительных революций.

«Консервативная революция» — так определил Энгельс социальную сущность польского восстания 1830 г.¹⁷ Эта предельно лаконичная формулировка включает разностороннюю характеристику движения. Восстание, направленное против царского самодержавия, было справедливой национальной революцией. Классовое содержание его было ограниченным, в этом заключалась его политическая слабость. Программы весьма умеренных социальных реформ, предусматривавшихся вождями движения в будущем, не связывались ими непосредственно с самим восстанием. Дворянские руководители восстания не хотели поднимать опасного для них социального вопроса. Демократические силы (И. Лелевель) не пользовались широким влиянием¹⁸. Но здесь сказалась специфика национально-освободительных движений. «Старое общество», дворянское общество Польши оказалось способным на подвиг. Энгельс отмечал, что эгоистичный польский господствующий класс на поле битвы был «самоотверженным, полным энтузиазма и мужества»¹⁹.

Хотя даже победа восстания 1830 г. не давала гарантии освобождения крестьянства от оков феодального гнета, все же ликвидация гнета национального знаменовала бы шаг вперед в истории польского народа, она стимулировала бы освободительную борьбу поработанных масс, их политическое просвещение, облегчила бы их эмансипацию от клерикального и националистического влияния, стала бы частью буржуазного преобразования Европы.

Национальным революциям, развертывавшимся при гегемонии дворянства, были присущи трагические противоречия; помещичье своекорыстие накладывало печать на их идеологию, программу и политическую линию²⁰.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 4, стр. 492.

¹⁸ «Как в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях был невозможен; (...) дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полное упразднение крепостного состояния и феодальной зависимости и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним...». К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 7, стр. 395. В связи с анализом борьбы испанского народа против Наполеона Маркс писал о целесообразности сочетания социальных преобразований с мерами национальной обороны. Там же, т. 10, стр. 471.

¹⁹ Там же, т. 4, стр. 491.

²⁰ В идеологии национальных движений, развивавшихся при гегемонии дворянства, имели место особенности, связанные с дворянской традицией, с воспоминаниями о былой государственной самостоятельности, с «историческим правом». Последнее бралось на вооружение с целью обоснования как требований

Вообще в разной степени умеренность и ограниченность социальных программ ведущих прогрессивных сил национального движения в ряде стран объяснялась тем, что они были представителями имущих слоев. В XVIII — первых двух третях XIX в. «в разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда... даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»²¹.

Это сказалося в венгерской национальной революции 1848—1849 гг., развернувшейся в условиях гораздо более развитых буржуазных отношений, чем в Польше 1830 г. Либеральное дворянство Венгрии, связанное с международным капиталистическим рынком, выступило с программой ликвидации австрийского абсолютизма и основ феодализма, учреждения парламентского строя. Это были действительно революционные буржуазные требования. Но в области аграрных отношений дворянство пошло хотя и на существенные, но ограниченные буржуазные реформы, а в своей политике по отношению к угнетенным народам Венгрии оно было непримиримым. Господство венгерских землевладельцев и еще слабой буржуазии над миллионными массами венгерских, славянских и румынских крестьян — большинством населения исторического Венгерского королевства — было несомненно демократией.

Национальная революция, как правило, представляла собой вид буржуазной революции, однако в каждом случае необходимо выяснение роли того или иного слоя «имущих товаропроизводителей» в руководстве ею, глубины осуществленных революционной властью буржуазных преобразований, значения данной революции для решения важнейших международных прогрессивных задач.

По своему историческому содержанию, задачам, генеральной тенденции события в Венгрии явились буржуазной революцией. При этом нельзя упускать из виду ее особенности: национальный характер²² и гегемонию либерального дворянства, ограничившую ее социальный размах.

При оценке венгерской революции 1848—1849 гг. следует учитывать подход Ленина к проблеме польского восстания 1863—1864 гг., возглавлявшегося дворянством²³. Ненависть румынского, сербского, словацкого или украинского крестьянства к венгерскому помещику²⁴ была столь же законной, как ненависть украинского крестьянина к помещику польскому. Тем не менее значение венгерской революции очень велико.

национальной независимости, так и претензий на восстановление суверенитета над всей былой государственной территорией (Польша, Венгрия), население которой, в значительной мере инонациональное, являлось объектом многослойного гнета. Процесс обуржуазивания дворянства усиливал его националистические устремления.

²¹ В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 144.

²² «Национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии» (В. И. Ленин. Там же, т. 30, стр. 38); здесь, как обычно в определениях, данных Марксом, Энгельсом и Лениным и относящихся к процессам в области национальных взаимоотношений, внимание сосредоточено как на общем социально-политическом содержании событий, так и на их национальном характере (специфике).

²³ Указывая на «законность» ненависти украинского крестьянина к польскому помещику, Ленин критиковал М. Драгоманова, не понимавшего общеевропейского значения польского «шляхетского» движения в определенную эпоху. См. В. И. Ленин. Там же, т. 25, стр. 297. Подробно об этом см. В. А. Дьяков. В. И. Ленин об освободительном движении в Польше и его оценке М. П. Драгомановым. В кн. Ленин и Польша. М., 1970.

²⁴ Указанный антагонизм далеко не исчерпывал существа конфликтов в период венгерской революции. Венгеро-хорватские противоречия имели иной характер. Кроме того, в политической борьбе сказались различие интересов буржуазии угнетенных национальностей Венгрии (не только крестьянства) и венгерских обуржуазивающихся слоев.

Она развивалась в русле общеевропейской революции. Она потрясла основы империи Габсбургов и, более того, грозила всей системе господства европейской реакции. Венгерская война, писал Энгельс в 1849 г., «вступает во взаимодействие со всеми остальными факторами европейского движения. Ее ход оказывает влияние не только на Германию, но и на Францию и Англию»²⁵.

Однако классовая ограниченность венгерского дворянства во внутренней политике не являлась чем-то привходящим и малозначительным: именно эта черта обусловила колебания и разногласия в среде венгерских революционеров в 1848—1849 гг., а позднее, в 60-х годах XIX в., решающим образом сказалась на развитии событий в Австрийской империи.

Многие революционеры эпохи подъема буржуазии, исходя из принципа общности национальных интересов всех классов в освободительном движении, более или менее решительно выступали за вовлечение широких слоев народа в борьбу, намеревались ввести в будущем национальном государстве политические свободы, т. е. были буржуазными демократами, но, как правило, не отстаивали непосредственных социальных требований масс (в лучшем случае имея в виду ограниченные реформы в их пользу), нередко относились к ним с предубеждением или враждебно. При помощи только таких определений как «демократ» или «либерал» невозможно полностью выразить сущность и значение их политической позиции, реальное содержание их деятельности, их историческую роль. Эта категория в основном охватывается понятием «буржуазные революционеры», но и оно не указывает на некоторые характерные особенности взглядов и деятельности участников национально-революционных движений (достаточно сравнить революционеров Франции или Испании с революционерами Греции, Италии, Ирландии и др.)²⁶.

Речь идет о весьма широкой категории революционных борцов за национальное освобождение. По классовому положению это были дворянские и буржуазные революционеры²⁷. Такими национально-революционными деятелями являлись борцы за независимость: в Греции — дворянин А. Ипсиланти, в Италии — буржуазный демократ Дж. Мадзини, в Польше — Л. Мерославский (1848 г.), многие активисты партии «красных» — герои восстания 1863 г., ряд сербских и хорватских буржуазных деятелей в 60-х годах XIX в., у болгар — Г. Раковский, Л. Каравелов, у чехов в 60-х годах — Й. В. Фрич.

Большой интерес представляет позиция Дж. Мадзини и ее характеристика, данная Марксом в 1858 г. «До сих пор, — писал Маркс, — он играл роль главы республиканских формалистов Европы. Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди были неспособны оценить значение организации общества, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 6, стр. 559.

²⁶ Л. Кошут, например, в сфере социальной осуществлявший либерально-помещичью политику, выступил как выдающийся организатор национальной войны, непримиримый борец, не остановившийся перед детронизацией Габсбургов. Эта деятельность не вяжется с обычными представлениями о либерализме! Дж. Мадзини, конечно, был буржуазным радикалом, демократом, республиканцем, но и это не исчерпывает характеристики его деятельности.

²⁷ В современной болгарской и югославской историографии принят термин «национальные революционеры». Быть может, целесообразно писать о «буржуазно-национальных революционерах» (в частности, в болгарском освободительном движении). Термин «национальные революционеры», на наш взгляд, приемлем (аналогично термину «национальная революция») при одном условии: если исследователь сознает, что не было внеклассовых «национальных» революционеров и что необходим анализ различных интересов социальных слоев и классов, которые временно сходились на национально-освободительных задачах.

ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. <...> Человеку пресыщенному легко насмеяться над материализмом людней голодных, которые требуют обыкновенного хлеба вместо возвышенных идей. Триумвирам Римской республики 1848 г., предоставившим крестьянам Кампании пребывать в состоянии рабства более жестокого, нежели рабство их предков времен Римской империи, разумеется, было негрудно разглагольствовать на тему о низком духовном уровне сельского населения, <...> Теперь и г-н Мадзини не считает ниже своего достоинства обращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов, <...> Хотелось бы только надеяться, что Мадзини на этом не остановится...»²⁸.

Здесь Марксом отмечен сдвиг в отношении буржуазных национально-революционных деятелей к социальным проблемам, который имел место в 50-х и более явственно — в 60-х годах XIX в. Это характерно не только для Италии. Но сущность их взглядов осталась прежней. Они не стали представителями крестьянства, а последнее не могло выступать за решение «только национальных» задач. Что касается рабочих, то мадзинисты стремились использовать их большую ударную силу в качестве резерва радикальной буржуазии.

В период кризиса и краха феодализма за революционный путь борьбы выступали различные по социальному составу силы: представители поместного дворянства, в разной мере обуржуазившегося, буржуазии и мелкой буржуазии, неимущие разночинцы — мелкодворянская по происхождению и мелкобуржуазная интеллигенция.

Деятелей революционного крыла национального движения нередко разделяло многое в социальном, идейном и общеполитическом плане. Но при всех различиях, противоречиях, борьбе между ними нечто важное до поры до времени сближало или объединяло их. Нечто общее было и между революционером разных угнетенных наций — опять-таки, при всех различиях между ними.

Как правило, в разных странах континента — от Греции до Польши — общим для них было: непримиримость к «священному союзу» реакционных государств и охраняемому им *status quo*, отстаивание национального суверенитета, «принципа национальности». Все это сочеталось с сочувствием национально-освободительным движениям других народов, а нередко — участием в этих движениях, но лишь если те не затрагивали интересов их нации. Для этих деятелей характерно подчинение социальных — аграрных и иных — проблем задачам «только национальным» (формулировка Энгельса), которые обычно рассматривались с буржуазной точки зрения (создание лучших условий для развития экономики и т. п.), либерализм или буржуазный демократизм, выдвижение программы конституционной монархии или республики. Они отстаивали необходимость освободительной борьбы и организовывали ее, подчас даже в условиях, мало благоприятных для успеха, в своей пропаганде они нередко утверждали, что народные массы всегда готовы к восстанию, необходимо лишь организовать его, «бросить искру» и т. п.

Как правило, являясь противниками феодализма, причину всех бед они видели в национальном гнете и идеализировали общественные отношения в будущем независимом государстве.

Идеи национальной революции были присущи главным образом тем слоям, чье общественно-экономическое положение находилось под угрозой,

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 12, стр. 434—435. Маркс с глубоким уважением относился к Мадзини — революционеру, патриоту, демократу, хотя отмечал ограниченность его как буржуазного деятеля. Там же, т. 13, стр. 381—386.

или тем, которые испытывали серьезные затруднения в своем развитии (часть дворянства и буржуазии, мелкая буржуазия и др.). В национально-революционное течение вовлекались и клерикальные круги, особенно если национальный гнет переплетался с религиозным (южные славяне в Турецкой империи, Польша).

В мирные периоды или в годы подготовки национально-освободительных восстаний и революций сторонники революционных методов обычно участвовали в легальной политической борьбе (где она вообще была возможна), занимая национально-радикальные позиции. Они выдвигали широкие национальные требования — вплоть до полного суверенитета или, например, личной унии, нередко прикрывая их плащом законности. Такова, например, позиция венгерских национальных радикалов (партии Кошута), до 1848 г. отстаивавших «историческое право» королевства св. Стефана на самостоятельность под властью Габсбургов. В таких случаях нетрудно увидеть различие между фразеологией движения и его подлинными целями. Национальная революция обычно была продолжением и развитием политики национал-радикализма иными средствами. Но иногда национал-радикалы не поднимались до революции, а надеялись достичь национальной свободы с помощью иностранных государств.

Национальные революционные деятели были склонны к сотрудничеству не только с демократическими и революционными движениями в других странах, но и с правящими кругами стран, враждебных государству-угнетателю. Они проявляли готовность идти на разные уступки (предложение короны будущего независимого государства представителям иностранных династий и т. п.), если эти уступки формально не ущемляли суверенных национальных прав.

В этом сказывалась слабая связь большинства революционеров с миллионными массами своих народов, что впрочем понятно ввиду классовой ограниченности идейно-политической позиции этих деятелей, нередко — трудностей вовлечения крестьянства в национальное движение, а также обычно крайне неблагоприятного для угнетенного народа соотношения сил между ним и его угнетателем.

Особую категорию составляют национально-буржуазные деятели стран, каждая из которых являлась ядром будущего общенационального государства и центром борьбы нации за освобождение и объединение. Они могли быть умеренными либералами (К. Б. Кавур, Ч. Бальбо и др.), сторонниками автократии (М. Обренович, И. Карапанян в Сербии). Рассчитывая прежде всего на конфликты между европейскими державами и на национальные войны (в сочетании с этими конфликтами), они не отказывались и от использования национальных восстаний в стане противника, стремясь сохранить контроль над национально-революционным движением и жестокими мерами пресекая попытки народных масс отстаивать свои классовые интересы.

В Центральной и Юго-Восточной Европе можно указать на два варианта национальных войн в XIX в., которые велись с целью создания объединенных национальных государств. Первый — итальянский и сербский. Здесь имелось ядро общенационального государства и территории под иноземной властью. Другой — германский. Перед Германией стояла задача объединения национальных земель в единое государство и соответствующих буржуазных преобразований. В обоих случаях единое национальное государство могло возникнуть либо в результате восстаний и демократической революции («снизу»), либо национальных войн, которыми руководили господствующие классы («сверху»), либо в результате того и другого (именно так развивались события в Италии и южнославянских землях).

Национальные войны, которые велись самостоятельными государствами (Пруссия, Пьемонт, Греция, Сербия, Болгария, Черногория) с целью освобождения или только воссоединения части национальной территории, и некоторые другие акции этих государств, предпринимавшиеся с той же целью (дипломатические, пропагандистские, организация восстаний и т. п.), очевидно, надо рассматривать, как способ решения национальной проблемы «сверху», как действия аналогичные, типологически близкие «революции сверху». Сюда можно отнести, например, тайную поддержку Кавуром действий Гарибальди (весьма ограниченную и своекорыстную), когда сардинское правительство считало это выгодным для правящих кругов Пьемонта ²⁹.

В 1882 г. Энгельс писал, что «одной из действительных задач революции 1848 г. ... было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы» и что «эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции — Бонапартом, Кавуром, Бисмарком — соответственно тогдашним отношениям» ³⁰. В 1895 г. Энгельс отмечал, что Бисмарк в 1866 г. «произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии. <...> Общим же результатом было то, что самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением Польши, стали действительностью <...> Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками» ³¹.

В данной связи можно напомнить слова Ленина о результатах первой Балканской войны в 1912 г.: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе» ³². Несмотря на это — и здесь вновь историк имеет дело с национальным феноменом — для Македонии результаты войны были равнозначны буржуазной революции ³³.

Ясно, что между конкретным классово-политическим содержанием, движущими силами революций и «революций сверху» (как способом борьбы эксплуататорских классов за свои цели) всегда имелись коренные различия. Относительно Германии, Италии и Венгрии Энгельс констатировал, что национальная проблема была решена «в границах, достаточно широких для того, чтобы процесс развития рабочего класса не тормозился более национальными осложнениями» ³⁴. Национальный вопрос был решен, но способ осуществления преобразований («сверху» Бисмарком и деятелями, ему близкими в социально-политическом отношении) был крайне невыгоден для рабочего класса ³⁵. Это было далеко не безразлично для судьбы Германии и Австро-Венгрии.

Особенность национальной проблематики проявилась и в событиях в Германии и Италии в 60-х годах XIX в. В результате реформ и «революции сверху» назревшие исторические задачи социального и общеполити-

²⁹ Но организация пруссаками в 1866 г. венгерского легиона генерала Клапки — акт иной по содержанию.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 35, стр. 219, 220.

³¹ Там же, т. 22, стр. 536, 537. Говоря о том же периоде (60-е годы XIX в.), Лешн отмечал, что тогда кончалась «эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*». В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 81.

³² Там же, т. 22, стр. 156.

³³ Там же, стр. 186.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 537.

³⁵ Преобразования в Пруссии и Австрии были осуществлены «в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья». Там же, т. 20, стр. 311.

ческого характера решались половинчато, с сохранением «массы остатков средневековья» (политика Гогенцоллернов и Габсбургов в этом отношении особенно характерна), но «только национальная» задача — создание объединенного национального государства — могла быть решена³⁶. Однако это решение затрагивало лишь некоторые народы, большинство же их в результате политики эксплуататорских и реакционных «верхов» осталось угнетенными.

Маркс, Энгельс и Ленин указывали на относительную прогрессивность и ограниченное значение решения национальных проблем «сверху», неустанно боролись за упрочение демократических сил в национальных движениях. В частности, в связи с Балканскими войнами Ленин писал о предпочтительности демократической революции и создания федерации «вполне и до конца демократических государств»³⁷.

Правящие круги иностранных государств нередко стремились использовать национально-освободительные движения в своих целях, в частности, в борьбе против своих внешнеполитических противников. Хотя реакционные правительства держав понимали общедемократическое содержание национально-освободительной борьбы, они склонялись к поддержке некоторых движений, конечно, лишь в определенных рамках. Поэтому и могли создаваться такие ситуации, когда в XVIII в. дворянская Франция поддерживала борьбу американских колоний против буржуазной Англии, а в 1859 г. находились «на одной стороне реакционнейшая европейская монархия, угнетавшая Италию, на другой — представители освобождающейся и революционной Италии, вплоть до Гарибальди, рука об руку с архиреакционером Наполеоном III и т. д.»³⁸.

Рассматривая вопрос о роли внешнеполитического фактора для судеб различных национально-освободительных движений, следует иметь в виду не только то, что эти движения становились объектом маневров и интриг иностранной дипломатии, но и то, что внешнеполитические конфликты часто способствовали решению задач освободительной борьбы (русско-турецкие войны, войны Франции и Пруссии против Австрии). Очевидно, использование этих конфликтов следует рассматривать как способ решения национальной проблемы «сверху». Конечно, и в данном случае решение проблемы «сверху» сказывалось на степени демократичности преобразований в освобожденной стране³⁹. Но для многих национальных буржуазных революционных деятелей это не имело существенного значения. Они больше всего опасались захвата части национальной территории соседними государствами, в меньшей степени их интересовали внутриполитические порядки в тех государствах, сотрудничество с которыми они пытались поставить на службу своей цели. Так, Мадзини в принципе не отказывался от контактов даже с Николаем I, но не достиг результата потому, что последний не хотел поддержать республиканцев.

Для представителей либеральных по социальным и общеполитическим принципам течений в национальных движениях, т. е. буржуазных деяте-

³⁶ В Италии, где объединение страны явилось результатом борьбы и «снизу» и «сверху», в 1859—1870 гг. австрийский гнет над севером страны был уничтожен, ликвидированы реакционные абсолютистские режимы (Неаполь, Папская область, ряд княжеств), введена единая конституционная система, но прежние социальные отношения в деревне (на юге страны в особенности отсталые) были сохранены. Национальные войны приводили и к более существенным результатам (например, Первая Балканская война 1912 г.), но и тогда на этих результатах лежала печать политики «верхов».

³⁷ В. И. Ленин. Там же, т. 22, стр. 152.

³⁸ Там же, т. 26, стр. 136. И это несмотря на крайнее недоверие, с которым мадзинисты относились к Наполеону III ввиду его экспансионистской политики.

³⁹ Русско-турецкая война 1877—1878 гг. имела для Болгарии последствия, аналогичные буржуазной революции.

лей, далеких от масс своих народов и чуждых (или враждебных) их социальным устремлениям, были особенно характерны поиски поддержки со стороны иностранных правительств и буржуазно-дворянской общественности, т. е. сил, им родственных в общественно-политическом отношении. Это было связано с надеждами на ликвидацию национального гнета «сверху», без глубоких социальных потрясений, опасных для имущих слоев. Такой была, например, ориентация многих славянских буржуазных деятелей в их борьбе против турецкого и австрийского господства (богатая болгарская буржуазная эмиграция в Румынии в 60—70-х годах XIX в., часть сербских и хорватских либералов, а в XX в. — Югославянский комитет, чешская буржуазная эмиграция во время I мировой войны и т. д.).

Кроме прогрессивности буржуазии другой чертой эпохи было все более активное участие в национальном движении широких слоев народа. Массы связывали с национальным освобождением более или менее далеко идущие, а иногда и коренные социальные преобразования. Историческое значение этого пробуждения к политической жизни миллионов трудящихся было огромно.

В конечном счете в Восточной Европе именно революционная борьба трудящихся масс во главе с рабочим классом за социальное освобождение сыграла решающую роль в завоевании народами национальной свободы.

Если носитель национального и социального гнета был одним и тем же (как в Турецкой империи), то сближались и фронты национальной и социальной борьбы. Но и в этом случае в среде революционных буржуазных национальных деятелей нередко появлялась тенденция к социальному компромиссу (например, сербская и хорватская политика в боснийском вопросе), не свойственная идейным представителям масс. Между идеологами буржуазии и представителями народных масс имелись серьезные противоречия и по другим вопросам, в частности о политическом строе будущего государства. Еще сложнее было переплетение политических сил в случаях, когда — особенно на первых этапах национального движения — гегемония в нем принадлежала имущим эксплуататорским классам нации, а тем более, когда национальный и социальный гнет был многослойным (как в условиях Австрийской империи).

Идейно-политические представители трудящихся — огромного большинства нации — демократы, выступавшие за революционное решение социальных и национальных задач, находились на позициях революционного демократизма.

Революционно-демократические течения и группировки возникали в среде господствующих и угнетенных наций в условиях кризиса феодализма или наличия значительных феодальных пережитков. Наиболее последовательным революционным демократам было присуще: выдвижение на первый план социальных интересов крестьянства и полупролетариата вплоть до отождествления этих интересов с общенациональными, непримиримость к эксплуататорам, стремление опереться на массовое революционное движение, глубокий демократизм, включая требования республики, вооружения народа и т. п., идейная и политическая независимость от реакционных кругов и правительств, стремление к союзу с международной демократией и рабочим движением, в том числе (для революционной демократии угнетенных народов) к союзу с освободительным движением господствующей нации и народами, угнетенными эксплуататорскими классами нации, к которой принадлежали революционные демократы, признание национальных прав этих народов, т. е. переход на позиции интернационализма, интернационалистическая тенденция. На левом фланге революционной демократии находились социалисты-утописты.

Революционные демократы, для которых главным было социальное

освобождение масс, обычно являлись решительными борцами за национальную свободу, составляли демократическое крыло национально-революционного движения. Революционно-демократических взглядов придерживались в польском освободительном движении Э. Дембовский, Я. Домбровский, В. Врублевский, у болгар — В. Левский, Х. Ботев, у сербов — С. Маркович, В. Пелагич, у итальянцев — К. Пизакане и другие.

Имея в виду активное участие революционной демократии и широких слоев народа в польском национально-освободительном движении 40-х — 60-х годов XIX в., Энгельс отмечал, что «борьба за независимость Польши одновременно является борьбой *аграрной демократии* — единственно возможной в Восточной Европе — против *патриархально-феодалного абсолютизма*»⁴⁰, что движения в Польше «были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность»⁴¹. Именно это закрепило роль Польши как «передового отряда демократии»⁴². Революционные демократы уже не являлись деятелями «только национального» движения, они поднимались выше.

Следует принять во внимание и такой реальный фактор, как временная и неустойчивая общность интересов разных классов общества в период революционной борьбы за национальную свободу. Национальное государство имело большое значение для масс народа, создавало более благоприятные условия для классовой борьбы пролетариата, для торжества равноправного международного сотрудничества рабочих. Поэтому классики марксизма подчеркивали целесообразность участия рабочих в прогрессивных национальных движениях и справедливых войнах эпохи буржуазно-демократических движений. Ленин писал И. Арманд: «...Маркс звал к *национальной* войне не раз: Маркс в 1848 г., Энгельс в 1859 г. ... Энгельс в 1891 г. ... *прямо* признавал „защиту отечества“... По-моему, признание „защиты отечества“ в национальной войне *вполне* отвечает марксизму»⁴³. Но вопрос о политической позиции демократических и социалистических сил должен был решаться в зависимости от анализа конкретных условий (ср. критику Марксом позиции Лассаля в 1866 г.).

Понятно, что представителям эксплуатируемых — революционным демократам и социалистам — необходимо было определенное нравственное усилие для сотрудничества с «господами» в национальном фронте. Наиболее активно отстаивали тезис о необходимости общенационального сотрудничества в освободительном движении представители и идеологи средних слоев, либеральные и демократические элементы буржуазии и дворянства, (мелко)буржуазная интеллигенция. Буржуазия стремилась закрепить свою гегемонию в рамках нации под флагом этого сотрудничества.

Эта политика не имела ничего общего с классовой политикой революционной демократии, а тем более социал-демократии. Ленин подчеркивал «необходимость точного анализа тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»⁴⁴.

У революционных демократов имелись две возможности: продолжая отстаивать интересы трудящихся и сохраняя недоверие к помещикам и буржуазии, сознательно идти на временное сотрудничество с ними (так,

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 5, стр. 353.

⁴¹ Там же, т. 18, стр. 508. Под «только национальными» Энгельс подразумевает национально-политические цели. Выше мы приводили эту формулировку.

⁴² В. И. Ленин. Там же, т. 7, стр. 238.

⁴³ Там же, т. 49, стр. 330.

⁴⁴ Там же, т. 15, стр. 276.

например, поступали польские революционные демократы в 1863—1864 гг., сербские революционные демократы в начале 70-х годов), либо разворачивать массовую крестьянскую национально-освободительную войну против инациональных и своих угнетателей. Так, в Италии социалист-утопист К. Пизакане пытался поднять крестьян на восстание против латифундистов и крупной буржуазии, за объединение страны (1857 г.). Но в эпоху 1789—1871 гг. эти попытки не имели успеха.

В качестве примера, не укладывающегося в рамки простых определений, можно привести политическую позицию Дж. Гарibaldi. Великий революционер, глубоко симпатизировавший Парижской Коммуне и по-этому критиковавший ее руководителей за недостатки в организации вооруженных сил, он даже намеревался стать во главе обороны Парижа от версальцев (в то же время Мадзини выступил с нападками на Коммуну и I Интернационал). Но в итальянской национальной революции, стремясь прежде всего к достижению только национальных целей, Гарibaldi не выдвигал лозунга борьбы за республику.

Итак, в национально-революционном духе в эпоху буржуазно-прогрессивных движений выступали крайне различные по социальной и общеполитической позиции круги угнетенных наций. Политику тех или иных классов в национальном вопросе определяли прежде всего их социальные интересы, которые в определенные периоды заставляли разные слои и классы прибегать к революционным методам решения вопроса о национальном освобождении, и классовая борьба между ними разворачивалась в своеобразных условиях национально-освободительного движения. В каждом случае необходим анализ общественной основы движения. Так, в венгерском национальном революционном лагере в 1848—1849 гг. разные слои были представлены Баттяни, Кошутом, Петефи.

Но в ходе национального движения классовые интересы могли отбросить разные социальные группировки во враждебные лагеря.

Национально-революционному направлению противопоставляло другое, оппортунистическое, стремившееся достичь своих более или менее ограниченных целей путем соглашения с правящими кругами государства. Преобладающее течение в нем можно охарактеризовать как национально-либеральное.

Ленин неоднократно формулировал политическую сущность национал-либерализма. Рассматривая проблему объединения Германии и вопрос об отношении к ней Маркса и Лассалья, Ленин писал (1915 г.): «Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом. Лассаль приспосаблился к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику... Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. „Успех“ Бисмарка нисколько не оправдывает оппортунизма Лассалья»⁴⁵.

В более позднюю эпоху Ленин обвинял в национал-либерализме партию кадетов из-за отрицания ею права народов России на самоопределение⁴⁶. Во время мировой войны Ленин, имея в виду оправдание деятелями социал-демократии политики «защиты отечества», указывал, что национал-либерализм — язва «современной демократии или, вернее, официальных представителей ее», считал совершенно несомненным и неоспоримым,

⁴⁵ В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 138.

⁴⁶ Там же, т. 24, стр. 248.

«что Каутский стал ныне национал-либералом», что Потресов, «несомненный национал-либерал», провозит оппортунизм под флагом «международности»⁴⁷ (т. е. интернационализма. — В. Ф.).

Ленин дал и общее определение: «Национал-либерализм везде и повсюду характеризуется именно тем, что он вполне становится на почву отношений (и границ), определенных классом Пуришкевичей и охраняемых... методами Пуришкевичей»⁴⁸. (Имелись в виду границы государств, определенные господствующими реакционными силами). Это определение можно отнести к некоторым политическим группировкам не только господствующих, но и угнетенных наций. В подходе национально-либеральных течений к национальной борьбе проявились политические качества, которыми вообще характеризуется либерализм. Отстаивание конституционных принципов и — в разной мере — демократических свобод сочетается здесь с боязнью решительной массовой борьбы. В основном с национально-либеральных позиций в национальных движениях выступали буржуазно-дворянские группировки, но к этой категории можно отнести вообще деятелей, стремившихся приспособить свои требования к политике правящих кругов, и большую часть тех, кто соглашался с принципом сохранения территориальной целостности многонационального государства. Национал-либерализм все шире выходил на арену политической борьбы после ликвидации основ феодального строя, когда были сняты наиболее нетерпимые преграды развитию капитализма, ранее приводившие к политической радикализации части имущих слоев.

Главной социальной базой национал-либерализма в Австрии — в период после революции 1848 г. — являлись более или менее «благополучные» в социально-экономическом отношении слои, растущие, укреплявшие свои позиции обуржуазивавшиеся или капиталистические круги, в своей хозяйственной деятельности сумевшие приспособиться к ситуации в многонациональном государстве, в частности, помещики, зажиточное купечество, связанное с обширным рынком этого государства, с инациональным капиталом и т. п. На официальную программу этих слоев влияли и иные факторы — острота классовой борьбы, внешняя угроза, политическая слабость.

Национал-либерализма придерживались многие представители зажиточного и среднего крестьянства (особенно в более позднее время — в конце XIX — начале XX в.).

В национальных движениях славянских народов Австрии сторонниками национально-либеральной политики являлось большинство пропагандистов австрославизма.

В определенных условиях взгляды национально-революционных и национально-либеральных кругов разных народов на некоторые существенные социальные и общеполитические вопросы могли быть близкими, а национально-политические позиции — резко расходиться. Например, во время революции 1848 г., как славянские, так и венгерские либералы отстаивали программу ликвидации феодальной зависимости крестьян за выкуп и установление парламентского строя, но в национальном вопросе первые проводили политику либеральную (австрославизм) и тем самым помогли габсбургской реакции, а вторые — революционную и заняли место в общеевропейском революционном движении.

Наконец, можно говорить о национально-консервативном течении, отнеся к нему элементы, склонные к поддержке самых умеренных (языковых, религиозных) национальных требований и удовлетворявшиеся

⁴⁷ В. И. Ленин. Там же, т. 26, стр. 134.

⁴⁸ Там же, т. 24, стр. 249.

ограниченными уступками властей или стоявшие вне развивавшихся национально-освободительных движений⁴⁹. При различных изменениях обстановки они поддерживали консервативные силы, династию (например, часть крупных помещиков, чиновничества, реакционные круги церкви у разных народов Австрийской империи до 1867 г.) или существующий режим (те же круги после стабилизации австро-венгерского дуализма).

Выше говорилось о социальной пестроте национально-революционных течений. Эволюция взглядов их идеологов в национальной сфере была связана с общим процессом социально-политических перемен в Европе. Активность и решительность имущих классов в национальном вопросе находилась в обратной зависимости от прогрессивного исторического развития. Наиболее быстро улетучилась революционность социально-умеренных слоев, национальная политика которых все больше приходила в соответствие с их социальной и общеполитической позицией. Убедительным примером превращения национально-революционного течения в национально-либеральное в 60-е годы XIX в. является политика венгерского и польского (Галиция) дворянства. Эти постепенно обуржуазивавшиеся, но еще полуфеодалные по своим традициям и по своему месту в производственных отношениях в деревне в 60-е годы XIX в., дворяне-землевладельцы, носители весьма умеренного помещичьего либерализма, полулибералы-полуконсерваторы пришли к пониманию необходимости союза с Габсбургами. В Венгрии их лидерами являлись Ф. Деак, который и ранее склонялся к политике компромисса с династией, Д. Андраши, в 1849 г. приговоренный за участие в национальной революции к смертной казни, в 1867 г. ставший премьер-министром Венгрии, а в 1871 г. министром иностранных дел Австро-Венгрии, в Галиции — А. Потоцкий и др. Эволюция Андраши особенно симптоматична.

В отказе западногалицийских магнатов и шляхты от национального радикализма серьезнейшую роль сыграли события 1846 г. Страх перед крестьянскими выступлениями сковал дворян. Поставленные перед выбором: борьба за национальную свободу и отказ от классовых привилегий или сотрудничество с Габсбургами и сохранение привилегий — они выбрали второе. В Венгрии и Восточной Галиции события 1848—1849 гг. показали, что национальный радикализм дворян не совместим с их стремлением сохранить господство над массой инонационального крестьянства. Результатом был их переход на национально-либеральные позиции (конечно, при этом имели значение и другие обстоятельства).

Возможность такой эволюции была заложена в интересах венгерского и польского помещичьего класса, враждебно относившегося к требованиям масс своего народа, угнетенных наций, принципам демократии. Национальная политика приходила в соответствие с общественно-экономической и общеполитической позицией данного общественного слоя. Таким образом, уже в тот отдаленный период наметился закономерный процесс отхода имущих классов угнетенных наций в лагерь реакции.

Революционно-демократическая же тенденция в национальных движениях в третьей четверти XIX в. смыкалась с утопическим социализмом и социалистическим рабочим движением (Италия, Польша, южнославянские земли). Особенно значительную роль в этом отношении сыграла польская революционная демократия. «Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, — подчеркивал Ленин, — что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и

⁴⁹ Общественное значение разных национальных требований зависело от исторического этапа, на котором находилось движение (например, требование организации школ с народным языком обучения на раннем этапе движения и ограничение программы рамками просветительства на этапе политической борьбы).

повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке»⁵⁰. Сотни поляков боролись на стороне Парижской Коммуны. Польская демократическая эмиграция дала Коммуне «лучших генералов и самых героических солдат»⁵¹.

Мы рассмотрели наиболее общие черты, свойственные разным течениям в национальных движениях XIX в., в эпоху кризиса феодализма, прогрессивного развития буржуазии и буржуазно-демократических революций, и сгруппировали эти течения в два основных направления — революционное и соглашательское, по преимуществу либеральное. В каждом направлении имели место различные переходные течения и группировки⁵². Политическая позиция каждого общественного слоя вообще, и в национальном движении в частности, в различные периоды определялась его классовыми интересами. Последние подчас вызывали переход различных социальных слоев из одного направления в другое.

В последующую эпоху роль отдельных классов и слоев общества в национальных движениях изменяется. Но уже в XIX в., хотя национальное освобождение представляло собой одну из задач буржуазно-демократической революции и создавало наиболее благоприятные условия для развития капитализма, в тех европейских странах, где капитализм победил, буржуазия все более превращалась в силу, угнетающую народы (английская буржуазия и Ирландия, европейские государства и колонии и т. д.), в противника ряда национально-освободительных движений на европейском континенте.

⁵⁰ В. И. Ленин. Там же, т. 7, стр. 237.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, т. 18, стр. 556.

⁵² Ясно, что все пестрые общественно-политические течения в национальных движениях, к тому же действовавшие при крайне разнообразных обстоятельствах, невозможно «распределить» по рубрикам.

Р. ФИЛИПЧИКОВА

НАЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА КАК ТЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(По материалам романа В. Ржезача «Рубеж»)

Эпоха XX века с ее революционными переворотами и торжеством социализма, борьбой против фашистской агрессии, научно-техническим прогрессом и ширящимися национально-освободительными движениями не только раздвинула горизонты литературы, поставив перед ней множество новых проблем, но и внесла значительные коррективы в отношения между писателем и читательской аудиторией. Изменился и сам характер творческого процесса, развитие которого протекает в постоянном обновлении тематики и проблематики, в поисках новых решений, новых форм художественной выразительности. Стремление писателей определить свое место в мире, полном острых и непримиримых противоречий, желание разобраться в самой сущности искусства, его природе и назначении, подвести итог пройденному пути, осознавая свое возмужание и зрелость, — вызывают периодическое появление произведений, затрагивающих проблемы самого литературного творчества, в той или иной форме анализирующие писательский труд, труд художника, композитора, режиссера. Достаточно сослаться на такие хрестоматийные в этом смысле произведения, как роман «Города и годы» и трилогия К. Федина или «Доктор Фаустус» Т. Манна. Передовые писатели в подобных произведениях отстаивают гуманистические основы современного искусства, его активность, общественно-познавательные функции, его реализм, защищают высокую миссию творческой личности.

Проникая в сознание художника, рассматривая творчество как сложное взаимодействие объективного и субъективного, национального и интернационального, эти писатели опровергают различного рода идеалистические концепции личности, мистико-иррациональное истолкование эстетического феномена, агностицизм.

Писатели социалистических стран наряду с разоблачением отсталых и реакционных тенденций, наряду с раскрытием причин духовного кризиса буржуазной культуры утверждают в своих произведениях такие качества искусства социалистического реализма, как партийность, народность, гуманизм.

Идеологическая полемичность обуславливается характером таких произведений, иногда самим моментом и обстоятельствами их появления. Как правило, они рождаются на крутых поворотах национального исторического бытия, являясь вехами не только в творческой биографии отдельного писателя, но и нередко в литературном процессе в целом. Зачастую они служат свидетельством перелома, происходящего в самой литературе.

Авторы таких произведений словно бы проверяют степень ее соответствия новым потребностям жизни или нащупывают новые шаги на пути прогресса и реализма. К числу таких «межевых», этапных произведений, в центре которых стоит образ творческой личности, относится роман чешского писателя В. Ржезача «Рубеж» (1944), до сих пор сохраняющий свое значение для современной Чехословакии.

Знаменательно и многозначно уже само название романа «Рубеж», адресованного читателю времени фашистского протектората, когда многие чешские писатели погибли в концентрационных лагерях или вместе со своим народом участвовали в движении Сопротивления, другие же, избегая выбора между изменой и смертью, предпочитали третий путь — писать, пользуясь не раз испытанным гонимыми писателями эзоповым языком. Вместе с тем роман «Рубеж» Ржезач писал и для самого себя. Он явился своеобразным рубежом в творчестве писателя, своеобразным самоотчетом за многие годы раздумий о сущности и назначении искусства, его роли в настоящем и будущем страны, размышлений об ответственности и долге художника перед народом.

В определенный жизненный момент на рубеже духовно-правственного выбора и возрождения либо окончательного отступления, если этот рубеж не пройден, все эти проблемы встают и перед героями Ржезача, также принадлежащими к миру творческой интеллигенции, к миру искусства. «Рубеж» задуман как история возникновения книги, которую пишет писатель Ауст о вымышленном им актере Габе. Сложные «взаимоотношения» между писателем и его героем и составляют основу содержания романа. Стремясь раскрыть тайну творческого процесса, рождения образов, создаваемых фантазией художника, Ржезач подчеркивает идею нерасторжимой связи искусства с жизнью, идею его гражданственности, утверждая идеалы гуманизма и добра.

Кто же такой Вилем Габа? Наделенный большим талантом, он трудолюбив и страстно увлечен искусством актера. Он понимает актерский труд как одухотворенное и смелое мастерство, позволяющее отыскивать неповторимые, пластические формы игры, с наибольшей естественностью выражающие суть воссоздаваемого образа.

Известно, что такие качества благоприятствуют вызреванию большого художника, творчество которого способно отразить широкий диапазон общественно-эмоционального звучания. Однако такое звучание и такой диапазон предполагают слияние художника с большими идеями времени, с правдой искусства, которые поверяются жизнью народа, нации. Но как раз этого-то недостает Габе, его таланту, корни которого питают «не грубая реальность мира», а внутренний мир его собственных переживаний и эмоций, пускай по-своему и богатый. Он богат порывами вдохновения, умением ткать тончайший драматический узор роли, полностью растворяться в сценическом образе, в совершенстве владеть актерской техникой, за что зритель неизменно отвечал Габе признательностью и любовью.

Однако и искусство актера, как и всякое искусство, должно вмещать в себя не только непосредственные чувства, но и глубокое осмысление жизни. Недаром Ржезач настойчиво связывает вымышленных писателем Аутом героев с судьбами людей, с которыми самому Аусту приходится сталкиваться в повседневной жизни. Утрата связей с действительностью, со временем и судьбой народа обрекает художника лишь на пустое имитирование, что и стало уделом Габы. Его актерское мастерство, доведенное до высшей степени виртуозности, оторвано от больших идей времени. Ржезач подводит читателя к проблеме реалистического искусства — проблеме, которая в условиях фашистского протектората приобретала особый

смысл. В ней нашла свое отражение не только борьба против индивидуалистического субъективизма в искусстве, но шире — борьба против фашистской апологии «сильной личности», возвышающейся над толпой, «борьба за спасение душ чешской интеллигенции». Ее духовное здоровье Ржезач связывает в первую очередь с глубоким демократизмом, национальными традициями.

Измена Габы двум этим принципам реалистического искусства ведет к падению его как личности, как актера-творца. Духовный мир Габы, нарисованный Ржезачем, очень сложен и противоречив. Он талантлив, но в равной мере эгоистичен и расчетлив. Он — «актер до мозга костей», стремящийся к предельной выразительности, но в то же время его мастерство не лишено элементов рисовки, хвастливого позерства и эффектов, продиктованных честолюбием. Он способен проникать в глубины психологии своих героев, но не способен, не хочет до конца «прочитать себя»; тогда ему пришлось бы сознаться, что весь его путь к вершинам искусства — это путь себялюбца и приспособленца, не знающего дороги от индивидуального «я» к коллективному «мы». В этом и заключается полемический смысл образа Габы, развенчание его как гения и разоблачение как талантливого «негодяя» и предателя.

На путь измены Габа встает уже тогда, когда тайком бежит из дома родителей, предав во имя искусства их надежды на благополучную старость. Он предает своего любимого учителя — режиссера Паласа, вступив в любовную связь с его женой. Паласа, который с самого начала поверил в способности молодого актера-самоучки и принял его в свою труппу, который вместе с ним переживал все его сценические поиски, метания, ошибки и достижения и, почитая талант артиста, не замечал его человеческих недостатков и грехов. Габа идет по пути предательства и компромиссов с собственной совестью, когда, женившись на дочери миллионера, записывает в свой актив не только реальные денежные богатства, но и открывшиеся при этом широкие связи в деловых и светских кругах. Во всем этом с беспощадной логикой выявляется альтернатива выбора между добром и злом.

Добро и зло. Третьего в нравственной жизни человека не дано. И поскольку для Вилема Габы в качестве единственной реальности существовал он сам, в качестве единственной цели было утверждение своего собственного, субъективного мира, он преступал границы добра. Но всякий раз, «сбрасывая с себя какое-нибудь обязательство перед людьми» — во имя собственного «я», Габа «чаще всего и жестче всего изменял самому себе»¹, своей совести, которая обязывает человека знать, к чему он себя готовит, чем движим, которая является единственным мерилom в глубоко внутренней самооценке, в разграничении честности и измены. Иными словами, Ржезач ставит вопрос о несовместимости подлинного искусства и эгоизма, делает акцент на непозволительности для творческой личности замыкаться в узкосубъективной реальности, и этот смысл книги по-особому звучал в такое тяжкое время, каким была для Чехословакии гитлеровская оккупация. Уход в себя, в свой мнимо возвышающийся над всем остальным мир творчества, якобы освобождающий художника от его гражданских обязанностей, Ржезач однозначно оценивает как предательство.

Показывая постепенное «моральное падение» актера Габы, Ржезач в силу цензурных условий не мог открыто говорить о его отношении к народу. Но достаточно перечитать сцену встречи в кабачке писателя

¹ В. Р ж е з а ч. Рубеж. М., 1962, стр. 333. Далее цитируется по этому изданию. В ряде случаев перевод уточнен.

Ауста с простыми труженниками, его соседями по дому, улице, которым он рассказывает про свою книгу и своего героя, чтобы убедиться в четкости и ясности морально-нравственных принципов, составляющих основу романа «Рубеж», в их коллективистском характере.

Очевидно, далеко не случайно слушателями писателя Ауста оказываются фабричные рабочие, кочегар, слесарь, мелкие торговцы и ремесленники. Не случайно именно они дают и верную оценку действиям и поступкам Габы. «Выходит, он негодяй был, так надо понимать? — вмешивается кочегар» (стр. 313). Или мнение другого собеседника: «По мне, актер этот ваш — мошенник» (стр. 314). В этой сцене — ключ ко всей проблематике книги Ржезача, связанной с прошлым, настоящим и будущим народа, ключ к философскому и эстетическому прочтению романа, к тайнописи характеров и судеб населяющих его героев, не только Габы, но и его антипода — писателя Ауста, ключ к решению Ржезачем актуальной темы добра и зла.

Ржезача интересуют мысли и мироощущение человека, в данном случае творческой личности, в самый острый для родины момент. В чем назначение человека и художника, как столкнутся его стремления с реально действующими силами истории, достанет ли у него сил, несмотря на жизненные трудности, препятствия на избранном пути, остаться человеком со свойственной ему психологией гуманизма?

По-горьковски звучат слова режиссера Паласа, который, наблюдая за игрой Вилема Габы, внушает ему, что «актеру нужно быть человеком больше, чем всякому другому» (стр. 318). «Художник должен всегда исходить от себя. Но не должен забывать о тех, других. Тут неразрывный круг», — поучает актера режиссер пражского театра Горак (стр. 362). Но голоса учителей оказываются слишком слабыми, чтобы «заглушить трюмбоны кичливого самолюбия Вилема». В его душе не остается ничего, кроме страха и отчаяния, когда одна за другой начинают рушиться постройки его актерской выдумки, вся система сценических средств, рассчитанных прежде всего на успех. Далекому от времени и народа, ему нечего сказать зрителю, а поскольку речь идет об искусстве, то оно перестает быть искусством, как только утрачивает ясность мысли, идею.

О том же недвусмысленно писал Ржезач и в своей «Исповеди», посвященной проблемам искусства: «Писатель, к которому обращаются с просьбой рассказать о себе, попадает в очень трудное положение. От него не ждут, что он будет говорить о своих личных привлекательных качествах и увлечениях либо о своей более или менее спокойной или бурной жизни — хотя бы это было и интересно. Он должен сказать что-то о своем труде и о своем отношении к нему, в более широком смысле — о литературе вообще и о том, как он себе представляет, что должен делать, чему служить. Поскольку литература, по крайней мере та, которая заслуживает этого названия, является принадлежностью общества, то вполне очевидно, что с этим связаны для художника не только трудности, но и значительная ответственность. Он должен поведать людям, для которых литература стала неотъемлемой частью их личной духовной жизни и которые черпают в ней, так же как и в своем собственном опыте, знания о мире, что, собственно, они должны требовать от нее и почему должны обращаться к ней. Тем самым ответ писателя выходит за пределы личного и приобретает характер общественный»².

Ржезач не отказывает художнику в праве на любые новшества и искания, но он активно протестует против отлучения литературы от жизни, в тесном контакте с которой она только и может постигнуть истинные

² V. Ř e z á č. O pravdě umění a pravdě života. Praha, 1960, s. 11.

идеалы своей эпохи. «Лица, лица, целый мир, испещренные тем, что творится перед ними. Он узнает себя в них, во всех вместе и в каждом в отдельности», — воспроизводит Ржезач мысли Вилема Габы в одну из минут прозрения, когда для него открывается истина, что «художник — это гений общения, а общение требует понимания».

Если дешифровать эти мысли Габы, дешифровать идею, заложенную в образе Габы — талантливого актера и предателя (предающего самого себя, своих родных, друзей, товарищей по театру, наконец, дело, которому он посвящает свою жизнь), то их смысл можно передать словами, которые были высказаны Ржезачем уже в народно-демократической Чехословакии: «...Правда в искусстве — это, разумеется, нечто большее, чем одна, локальная, вырванная из жизненного потока мысль, большее, чем переживание, страдание или ненависть одного индивидуума. Правдой в искусстве является только результат общей суммы переживаний, знаний и мыслей»³. Носитель этой «общей суммы» — народ. Здесь уместно напомнить о выступлении Ржезача в 1945 г., буквально в первые же дни освобождения страны от фашистского ига, когда он поднимает голос в защиту народности литературы, составляющей характерную черту реализма. Не башня из слоновой кости, которая «еще может показаться отдельным художникам единственно достойной обителью для их творческого труда, а внимательное прислушивание к народу, исследование его жизни и борьбы, зарождения и направления его чаяний, проникновение в истоки его мышления и чувств, чувств естественных и здоровых»⁴, — так понимал писатель призвание истинного творца.

В этом смысле упоминавшаяся сцена встречи писателя Ауста с простыми людьми оказывается необычайно емкой и многоплановой, воспринимается как кульминационная и подводящая итог, но и намечающая продолжение, которым стало последующее творчество самого Ржезача, писателя социалистической Чехословакии.

Поначалу бросается в глаза известное сходство между центральным персонажем романа «Рубеж» писателем Аустом и его детищем — вымышленным им актером Габой: это та же способность растворяться в своих героях, те же бесконечные творческие поиски, а порой тот же отход от веры в осуществление идей. Но тем резче проступает различие этих двух характеров, двух творческих натур. В противостояние Габе писатель Ауст выведен в романе «Рубеж» как художник, обретающий истину на пути к народу: «Вы не представляете себе, как трудно человеку, когда он не может работать в артели, а делает свое дело в одиночку» (стр. 315), — мысленно обращается Ауст к своим друзьям.

Время, в которое создавался роман, требовало «уплотненного» письма, слов-знаков, за внешним смыслом которых раскрывался бы другой, более глубокий и истинный. «Работать в артели» — в этих словах для Ауста обобщается весь опыт его жизни, его побед и поражений как писателя, шаг за шагом обретающего веру в безграничные душевные возможности человека, человека, который творит добро не только стихийно, по зову сердца, но и по глубокому убеждению.

Что случилось бы с ним, если бы на его пути не оказалось пани Росовой, жены трактирщика, которая по велению своего доброго сердца в течение многих дней бесплатно кормит полунищего писателя? Сколько бы пришлось Аусту блуждать в бесконечных тупиках вымышленного им мира, если бы не встреча с редактором Фридриным, которая помогла писателю осознать всю силу искусства, его связь с жизнью? А остальные члены

³ В. Р ж е з а ч. Избранное. М., 1973, стр. 543.

⁴ Там же, стр. 544.

«артели», одним словом народ, — всегда готовая поддержать его, добрая, но бескомпромиссная Ярмила, слесарь Вапенка, лавочник Пеха? Все они верили в то, что он — «писатель достойный, такой же как Вапенка — слесарь...» (разрядка наша. — Р. Ф.). И «эта сеть людского доверия и общения», все плотнее стягиваясь вокруг него, и помогает Аусту, в отличие от актера Габы, перейти «рубеж», выстоять, сделаться настоящим писателем («Я нарочно сосредоточивал эту веру других в меня, чтобы черпать в ней силы, чтобы грозить ею самому себе в случае, если бы сам перестал в себя верить», стр. 273), помогает верно судить своих героев, поставить знак тождества между искусством Вилема Габы и изменой, показать его характер как антинравственный и аморальный.

Возможно, именно поэтому в романе «Рубеж» так настойчиво отмечается схожесть судеб вымышленных писателем Аустом героев и окружающих его людей, среди которых он живет и творит. История их жизни, отдельные поступки, даже вскользь брошенные фразы являются катализаторами писательских мыслей, служат импульсами для поворотов в действиях отдельных персонажей и даже целых сюжетных линий будущего романа. И все это, повторяясь в многообразии вариантов, должно выражать идею самого романа «Рубеж», что источником всякого полноценного творчества является народ и отношение к нему состоит из двух слагаемых — верности ему и учебы у него; что именно отношением к народу определяется содержание личности, ее человечность; что «нет времени столь тяжкого, чтобы правдивые романы не могли быть написаны» (стр. 10).

Следуя за ходом творческой мысли Ауста, читатель убеждается в его внутренней чистоте и честности. «Честность, — говорит Ауст самому себе, — это краеугольный камень всякого человеческого начинания. Как же ты можешь правильно нацеливать свои произведения, если будешь прибегать к разным уверткам и искать в них оправдания? Как можешь ты судить, допустим, Вилема Габу и беспристрастно оценивать его поступки, если не способен взглянуть ясным взглядом и без притворства на самого себя? Искренность должна сквозить в каждом написанном тобой слове: так я сказал и не могу иначе; должно чувствоваться: я так написал и готов отдать жизнь за это... Разве существует различие между правдой искусства и человеческой правдой? Такого различия не должно и не может быть, ибо искусство — это великая исповедальня, в которой мы все возрождаем веру в смысл нашей жизни, в общий нам всем порядок, жажду чистоты, воплощенную в совершенную форму, в красоту, которая и есть — порядок и правда» (стр. 195).

В этом потоке мыслей уже нет непроходимой границы между художником и другими людьми, народом. Разбираясь в самом себе, писатель Ауст думает и о других. Одновременно приходит и понимание диалектической взаимосвязи между гражданским содержанием и высокой художественной выразительностью. В «Исповеди», которую по праву можно рассматривать как «теоретическое» послесловие к роману «Рубеж», Ржезач подчеркивал: «Содержание и форма — это, если хотите, что и как. Вы должны иметь, что сказать, чтобы потом решать, как это сказать. Но „что“ стоит вначале и диктует это „как“. Подлинное наслаждение словом и фразой, их подлинная и закономерная красота могут вытекать лишь из точности выражения того, что вы хотите сказать, ибо слово существует все же для того, чтобы нечто сообщить, а искусство заключается как раз в стремлении как можно лучше и совершеннее наполнить эту его функцию... Форма сама по себе не является целью, но без нее нельзя говорить об искусстве»⁵.

⁵ V. Řezáč. O pravdě umění a pravdě života, s. 15.

Говоря о глубине идей и совершенстве исполнения, Ржезач расценивает творческий процесс как скрещение индивидуального опыта творческой личности с опытом предшествующих поколений художников. Эта мысль скрыто присутствует в эпизодах романа, связанных с мысленным возвращением писателя Ауста в прошлое, в родной городок, где он провел детство и юность. Эти «возвращения» — своего рода символы слитности писателя со «своей», национальной почвой. И прикосновение к ней целительно — оно тоже помогает Аусту в создании произведения, понятного и близкого народу.

Вилем Габа в критические для него минуты тоже тянется к родному дому, тоже спешит в «страну» своего детства. Но исцеления не наступает: он не ищет встреч с родным городом, его людьми. Он и здесь, вблизи от родных, среди знакомых, остается один на один с самим собой и своими мыслями, так как «лечится по-своему», «все больше обращая свой взгляд на себя, как на единственный, достойный внимания объект» (стр. 142). И не есть ли это ограниченность художественного познания, отказ от художественной правды, отказ художника от ответственности перед обществом? И не есть ли это следование по пути, как говорил другой чешский писатель К. Чапек, «плохого и нечистого искусства», прикрывающего пустоту содержания «фальшивой и хвастливой формой»? Решая все эти проблемы, ставя вопрос о степени честности и убежденности тех, кто встает на путь творчества, Ржезач работал на будущее, социалистическое искусство своей родины. Развенчивая образ художника, «замкнутого в самом себе и пожираемого узколичными интересами», Ржезач как бы от противного строит идеал будущего писателя, в произведениях которого человек должен предстать во всей сложности и глубине своих взаимоотношений с обществом, в свете больших философских и нравственно-этических проблем.

Роман «Рубеж» интересен и анализом психологии творчества. Это своего рода «биография» художественного произведения, которое как бы уподобляется живому организму. В романе рассказывается о рождении замысла, обретении им плоти и крови, о том, как преломляется эпоха в индивидуальном сознании творческой личности, об умении или неумении художника ощутить «токи жизни», ее ведущие тенденции (что определяется масштабностью или камерностью его мировоззрения), о нравственном и психологическом развитии таланта, который эволюционирует вместе с ростом произведения, о том, как писатель от простой фиксации фактов и чувств приходит к обобщенности, придающей значительность его образам, — обо всем том, что А. Блок обозначил словом «обретение пути», когда в творящем искусстве человеке сливаются три ипостаси: мыслитель, художник и критик.

В начале романа мы видим писателя Ауста во власти своих эмоций, в период поисков материала, собирания фактов и наблюдений. Он воспитывает в себе способность видеть, что А. Толстой считал необходимым и органическим элементом творческого процесса у писателя-реалиста. «...Я стал учиться видеть, то есть галлюцинировать. Впоследствии я развил в себе эту способность до такой яркости, что часто вспоминал, путал бывшее и выдуманное»⁶, — писал А. Толстой, делясь своим творческим опытом. Эта особенность творческого процесса очень хорошо показана в романе «Рубеж». Недаром многие картины романа даны в неярких тонах и полутонах, как бы погружены в пепельный полумрак. На первый план словно бы выступает само сознание художника, в котором идет процесс переплавки увиденного, услышанного и подсознательно «схваченных» внут-

⁶ А. Толстой. Художественное мышление. М., 1969, стр. 37.

ренных ощущений, эмоциональных штрихов, интонаций, вымысла и непосредственных событий авторской биографии. Ауст действительно галлюцинирует, почти «скульптурно» «прощупывая» весь путь Габы с момента его появления на первых страницах будущей книги до окончательного его крушения. Писатель сам переживает все психические состояния своего героя, отчего вымышленный им мир предстает особенно убедительным и материальным, а с другой стороны — существующим уже помимо его воли, поскольку процесс «овеществления» пережитого, процесс сплава реальности и поэтической фантазии сопряжен с постижением не только внешнего облика факта, но и прежде всего его сущности, его объективной логики. «Страшно в искусстве то, как оно всасывает жизнь и как видимость, вырастая из ее почвы, в конце концов от нее отделяется и начинает жить самостоятельно, пренебрегая ею» (стр. 356), — думает писатель Ауст. Как раз этот процесс «всасывания», «вырастания» произведения искусства, с одной стороны, должен показать, сколь индивидуален путь художника к намеченной цели, с другой — передать смысл размышлений о творчестве самого Ржезача.

Произведение Ауста становится подлинным произведением искусства, когда он почувствовал необходимость его написать, когда из романиста, ответственного «лишь за одного себя и перед самим собой», превратился «в романиста, отвечающего перед всеми за все», что он пишет. Иными словами, в тот момент, когда он становится писателем в блоковском понимании — одновременно художником, мыслителем и критиком собственного творчества. С этого момента все хоть сколько-нибудь смутно волновавшие Ауста ощущения и наблюдения начинают выстраиваться в определенный психологический и метафорический ряд.

Ржезач писал в своей «Исповеди»: «В жизни нет людей, абсолютно похожих на героев романа, или точнее, часть каждого романического героя живет в каждом из нас. И это потому, что психология писателя не есть практическая психология судьи или какого-то другого знатока человеческих характеров. Она движима более глубокой целью — познать общественный закон и строй, отражающийся в характерах и поступках индивидов»⁷.

Действие в романе «Рубеж» как бы введено во внутрь сознания героев, растворено в их чувствах. Наряду с сюжетом в обычном смысле слова в нем присутствует сюжет-мысль, следуя которому читатель полностью погружается, так сказать, в память творческой личности, в мир нравственных представлений и творческих экспериментов. Отсюда психологическая нагрузка всей композиционной системы романа, его метафорических конструкций и колористической гаммы в целом, буквально каждого слова. Отсюда особое тяготение к олицетворениям, психологическому, если можно так выразиться, остранению, психологическому пейзажу, в воссоздании которого большую роль играет настроение героев, их понимание природы.

Роман Ржезача «Рубеж», как и вообще произведения такого типа, является выражением отношения писателя к миру, людям, наконец, к самому себе. И есть своя закономерность в том, что он появился в суровое время испытаний для чехословацкой нации, но и в предчувствии конца фашистской оккупации, залогом которого было ширящееся движение Сопротивления внутри Чехословакии, победы Советской Армии на фронтах Отечественной войны. Работая над романом о творческой личности, Ржезач тем самым давал присягу верности высоким идеалам искусства.

В романе «Рубеж» Ржезач поднимает вопрос о глубокой связи художника с жизнью, эпохой, мироощущением которой он должен быть проник-

⁷ V. Ř e z á č. O pravdě umění a pravdě života, s. 16.

нут. И в этом смысле его роман уходит в «завтра» чешской литературы. Он стал звеном, которое соединяет прошлое чешской литературы с ее социалистическим настоящим. Отсюда те черты, которые, с одной стороны, роднят роман «Рубеж» с произведениями представителей социалистического реализма в чехословацкой литературе 20—30-х годов (Ольбрахт, Майерова, Пуйманова), с другой — с произведениями современных чешских (и не только чешских) писателей.

Мышлению нашего современника созвучно утверждение Ржезачем духовной продуктивности человеческой личности, ее непреходящей ценности. Рассматривая талант художника как категорию общественную, он видит его силу в способности быть полезным своему народу, питающему этот талант. С философской, эстетической точки зрения роман «Рубеж» близок тем произведениям, в которых преобразование правды жизни в правду искусства понимается как доведение ее до нравственного осознания. В книге Ржезача, посвященной творческому поиску, речь идет по сути о мировосприятии писателя, о соответствии языка его творчества основам художественного мировоззрения.

В условиях фашистского протектората постановка вопроса о сущности творчества как сочетании сложных духовных способностей человека, его глубоких знаний жизни и истории народа, чувства ответственности перед ним, приобретала особо острый характер. Этот вопрос не теряет своей остроты и в наше время, когда идеологическая борьба, в том числе и в области искусства, принимает новые формы, требуя от писателей социалистического лагеря высшей степени ответственности за происходящие в мире события, за качество идейно-эстетического содержания литературы и культуры в целом.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

ПРИЕМ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ПСАЛТЫРИ И ВЫЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ ПЕРВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЛАВЯН

Научная лексикология древнеславянского литературного языка еще не написана.

Исследование древнеславянского языка проходило (да и сейчас проходит) неравномерно: если фонетика и морфология, а в последнее время и синтаксис описаны с достаточной полнотой, то в области лексики до сих пор haeret aqua. К числу излюбленных лексикологических проблем принадлежит изучение лексических вариантов в разных славянских памятниках традиционного содержания² — проблема весьма существенная, однако гипертрофированное внимание к ней, видимо, ответственно за неразработанность теории значения древнеславянского слова, неизученность его внутренней формы, коннотаций, тематических связей, моноли полисемии, синонимии, антонимии, т. е. круга основных семасиологических вопросов. Характерно, что в большинстве напечатанных научных и учебных курсов так называемого старославянского языка лексикологический раздел отсутствует вовсе, а если он имеется, то его объем и уровень сильно уступают изложению, например, фонетики или морфологии. Публикации по лексикологии древнеславянского языка (о работах

¹ В наименовании созданного Кириллом и Мефодием первого литературного языка славян мы следуем за Н. И. Толстым, который в 1961 г. предложил термин «древнеславянский язык» и обосновал его предпочтительность по сравнению с другими (Н. И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке славян. «Вопросы языкознания», 1961, № 1). Развернутая аргументация в поддержку этого наименования опубликована в статье: М. М. Копыленко. Как следует назвать язык древнейших памятников славянской письменности. «Советское славяноведение», 1966, № 1. Основных доводов два: поскольку период существования этого языка нельзя ограничить хронологически XI в. и текстологически «каноническими» памятниками, термин «старославянский» представляется непригодным; так как сфера употребления данного языка не ограничена ни в жанровом плане, ни тематически, непригодным является и термин «древнецерковнославянский». В генетическом отношении древнеславянский язык восходит к одному из говоров древнеболгарского языка.

² Исторический опыт исследований лексических вариантов подытожен в работе: Л. П. Жукowska. Лексические варианты в древних славянских рукописях. «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка». М., 1964. Наша точка зрения по этому вопросу и соответствующий материал помещены в работах: Е. М. Верещагин. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972; его же. Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. М., 1972.

по вариантам не говорим) насчитываются единицами, а это в свою очередь приводит к отставанию словарного дела³.

Лексиколога, рассматривающего план содержания мертвого языка, подстерегают немалые трудности. Индикаторы, имеющиеся в его распоряжении, при желании всегда можно подвергнуть сомнению, а применение их само по себе требует кропотливых и продолжительных разысканий. К числу индикаторов, способных возместить непосредственные реакции информантов или языковое чутье самого исследователя, относят, например, материал современных живых славянских языков. При работе со славянскими текстами, переведенными с греческого, показателем служит семантика источника, которую полагают известной. Проводится внутренний анализ (кон)текста. Прибегают, кроме того, к этимологическим данным. Учитывают деривацию. Исследуют сочетаемость. И т. д.

Мы хотели бы — в дискуссионном порядке — предложить еще одну методику семасиологического анализа лексики мертвого языка. Эта методика целиком построена на учете особенности одного из древнеславянского источников — Псалтыри. Стержнем, движущим начало художественности Псалтыри является, как известно, прием п а р а л л е л и з м а: псалмопевец постоянно воздвигает связи между элементами свойственного ему стиля⁴.

В переводах Псалтыри на греческий и далее — на славянский языки переводчики стремились точно воспроизвести эту характеристику исходного текста. Ср. 102 (103), 10 (1)⁵:

οὐ κατὰ τὰς ἀνομίαις ἡμῶν ἐποίησεν ἡμῖν
 не по безаконѣмъ нашимъ сътворишъ естъ намъ
 οἷδὲ κατὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν ἀνταπέδοχεν ἡμῖν
 ни по грѣхомъ нашимъ каздалъ естъ намъ.

В нашем примере легко заметен синтаксический повтор: конструкция, использованная в первом стихе строфы, совершенно тождественна конструкции второго стиха. Ясно видна смысловая близость двух пар слов: безаконѣе, т. е. несоблюдение ветхозаветного закона,— это то же самое,

³ Например, поскольку синонимия не исследована, в «Словаре старославянского языка» Чехословацкой Академии наук синонимы в словарных статьях указываются эмпирически и далеко не полно. В предисловии к словарю об этом сказано прямо (см. «Slovník jazyka staroslověnského», sv. 2. Praha, 1959, s. XLIII—XLIV).

⁴ Изложение вопроса и его литературу см. Ch. F. Kraft. The Strophic Structure of Hebrew Poetry. Chicago, 1938). Несомненно, что славянские псалмы воспроизводят в конечном итоге древнееврейский параллелизм, но мы отвлекаемся от анализа отношений между еврейским и славянским текстами, потому что это обстоятельство никак не сказывается на нашем материале.

⁵ Цитаты здесь и далее приводятся по Синайской псалтыри (далее — *Син*) в издании: С. Северьянов. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922 («Памятники старославянского языка», IV). Издание М. Альбауэра (Psalterium Sinaiticum. Skopje, 1971), представляющее собой фототипическое воспроизведение памятника, привлекалось лишь для уточнений. В этом издании указана основная литература по Синайской псалтыри. Так как эта Псалтырь обрывается на 137,8, оставшиеся псалмы цитируются по Болонской псалтыри (*Бол*) в издании: И. Дуйчев. Болонски псалтир. Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968.

Постоянно сохраняем написания, свойственные памятникам, но несколько упрощаем алфавитную систему: разница между тремя и, г и з не сохраняется и, за исключением ч, единым образом пишется и; н и ъ не различаются и всегда пишется ъ; буква ц употребляется согласно нормам памятников, писанных кириллицей, т. е. шт, как правило, заменяется на ц; надстрочные знаки, в том числе дужка для обозначения мягкости, не применяются; титла не раскрываем и не стремимся точно воспроизвести их форму и место.

При сопоставлении с греческой Псалтырью использовалось издание А. Ральфса (Sertuaginta, id est Vetus Testamentum..., vol. II. Stuttgart, 1962), в котором лужицановская (константинопольская) редакция текста, характерная для славянской Псалтыри хорошо отражена в аппарате. Нумерация псалмов дается согласно греко-славянской традиции.

что грѣхъ⁶, а сътворити в данном контексте в той же мере выражает идею возмездия, что и вздати. Поэтому хотя в строфе четыре слова, выражаются не четыре, а два смысла.

Показательный пример дает возможность увидеть прием параллелизма в чистом виде. Однако поэт не ограничивает себя сопоставлением полных фраз, одновременно образующих самостоятельные стихи. Иногда наблюдается эллипсис в одной из конструкций 113,6 горы да възграде съ твою оубо и хлзми тво агнаци оубо (здесь же видим и прибавление лишнего слова в сравнении). Нередко один из элементов конструкции замещается перифразой: 103,33 възспѣ гни къ жикотѣ моему поуж боу моему дондеже есмз. Бывает даже переключка всего лишь двух слов: 149,5 възхвалитъ сѧ прѣподовзнии къ славу и възрадоуютъ сѧ на ложихъ своихъ. Встречается и, так сказать, неочевидный параллелизм, возникающий вследствие общего совпадающего содержания стихов при невозможности сопоставить близкие элементы, — 3,1 ги чѧто съ оуманожилъ сътжжакре ми мнози възташа на мѧ. Укажем также и на представленность сложных построений типа 118, 169—170:

да приближитъ съ молитва моѣ прѣдъ тѧ ги
по словеси твоему възрадоуми мѧ
да канидетъ прошение мое прѣдъ тѧ ги
по словеси твоему избави мѧ.

Описанный прием параллелизма положен нами в основу анализа смысловых связей между лексемами в первом литературном языке славян. Этот прием дает в руки ученого еще один индикатор изучения семантики: он явственно указывает, что, скажем, лексика первого стиха строфы связана с лексикой второго стиха, и указывает это объективно. Если при изучении прочих древнеславянских источников семантические связи между словами приходится устанавливать с помощью обычных инструментов семасиологического анализа, то в Псалтыри подкаской служит сам памятник. Следовательно, Псалтырь по природе своей в большей мере, чем другие древнеславянские тексты, пригодна для семасиологических разысканий. Таким образом, отнюдь не отвергая обычной семасиологической методики, попытаемся предложить и применить на практике еще один прием.

При изучении смысловых связей между древнеславянскими словами первоначальное по времени обращение к Псалтыри аргументируется и другими соображениями. Славянская Псалтырь, как известно, несомненно принадлежит к переводам славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. В Житии Мефодия перевод Псалтыри поставлен даже на первое место: псалмъзда бо въ тѣхъмо и евангелие съ апсѧзма и избаранзинми слоужьбами црквнзинми съ философма прѣложила парвѣтѣ⁷. Примечательно, что справедливость порядка переводов в свидетельстве подтверждается материалом: были изучены цитаты из Псалтыри в славянских Евангелии⁸ и Апостоле⁹ и оказалось, что цитаты практически полностью сов-

⁶ Любопытно, что в Апостоле имеется место, весьма похожее на определение одного слова через другое, т. е. подтверждающее тождественность семантики этих слов. Ср. I Ио 3, 4 *pās ó poiōn tήn άμαρτιαν και tήn ανομιαν ποιει, και η άμαρτια εστιν η ανομια* вѣкъкъ творити гр(ѣ)хъ и безаконие творитъ и грѣхъ есть безаконие и I Ио 5, 17 *pās άδίκη άμαρτια εστιν вѣкъкъ неправда* гр(ѣ)хъ есть. Славянский текст приводится по изданию: Г. А. Ильянски. Слепченский апостол XII века. М., 1912.

⁷ Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под редакцией С. И. Коткова. М., 1971, л. 108в.

⁸ J. Vlášek. Po stopách archetypu staroslověnského překladu žalmů. «Studia palaeoslovenica», Praha, 1971.

⁹ L. M o s z u ŋ s k i. Fragmenty psalterzowe apostoła Enińskiego wobec tzw. Psalterza Synajskiego. «Константин — Кирилл Философ», София, 1971.

падают с текстом *Син*; на основании этого легко сделать вывод, что Псалтырь была переведена сначала, а затем при переводе Евангелия или Апостола из нее делались выписки, а не новые переводы. Во всяком случае, как показал И. В. Ягич, Псалтырь и Евангелие имеют общие черты языка и принадлежат к единой и первоначальной группе источников¹⁰. Такой первый аргумент. Кроме того, Псалтырь, как известно, — это *ἀρχαί*, религиозной лирики, и именно поэтому ни одна из книг средневековья по своей читаемости и использованию в богослужебной практике не может сравниться с нею. Достаточно сказать, что по уставу¹¹ на ежедневной утрене, кроме шестопсалмия, положены так называемые кафизмы (по три на каждый день), так что в течение недели вся Псалтырь прочитывается целиком, а во время великого поста — даже два раза в неделю. Кроме сплошного чтения, уставом предписывается выпевание отдельных псалмов (например, предначинательного — 103-го — на вечерне), специальных (связанных с праздниками) подборок стихов (стихиры) и отдельных стихов (аллилуиарии и прокимны). Псалтырь была неотъемлемым элементом келейного правила инока и домашнего чтения мирянина. Мы говорим об этом для того, чтобы стало понятным воздействие художественности Псалтыри и ее лексики на прочие произведения и жанры средневековой литературы. На самом деле, параллелизм (итеративность) средств выражения — это излюбленный прием средневековой греческой литературы, сохранявшийся, естественно, и в славянских переводах. Характерным примером может явиться богородичный акафист патриарха Сергия (VII в.), который в течение многих веков служит образцом для подражания. В акафисте художественный эффект покоится исключительно на этом приеме, но прием этот встречается и в песнях канона (в ирмосах, а также стихах), и в икосах, и в кондаках, и в тропарях — практически во всех жанрах рассматриваемого рода литературы. Таков второй аргумент. Следовательно, разбирая смысловые связи слов в Псалтыри, мы получаем возможность изучить самые истоки становления древнеславянского языка, т. е. несомненное произведение переводческой техники Кирилла и Мефодия, и, к тому же, сталкиваемся с наиболее авторитетным текстом и образцом для подражания. Можно ожидать, что связанные по смыслу слова Псалтыри были усвоены и стали отражаться в оригинальных произведениях.

Наше исследование не призвано содействовать решению общетеоретических задач (оно посвящено исключительно конкретным вопросам истории древнеславянского языка), но до рассмотрения и классификации материала все же необходимо кратко изложить собственную позицию.

Если говорить о смысловых связях между словами в ближайшем рассмотрении, то с помощью качественного анализа и с синхронной точки зрения можно выделить три типа таких связей. Во-первых, связанными оказываются слова, обладающие семантической близостью (синонимия). Во-вторых, несмотря на представленные в литературе возражения, сюда же должно отнести слова, семантически дополняющие друг друга (тематическая лексика). И в-третьих, сюда же принадлежат слова с семантической противоположностью (антонимия).

Определить понятие синонимии строгим образом (например, через родо-видовые отношения) из-за неясности сопряженных терминов (значение, оттенок значения, стилистическая окраска и т. д.) едва ли возможно, хотя интуитивное понимание существа дела, несомненно, присутствует

¹⁰ И. В. Ягич. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, стр. 41 и сл.

¹¹ М. Н. Скабалланович. Толковый типикон (Объяснительное изложение Типикона с историческим введением), вып. 1—3. Киев, 1910—1915.

у каждого. Пусть два слова называются синонимами, если они обозначают одно и то же явление внеязыковой действительности. Как правило, синонимы соотносят это явление с разными понятиями, но эти понятия должны иметь (что следует из факта общей номинации) частично совпадающие объемы и (в качестве предпосылки этому) больше совпадающих критериев в своих содержаниях, чем расходящихся. Понятийная общность синонимов объясняет их возможную взаимную замену в речи. Получается, что мы принимаем описание понятия синонима, предложенное А. П. Евгеньевой: «Синонимами следует признать лишь те слова, которые соотносятся друг с другом по своему употреблению и значению»¹². Гипертрофия одного аспекта явления (например, смыслового) или другого (употребительность, взаимозаменяемость) — а таких попыток видим немало — не приводит к успеху, поэтому умеренный третий путь, содержащийся в описании, лучше прочих.

Для исследования синонимии древнеславянского языка критерий взаимозаменяемости из-за невозможности судить достоверно о семантике слов приобретает особое значение. Например, мы встречаемся — в пределах приема параллелизма (здесь и далее изучается только это явление) — с безразличным переводом греческих синонимов варьирующимися славянскими словами. В 6,10 читаем: *ουραλιασθα γαρ μοлиτωκζ μοιζ γαρ молене мое приять* (а в греческом: *της δεησεως, την προσευχην*). Однако в 54,2 греческие и славянские слова распределены по-иному: *κλυσις εβκε μοлиτωκζ μοιζ и не прѣзари моленѣт моего (την προσευχην, την δεησιν)*. Пары *молиτωκζ — δεησις*, *молене — προσευχη* представлены в 6,10, 60,1,2, а в 38,13, 54,2, 85,6, 87,3, 101,17 группировка противоположная: *молиτωκζ — προσευχη* и *молене — δεησις*. Свободное варьирование славянских слов говорит в пользу их полной синонимичности, об этом же свидетельствует и принадлежность слов к одному корню. Подобное безразличное варьирование заметно, конечно, и среди разнокоренных слов. Ср. 10,22 *избаки ма ꙗко (так!) ница и ουβογζ емаз азз (πωχος, πένης)*, но в 10,4 *πένης* переводится не как *ουβογζ*, а как *ница*: *очи его на ницаго призираете*. Ср. дальнейшее свободное варьирование: 50,10 *σλοухου моему дази радость и веселе (αγαλλιασιν, ευφροσύνην)*, но 66,5 *κζκζεβемѣтѣ ма и κζздрадсѣтѣтѣ ма ѡззици (ευφρανθησασαν, αγαλιασθησασαν)*; в 106-м псалме стихи 13 и 19 повторяются слово в слово: *ἐκ τῶν ἀναγκῶν αὐτῶν ἔσωσεν αὐτόν*, однако глагол *σῶζω* в славянском переводится по-разному: 106,13 *κζзкзаша кз гю егда кзстжжиша и стз бѣдз ихъ спе* и 106,19 *стз бѣдз ихъ избаки*. О синонимии данных глаголов свидетельствуют и следующие примеры: 7,1 *спи ма стз кзстхз гонѣцихз ма избаки ма (σῶσον, ῥῶσαι)*; 58,3 *избаки ма стз творѣцихз безаконене и стз мжжа крѣки спи ма (ῥῶσαι, σῶσον)*; 68,15 *спи ма стз крениѣ да не ουглабѣз избаки стз ненавидѣцихз ма (σῶσον, ῥυσθείην)*. Сюда же примыкает пара слов *избакити — изати*: 30,2 *правдѣжж твосож избаки ма изми ма (ῥῶσαι, ἐξελοῦ)*; 139,1 *изми ма господи стз чокѣтка лжжака стз мжжа неправедна избаки ма (ἐξελοῦ, ῥῶσαι)*; 143,11 *изми ма избаки ма стз кодз многъ (ῥῶσαι, ἐξελοῦ)*. Таким образом, выходит, что можно говорить не о паре синонимов, а о трехчленном ряде: *спассти — избакити — изати*.

Кроме методики учета безразличного варьирования, для выявления синонимов древнеславянского языка можно использовать методику прямого сопоставления значений. Например, параллелизм подсказывает, что слова *ὀργή* и *θυμός* связаны между собой. Действительно, если сопоставить, как описываются их значения в словарях, то можно прямо ставить знак

¹² А. П. Евгеньева. Проект Словаря синонимов. М., 1964, стр. 10.

равенства; например, у Дворецкого: θυμός 'гнев, злоба', и ὀργή 'гнев, злоба', у Бензелера: θυμός 'Zorn, Unwille' и ὀργή 'Zorn, Unwille', так же у Лиддела и Скотта и т. д. Поэтому, несмотря на то, что в *Син* ὀργή — это всегда гнѣкъ, а θυμός — грѣста, оба славянских слова, как и оба греческих, можно считать полными синонимами¹³. Ср.: 2,5 чѣгда къзгѣтъ къ нимъ гнѣкомъ своимъ и грѣстѣмъ; 6,1 гнѣ не грѣстѣмъ свѣчи мнѣ ни гнѣкомъ твоимъ покажи мене; см. далее 77,38, 89,7, 89,11, 101,11 и т. д. Аналогичную синонимику без варьирования, но с полным совпадением значений видим в паре στοῦδα — αἰσχύνη и срамъ — ἐντροπή и в производных: 34,4 да постѣдѣтъ сѣ и посрамѣтъ сѣ ищущи дѣша мсеа; 34,26 да постѣдѣтъ сѣ и посрамѣтъ сѣ къкоупѣ... да овѣгѣтъ сѣ къ στοῦδα и къ срамъ; см. далее 39,15, 43,16—17, 68,20, 69,3, 70,15, 82,18, 108,29 и т. д.

Не имея возможности из-за нехватки места и далее комментировать материал, приведем сейчас еще несколько выписок без пояснений. Придерживаемся алфавитного порядка и указываем лексемы в нормализованной орфографии¹⁴: 105,6 безаконскаги — сѣрѣшати; 91,7 безоумна — неразоумна; 14,3 ближани — искрѣна; 50,10, 125,2 веселне — радѣста; 144,11 къзлаголати — реци; 120,4 къздрѣмати — оузнѣти; 38,13, 53,4 къноушнги — оуслѣшати; 85,6 къноушнги — знати; 70,4 грѣшанъ — законопрѣстѣпанъ; 17,3, 143,2 застѣпаннѣ — зацитѣннѣ; 143,2 застѣпаннѣ — извѣкителъ; 58,17, 90,2 застѣпаннѣ — приѣжнѣ; 77,43 знаменине — чюдѣ; 7,16 издрѣги — ископати; 25,2 искоушати — истазати; 35,6—7, 39,1, 44,5, 95,13 истина (рѣснога) — правѣда; 32,16 крѣпѣста — сила; 71,14 мѣха — неправѣда; 40,4 леже — сдрѣ; 43,15, 46,4, 66,5 лѣдне — ѣзѣци; 117,8—9 надѣати сѣ — оузнѣати; 24,5 настѣкнги — насучнги; 6,1 свѣчнги — показати; 108,29 овѣци сѣ — сѣжднги сѣ; 70,9 сѣтакнги — отѣкрѣци; 26,9, 93,14 сѣтакнги — сѣтрнѣнѣти; 79,12 отрасѣ — розга; 142,12 погоувнги — потрѣнѣти; 43,14 подѣрѣканнѣ — поношннѣ, порѣганнѣ; 91,7 познати — разоумѣти; 94,6 поклоннги сѣ — припасти; 90,10 принги — пристѣпнги; 48,13 приложнги сѣ — оуподѣвнги сѣ; 24,4 пѣтъ — стѣза; 59,8 раздѣлнги — размѣрнги; 11,8 свѣлѣсти — сѣхрѣннги; 118,73 сѣздати — сѣткѣрнги; 106,16 сѣкроушнги — сѣлѣмнги; 146,8 сѣно — трѣва; 26,1 оубѣати сѣ — оустрашнги сѣ; 20,3 хотѣннѣ — желѣннѣ и т. д. Материал далеко не исчерпан.

¹³ О греческой синонимике, в том числе и в новозаветном языке, см. J. N. H. Schmid. Handbuch der lateinischen und griechischen Synonymik. Leipzig, 1889; G. Heine. Synonymik des neutestamentlichen Griechisch. Leipzig, 1898; R. Ch. Grenh. Synonymics of the New Testament. London, 1906. См. также: E. C. Colwell. The Greek Language. The Interpreter's Dictionary of the Bible. Nashville, 1962.

¹⁴ Словарные материалы, следующие ниже, как можно предположить, отражают смысловые связи не только в Псалтыри (или даже одной *Син*), но и вообще в первом литературном языке славян на этапе его возникновения. Следовательно, мы должны получить возможность соотносить лексемы, выписанные из *Син* (или *Бол*), с лексическим фондом прочих канонических памятников. Из сказанного вытекает, что нужно провести нормализацию написаний. Как известно, до сих пор мы, хотя и пользовались упрощенной алфавитной системой, априорной нормализации не проводили, поэтому одно и то же слово писали строго по памятнику в разных вариантах (например, в *Син* можно встретить: безаконѣ, безаконѣкъ, безаконѣте, безаконѣ, безаконѣне, безаконѣкъ и безаконѣте). При нормализации написаний мы остановились на правилах, изложенных в «Словаре старославянского языка» Чехословацкой академии наук (см. сн. 3), вып. 2, стр. XXXVI и сл. В свете этих правил предлагается «идеальная» ортограмма безаконѣ (не зафиксированная в *Син*). Восстанавливаем грамматически нейтральные формы. Типла теперь раскрываем.

Интересно заметить, что вопросы разницы в значениях слов или синонимии интересовали Кирилла в связи с некоторыми обстоятельствами его биографии. Во время прения с низложенным патриархом Иоанном Грамматиком он показал различие между идолом и иконой, а в состязании с хазарами, напротив, установил полное смысловое тождество слов законъ и закѣтъ (об этом в главах V и X его Жития).

Такова первая группа связанной по смыслу лексики, установленная с помощью приема параллелизма. Как кажется, этот прием выступает надежным подспорьем в семасиологической работе.

Вторая группа, как упоминалось, — это тематические слова, которые в смысловом отношении дополняют, предполагают друг друга и, следовательно, сопряжены по теме. Например, в 125,2 читаем: *тсгда испльнѣтъ съ радости оуста наша и ѣзыкъ наша кеселѣт*. Уже установлено, что слова *радостѣ* и *кеселѣт* суть синонимы; прием параллелизма подсказывает, что и оставшиеся слова в совпадающих синтаксических конструкциях должны быть близки друг другу. Однако в смысловом отношении нельзя поставить знака равенства между *оуста* и *ѣзыкъ*, поскольку они обозначают анатомически разные органы речи — ‘рот’ и ‘язык’ (ср., например, контрастные евангельские чтения Мф 17,27 и Мр 7, 33, 35). Эти слова, равно как и их греческие соответствия *στόμα* и *γλῶσσα*, не являясь синонимами, тем не менее принадлежат к одной и той же тематической группе лексики и довольно часто в контексте выступают с нейтрализацией отличий друг от друга, т. е. практически обозначают одно и то же. Сказанное можно наблюдать и в нашем примере. Ср., далее, точно такое же употребление: 36,30 *оуста праведнаго поучѣтъ съ прѣмъдрости и ѣзыкъ его възвѣтъ сждз*; 38, 2 да не *сзгръшѣѣѣ ѣзыкѣмъ моимъ положихъ оустѣмъ моимъ хранити*; 72, 9 *положиша на нѣби оуста своѣ и ѣзыкѣмъ своимъ солгашѣ емоу*. Во всех этих выписках различие между органами речи не является существенным; существенна как раз принадлежность и ‘рта’ и ‘языка’ к одному и тому же действию — акту говорения и пения. Следовательно, тематические слова сохраняют определенные характеристики синонимов — они связаны по смыслу и способны к взаимозамене, но отличаются от них степенью представленности того и другого качества.

Обратим теперь внимание на значительную зависимость тематических слов от внеязыковой действительности. Органы речи — это не только ‘рот’ (*оуста*) или ‘язык’ (*ѣзыкъ*), но и ‘губы’, ‘гортань’ и т. д. Ср. в этой связи: 119,2 *ги избави дшѣ мсѣ стѣ оустѣнѣ неправѣдикѣ и ст ѣзыка лѣстѣка*; 139, 4 *посетриша ѣзыкѣ свои како зминѣ гдѣ аспиленѣ подѣ оустѣнами ихѣ*; см. также 11,4—5 и т. д. Ср., наконец, 140,3 *положи ги хранити оустѣмъ моимъ и дври сгражденѣ о оустѣнахъ моихъ*. Таким образом, в группу тематически предполагающих друг друга слов (на материале Псалтыри) входят четыре единицы: *оуста*, *оустѣна*, *ѣзыкъ* и *гратѣна*.

В некоторых случаях тематическая близость между словами возникает, казалось бы, только в контексте. Например, слова *воура* — *καταιγίς* ‘порыв ветра, буря, вихрь’ и *гнѣкъ* — *ὀργή* ‘негодование, раздражение, гнев’, как несомненно видно, соотнесены с разными понятиями, но во фразе 82,16 *тако поженѣши ѣ воураѣж и гнѣкъмъ твоимъ емоутиши ѣ* прием параллелизма указывает на их смысловую близость. Близость эта возникла в речи на основании метафорического переноса, т. е. уподобления по сходству, но метафора становится возможной лишь благодаря частичному совпадению содержаний обоих понятий, да и, кроме того, она может

стать общепринятой и тем самым войти в язык. Сказанное справедливо и по отношению к метонимическим заменам, т. е. переносам по смежности, например, 76,15 *сказалъ еси къ мѹдѣхъ силѣ тѣмъ изъбавилъ еси мѹшцаѣмъ тѣмъ ежѣ мѹди тѣмъ* ('сила' и орган силы 'мышца' сопрягаются друг с другом). Языковой характер метафорических и метонимических замен виден из их регулярной повторяемости (т. е. рассматриваемые нами случаи не сводятся к личному видению поэта): 88,22 *рука во мѣстѣ поможетъ емоу и мѹшца мѣстѣ оукрѣпитъ и*; 97,1 *ѣне и десница его и мѹшца ѣтаѣ его и т. д.* Наконец, к тематически близким словам принадлежат, конечно, и родовые замены: 77,25 *хлѣбъ аглаѣ тѣтѣ чакъ брашно послѣдъ имъ д-о-билѣтѣ*; 104,35 *поѣсъ кѣсѣ траѣжъ земля нѣхъ и поѣсъ кѣсѣ плодъ земля нѣхъ и т. д.*

Укажем теперь дальнейший материал без комментариев: 113,6 *агнаца — сканъ*; 93,23 *беззаконіе — злова*; 62,2 *безкоданъ — поусѣтѣ*; 89,10 *волѣзна — трѹдъ*; 54,6 *волѣзна — трепетъ*; 93,8 *воуи — безоуманъ*; 95,6 *келѣтѣпота — красота*; 144,13 *кладѣчастко — цѣсарѣстко*; 17,9 *кзвѹрѣти ѣа — кзѣпланѣти ѣа*; 37,10 *кзвѣдѣхѣніе — желѣніе*; 64,9 *кзвѣлати ѣа — оубѣлати ѣа*; 33,4 *кзвѣнести — кзвѣкѣнѣти*; 14,1 *кзвѣлати ѣа — обѣтати*; 43,24 *кзѣкрѣнѣти — кзѣтати*; 37,6 *кзѣмрѣдѣти — ѣзгнѣти*; 61,11 *кзѣхѣнѣніе — неправда*; 10,4 *кѣждѣ — очи*; 18,5 *кѣщѣніе — глаголи*; 83,4 *гнѣздо — храмина*; 40,4, 71,3, 113,4, 6 *гора — хлѣмъ*; 45,5 *градъ — село*; 83,4 *грѣлица — пѣтица*; 91,14 *дворъ — домъ*; 132,1 *дѣво — красна*; 93,5 *дѣстоаніе — людіе*; 138,5 *дрѣкѣна — послѣдѣніе*; 30,4 *дрѣжака — привѣжице*; 131,4 *дрѣмѣніе — ѣзнѣ*; 22,4 *жѣзлѣ — палица*; 36,1 *закѣдѣти — рѣкѣнокѣти*; 39,18 *зѣщитѣтеля — помѣщѣникъ*; 26,1 *зѣщитѣтель — ѣщѣтѣтеля*; 33,14, 37,13 *зѣло — лѣстѣ*; 96,7 *идолъ — иѣтоуканъ*; 72,19 *икѣначѣти ѣа — погѣнѣнѣти*; 87,19 *икѣранѣнъ — дрѹгъ*; 73,15 *икѣчѣникъ — потѣкѣ*; 60,5 *крѣкѣ — село*; 77,61 *крѣпѣстѣ — дѣвѣрѣта*; 50,3 *милѣстѣ — щѣдрѣстѣ*; 63,3 *множѣстко — ѣзнамъ*; 93,12 *наказѣти — наоучѣти*; 77,51 *начѣтѣкъ — прѣкѣнѣцѣ*; 43,25 *нищѣта — печѣла*; 9,35 *нищѣ — ѣрѣ*; 84,11 *облѣкѣзѣти ѣа — ѣдрѣсти ѣа*; 105,18 *огнѣ — пламѣнѣ*; 79,14 *оубѣлати — поѣсти*; 50,9 *оукрѣпити — смѣити*; 13,1 *оумрѣзѣти — рѣстѣнѣти*; 38,3 *оумѣтѣти — оумѣзѣчѣти*; 88,41 *оплотѣ — тѣвѣрада*; 77,69 *осѣнокѣти — ѣздѣти*; 97,2 *отѣкрѣити — ѣказѣти*; 37,22 *отѣѣтѣити — оѣтѣкѣти*; 104,10 *покѣлѣніе — закѣтѣ*; 105,36 *пожрѣти — работѣти*; 93,22 *помѣца — привѣжице*; 76,6 *помѣзѣити — помѣнѣити*; 118,22 *пѣнѣсѣ — оуничѣженіе и т. д.* Материал приводится в сокращенном до крайности виде.

Осталось рассмотреть последний тип смысловой связи между лексемами — антонимию. Антонимы обычно определяются как слова, имеющие противоположные значения; следовательно, по своей семантике антонимы противопоставляются синонимам. И с точки зрения употребительности антонимы не допускают взаимозамены. Тем не менее смысловая связь между членами антонимической пары столь же сильна, как и связь между синонимами. Старая фраза *les extrêmes se touchent* оправдывается в том отношении, что противоположные значения отнюдь не исключают, а скорее предполагают друг друга. Кроме того, и в плане употребительности антонимы обладают высокой степенью совместной встречаемости в сходных контекстах и рядом. Например, понятие *грѣшникъ — ѣмѣрѣтѣль* имеет смысл лишь постольку, поскольку существует понятие *прѣкѣдѣникъ — дѣхѣиѣ*; в равной мере соотносительны противоположные понятия *зѣлѣ и дѣвѣрѣ* и т. д. Сопряженность, т. е. смысловая связь, понятий в нашем материале проявляет себя в том, что соответствующие слова

в приеме параллелизма выполняют совершенно ту же функцию, что и синонимы или тематические слова. Например, 67,3—4 тако псгзвнжтз грѣшннцн отъ лица бжѣ а праведннцн казкеселѣтз сѣ; любопытно, что в антонимических отношениях в этой выписке находятся и глаголы; ср.: далее: 36,16 суче малое праведникуу паче всггачтства грѣшнннхъ маного; 57,11 казкеселѣтз сѣ праведнннхъ егда. . . ржцѣ свои сумзѣтз ко крѣки грѣшннн ника, точно так же 36,17, 21 и т. д. Подобная же совместная встречаемость может быть отмечена и относительно пары злѣ — добро: 33,15 суклони сѣ отъ зла и ткори добро; 34,12 каздѣхъ ми зла каз добро; 37,21 каздѣхъ ми зла каз добро; 108,5 положиша на мѣ зло каз добро и ненавнста за казнблене моє. Выходит, что несмотря на явное отличие антонимов от синонимов и тематических слов, все три типа лексем имеют между собой много общего — как в плане семантики, так и в употреблении. Все они манифестируют разные формы одного и того же явления высшего порядка — смысловой связи.

Заслуживает внимания выявление антонимов в условиях использования отрицания. Известно, что с помощью отрицания легко образуются однокоренные антонимы типа законъ — беззаконне, правда — неправда; ср., например, 51,5 казнбленѣ єси. . . неправдѣ неже гати правдѣ. Однако не данное довольно простое явление интересует нас сейчас. В 7,9 читаем: сжди ми гн по правдѣ моєи и по незловѣ моєи; отрезки по неправдѣ моєи и по незловѣ моєи, несомненно, манифестируют прием параллелизма, причем по своей семантике правда и незлова явные синонимы. Но синонимы, как видно, возникли в результате использования отрицания во второй лексеме, и если это отрицание убрать, то возникает столь же явная антонимическая связь в паре правда — злѣ. Ср., далее, 139,2 изми ма господи отъ чловѣка лжакѣ отъ мжжѣ неправеднѣ; и здесь синонимия легко превращается в антонимию, если во втором слове убрать отрицание: лжакѣ и праведнѣ. Одним словом, псалмопевец, у которого синонимы в приеме параллелизма появляются значительно чаще антонимов, создавал себе дополнительные синонимы из антонимических пар и для этого прибегал к помощи отрицания. Ср.: 14,2 ходѣ веспорока и дѣлаѣ правдѣ; 16,5 сзкрѣпнлѣ єси стопнѣ моѣ ко стѣзѣхъ мои да не подвнжѣтз сѣ стопнѣ моѣ; 20,3 желанне срдѣца твоего далѣ ємоу єси и хотннѣтз судѣ его неси его лишнлѣ; 23,4 непокинѣнѣ ржками и чнстѣ срдѣцемѣ и т. д. Надо, правда, заметить, что нередко отсечение отрицания невозможно без разрушения слова. Например, 1,1 блженѣ мжжѣ нже неидет(з) на с(о)вѣтз нечестнннхъ (и) (и) пжти грѣшнннхъ не (сѣ); в слове нечестннн отрицательную приставку нельзя устранить. Ср., далее, 24,6 грѣхъ ннннн моєѣ и нечѣстѣ моєго не помѣни. Следовательно, рассматриваемая в данном абзаце методика выявления антонимов отнюдь не является универсальной: в каждом отдельном случае нужно определять специально, возможно ли отсечение отрицания.

Наконец, среди связанных по смыслу слов имеется группа, которую можно с равным успехом отнести как к тематической лексике, так и к антонимам. Например, 138,2 тзи позна сѣднне моє и встннне моє; сѣднне и встннне в зависимости от точки зрения могут быть отнесены и туда и сюда. Ср., кроме того, 8,9 пѣнннн ннннн и рѣвнн морѣкннн; 68,35 да казхкалѣ то и небѣ и землѣ моє и всѣ двнжнннн сѣ вз немѣ.

В заключение приведем, как обычно, краткий список антонимов: 138,8 адѣ — небо; 36,22; 61,5 благословннн — клати; 94,10 блжннн — позна

ти; 29, 6 вечеръ — засутра; 65, 12 вода — сина; 76, 4 възвесеити са — възсрѣтити; 36, 36 възискати — сбрѣтити; 118, 163 възлюбити — възненавидѣти; 108, 6 възнабление — ненакитъ; 74, 8 възнести — сѣмѣрити; 19, 9 възстати — пасти; 103, 8, 106, 26 възсходити — низсходити; 61, 11 възхущение — правда; 120, 8 възсхождение — исхождение; 137, 6 възска — сѣмѣренъ; 18, 8 вѣранъ — пороченъ; 74, 11 грѣшникъ — правданъ; 7, 10 грѣшанъ — правданъ; 20, 3 дати — лишити; 18, 3 данъ — ноща; 91, 6 дѣла — помилешенна; 49, 1 западъ — възска; 103, 29 исчезати — сзидати са; 10, 5, 44, 8, 96, 10 любви — ненавидѣти; 139, 2 лжакъ — правданъ; 65, 6 море — суша; 68, 29 написати са — пострѣвити са; 26, 10 оставити — прийти; 23, 4 повинна — чистъ; 144, 2 поговѣити — хранити; 111, 8 подкигнѣти са — оутвердити са; 118, 150 приважити са — судамати са; 27, 5 разсрѣтити — сзидати; 70, 17 староста — юнста; 26, 3 сувѣсти са — супкати и т. д. Материал, как и выше, приводится очень скупо. Мы надеемся со временем опубликовать его монографически.

Таковы три группы связанной по смыслу лексики, установленной анализом параллелизма в Псалтыри. На этом, однако, нельзя поставить точку.

Теоретически едва ли правильно думать, что связи между словами ограничиваются попарными соответствиями. Ясно, что попарные соответствия, оказавшиеся в нашем распоряжении, возникли, так сказать, искусственным путем: они отражают парную структуру параллелизма, использованного в Псалтыри. Если бы, следовательно, эта структура стояла, скажем, из трех или четырех и т. д. элементов (что и на самом деле в редких исключениях можно наблюдать¹⁵), то мы получили бы тройки или четверки и т. д. связанных слов. Поэтому лексический материал, сгруппированный по парам, — это побочный и отрицательный продукт нашего индикатора (о достоинствах этого индикатора, вполне покрывающих названный недостаток, мы говорили раньше). Получается: чтобы судить о смысловых связях между словами в складывающемся древнеславянском литературном языке (а не только в определенном речевом произведении — Псалтыри), надо снять аберрацию лексики, возникшую под воздействием художественного приема, свойственного памятнику.

По нашему предположению, добиться группировки не по парам, а, как обычно в семасиологии, по полям вполне возможно. Для достижения цели требуется, когда это допустимо, представить в явном виде связи каждого из членов пары. Например, если на основании материалов нашего словаря приписать такие связи паре слов безаконие — злосба и обозначить их символически (пусть синонимическая связь обозначается сплошной, а антонимическая — точечной линией; тематическая связь обозначается цепью астерисков), то можно получить такую картину:

безаконие	— злосба
— грѣхъ	*** льщение
*** неправда	... правда
*** неджъ	
... правда	... правда

Сошлемся на аналогичный случай логического вывода: если $A = C$ и $B = C$, то $A = B$. Подобным образом, если лексема безаконие связана

¹⁵ Ср., например, структуру параллелизма (приводится поле органов человека и их функций) из семи элементов: 113, 13—15 оуста имѣтъ и не възглатѣ / очи имѣтъ и не видѣтъ / оуши имѣтъ и не слышатѣ / ноздри имѣтъ и не обонѣжатѣ / рѣцѣ имѣтъ и не осяжатѣ / нозѣ имѣтъ и не понѣжатѣ / и не възгласятѣ гртанемѣ своимѣ.

со словом злоба и слово беззаконие связано с лексемой грѣхъ, то лексемы злоба и грѣхъ через посредство третьего члена связаны между собой. О справедливости этого вывода говорит и другой (впрочем, уже избыточный) аргумент: в группах того и другого слов есть один общий элемент — слово пракада (мы его выделили разрядкой); следовательно, эти группы по некоторому критерию однородны. Так на основании операции логического вывода решается в общем виде проблема формирования лексических полей. С самого начала, однако, надо заметить, что логические операции не всегда приложимы к языку, поэтому получаемый нами материал надо в каждом отдельном случае проверять на конкретных речевых произведениях. Согласимся, однако, с тем, что получаемые поля указывают направление поиска, т. е. они говорят о том, что между некоторыми лексемами возможны (пусть и не обязательны!) семантические связи (нуждающиеся в дальнейшей проверке). Забегая вперед, отметим, что при дальнейшем изучении отдельных случаев нам, как правило, не приходилось испытывать чувства сомнения в правдивости логического вывода.

Далее приведем для примера два лексических поля.

беззаконнъ

— грѣшникъ

... прѣбывае

*** прѣподобае

*** кѣрѣе

... пороченъ

... грѣшнѣе

--- законпрѣстѣе

--- сѣгрѣшнѣе

--- лжекае

... прѣбывае

--- нечестенъ

--- соудѣнѣе

*** лжеженъ

--- лжеженъ

*** неправаденъ

... прѣбывае

... лжекае

... пракадаеникъ

... крѣпкъ

*** нечестенъ

Поясним технику подачи материала. В первой колонке слева приводятся слова, связанные по смыслу с заглавным словом, причем перед каждым словом указан тип его связи с заглавным словом. Пусть такие слова называются словами первого порядка. Затем под каждым таким словом перечисляются связанные с ним слова (второго порядка) и т. д. Таким образом, мы перечисляем все слова, которые на основании анализа Псалтыри находятся в смысловой связи с заглавным словом. Что касается определения качества связи между словами опосредственных порядков, то здесь надо различать два основных случая: 1) если в словах двух смежных порядков дважды представлена антонимическая связь, то заглавное слово оказывается связанным со словом второго порядка синонимической связью, т. е. дважды повторенная антонимическая связь дает смысловую близость; 2) во всех остальных случаях всегда сохраняется та связь, которая говорит о меньшей смысловой близости между словами. Таким образом, за исключением случаев повторной антонимии, при разнотипности связей заглавное слово меняет по отношению к слову второго по-

рядка связь в сторону ее удаления от смысловой близости, но качественного скачка в значении при этом не происходит. Подобная же процедура применима и для определения качества связи между словами любых как угодно удаленных друг от друга порядков. Кроме того, одного поля достаточно для того, чтобы судить о смысловых связях всех входящих в него лексем. Остается добавить, что повторяющиеся в поле слова даны в разрядку и для них связи не указаны.

КЗЗВЕЛИЧИТИ

*** КЗЗВЕСТИ

... СЗМЪРИТИ

*** КЗСХВАЛИТИ

*** КЗЗВЪСТИТИ

*** ПОВЪСТИ

*** КЗСПЪТИ

—ПЪТИ

*** КЗЗВЪСТИТИ

*** РАДОКАТИ СА

*** РАБОТАТИ

*** ПОЖРАТИ

*** КЗСКЛИКНЪТИ

*** КЗЗРАДОКАТИ СА

—КЗЗВЕСТИТИ СА

... КЗСКРЪВЪТИ

*** СТЪРИГНЪТИ

*** КЗЗГАДОКАТИ

*** ИСПОВЪДАТИ

*** РЕЦИ

*** ПОВЕЛЪТИ

Коснемся теперь генезиса установленных нами смысловых связей. Некоторая — видимо, бóльшая — их часть скорее всего отражает семантику говора, легшего в основу первого литературного языка славян. Сказанное справедливо прежде всего по отношению к лексемам славянского происхождения: ср. *кода* ... *снѣ* (65,12), *кѣмѣти* — *сѣлѣшати* (9,38, 39,2), *гнѣвъ* — *посѣта* (2,5, 6,1), *гора* *** *хлѣмъ* (71,3), *гръница* **пѣтица* (83,4), *дѣръз* *** *дѣмъ* (91,14), *дѣбро* ... *зѣло* (33, 15, 34, 12, 108,5) и многие другие. Некоторая же часть смысловых связей, несомненно, сложилась под воздействием греческого языка, т. е. возникла в результате перевода и сопряженного с ним семантического калькирования. Сюда относятся, во-первых, такие поля или пары слов, одно из которых является заимствованным; ср. *дѣть* (*ἄδης*) ... *небо* (138,8); *ангѣлѣ* (*ἄγγελοι*) *** *силѣ* (148,2); *идѣлѣ* (*εἰδωλον*) *** *истѣукѣнѣ* (96,7); *цѣсарѣ* (*βασιλεύς*) *** *кнѣзѣ* (2,2); *цѣсарѣтѣ* (*βασιλεία*) *** *кѣдѣнѣтѣ* (144,13). Во вторых, перенос смысловых связей виден и в случаях морфологических калек: ср. *безаконѣ* (*ἀνομία*) — *гръхъ*, *зѣлѣ*; *безсѣмѣнѣ* (*ἄφρων*) *** *нѣсмѣнѣ* (48,11), *воуи* (93,8); *блѣгѣсѣлѣтѣ* (*εὐλογέω*) ... *кѣлѣтѣ* (36,22); *кѣлѣтѣ* (*μεγαλοπρέπεια*) *** *кѣлѣтѣ* (95,6); *кѣносѣнѣ* (*ἐνωτίζομαι*) — *сѣлѣшати* (38,13, 53), *кѣмѣти* (85,6); *кѣсѣжѣгѣнѣ* (*ἰλοκαύτωμα*) *** *жѣртѣ* (19,4, 39,7, 49,8); *зѣкѣспрѣтѣ* (*παράνομος*) — *гръшѣнѣ* (70,4), *лѣкѣ* (25,4) и т. д. Наконец, в-третьих, смысловые связи переносятся из греческого языка и тогда, когда одно из славянских по происхождению слов усвоило значение своего греческого соответствия; ср. глагол *рѣкѣтѣ*, который под влиянием греч. *δοῦλέω* стал означать 'служить, молиться'¹⁶ и именно

¹⁶ Аналогичным вопросам семантического калькирования — изучению влияния древнееврейской лексики на значение ключевых греческих слов, например, *ἐκκλησία*, *πίστις*, *λόγος*, *ἀλήθεια* и т. д. — посвящена работа: J. V a r r. *The Semantics of Biblical Language*. Oxford, 1962.

благодаря этому плану содержания вступил в тематическую связь со словами *радосати са* (2,10), *кзкликкжти* (99,1—2) и *пожрѣти* (105,36). Тема воздействия греческого на становление смысловых связей лексем древнеславянского языка здесь только затронута; ее разработка ждет своей очереди. Таким образом, установленные смысловые отношения между лексемами лишь с осторожностью можно относить к говору, легшему в основу первого славянского литературного языка. Наш материал имеет конкретно-исторический характер и не допускает простой экстраполяции.

Таковы результаты, к которым можно прийти с помощью анализа приема параллелизма в Псалтыри. Для пользы дела своевременно и крайне важно обсудить и другие семасиологические методики изучения древнеславянского языка ¹⁷.

¹⁷ Данная статья обсуждалась на заседании сектора славянского языкознания в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Автор приносит благодарность всем участникам обсуждения статьи.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Л. А. ЮЗЕФОВИЧ

МИССИЯ ИСАИИ (1561 Г.) И ОСТАФИЙ ВОЛОВИЧ

В недавно вышедшей книге Р. Г. Скрынникова «Переписка Грозного и Курбского»¹ высказано несколько интересных замечаний относительно миссии в Москву в 1561 г. украинского монаха Исая. Р. Г. Скрынников впервые обратил внимание на возможный политический характер миссии Исая, в то время как предшествующие исследователи рассматривали ее прежде всего в плане культурно-просветительском². Вопрос о миссии Исая не решен окончательно в нашей литературе, и хотелось бы подробнее остановиться на ее характере, учитывая общую историческую обстановку в Великом княжестве Литовском конца 50-х — начала 60-х годов XVI в.

«Черный дьякон» Исая, родом из Каменца-Подольского, выехал из Вильны в Москву за православными книгами в июле 1561 г. с «листом кралевским», который ему исхлопотали Остафий Волович³ и Григорий Ходкевич. На это указывает сам Исая, причем на первом месте упоминается именно Волович, хотя по официальному положению в Великом княжестве Литовском он стоял ниже, чем Григорий Ходкевич. Известны, однако, большая близость Воловича к королю Сигизмунду II Августу и его активное участие в дипломатических сношениях с Российским государством. Естественно предположить, что Волович принимал большее участие в устройстве поездки Исая, чем Григорий Ходкевич, деятель по преимуществу военный. Правдоподобным является и предположение Р. Г. Скрынникова о том, что драгоценными подарками, предназначенными царю, Исаяю тоже снабдил Волович⁴.

В «Списке с православного списка Исаи» Исая называет в качестве цели своего путешествия три книги — славянскую библию, житие Антония Печерского и «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста⁵, незадолго перед тем переведенные с греческого под руководством Максима Грека.

¹ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского (Парадоксы Эдварда Кивана). Л., 1973.

² См. П. А. Сырку. Из истории сношений русских с румынами. СПб., 1896; Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мниха камянчанина Исая. Сер. Памятники древней письменности и искусства, вып. 181. СПб., 1913; К. В. Хрлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, и др.

³ Р. Г. Скрынников называет О. Волсвича подканцлером литовским (Р. Г. Скрынников. Там же, стр. 64). Однако Волович в 1561 г. стал лишь надворным маршалком и земским подскарбием, а до этого был королевским писарем. Сам Исая называет его еще «наивышшим писарем» (Д. И. Абрамович. Там же, стр. 7).

⁴ Р. Г. Скрынников. Там же, стр. 64, прим. 191.

⁵ «Список с православного списка Исаи...» (Из рукописей Е. В. Барсова). Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1883, кн. 1, отд. 5, стр. 2.

Однако в написанном им гораздо ранее, по горячим следам, «Ответе неизвестному» он упоминает лишь одну из этих книг, а именно «Евангельские беседы», как единственную цель своего путешествия. Там же Исая пишет, что за год до его поездки, в 1560 г., эти же «Евангельские беседы» безуспешно пытался купить у дьяка И. М. Висковатого литовский посланник в Москве М. Гарабурда⁶. Но в посольских делах сохранилось упоминание о другой аналогичной попытке, падающей примерно на то же время. В августе 1560 г. литовский посланник в Москве А. Станиславов⁷ передавал Висковатому просьбу Воловича о присылке ему тех же «Евангельских бесед» — «надобе ему нужно»⁸. Висковатый обещал эти книги отослать, но предупредил Воловича, чтобы он «о том ся не подивил, что вскоре не поспеют, книги велики добре, ино списывати их долго»⁹.

Август 1560 г. был трудным для Висковатого временем. Именно в августе, особенно после смерти царицы Анастасии, усилились интриги Захарьиных против правительства «Избранной рады». Одновременно обострились отношения с Литвой. Возможно, что в этих условиях Висковатому не хотелось рисковать своей репутацией, вступая в частные отношения с Воловичем. Поэтому он и отодвинул присылку списков на неопределенный срок. Во всяком случае год спустя они Воловичу присланы, очевидно, не были. Гарабурда пытался купить книги, но Висковатому скорее всего не хотелось с ними расставаться. И Исая отправляется в Москву уже не для того, чтобы купить их, но «испросить... на спис слово в слово»¹⁰. Вероятно, для того чтобы переписать книги, не выезжая из Москвы, и нужен был Исаяе его «холопец»¹¹, иже бе много учен грамматики и философии»¹². Таким образом, как мы видим, Волович был чрезвычайно настойчив, добиваясь получения нужных ему книг.

Известно, что в XV — XVI вв. Западная Русь была крайне бедна православными рукописями. Книгохранилище значительного Супрасльского монастыря в середине XVI столетия насчитывало, например, всего около двух десятков святоотеческих сочинений¹³, что не идет ни в какое сравнение с собраниями крупных русских монастырей. В конце 60-х — начале 70-х годов XV в. с просьбой о присылке православных книг обращался к московскому зодчему В. Д. Ермолину писарь короля Казимира IV Якуб¹⁴. В 70-х годах XVI в. М. Гарабурда вывез из Москвы славянскую библию для типографии К. Острожского. И миссия Исаяи может быть рассмотрена в русле известной традиции вывоза из Москвы в Литву славянских рукописей.

Уже из так называемого «дела Висковатого» можно составить представление о нем как о «книжном» человеке. В своем «покаянии» он неоднократно ссылается на различную церковно-учительную литературу, указывая при этом иногда и владельцев книг. Так мысль о том, что Христос

⁶ Д. И. Абрамович. Там же, стр. 7.

⁷ Правильнее — Станиславич. Почетное с точки зрения русских окончание — *-ич* для литовских посланников и гонцов, как несоответствующее их официальному статусу, часто в документах заменялось окончанием *-ов*.

⁸ Сб. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО), т. 59. СПб., 1887, стр. 622. На эти отношения между Воловичем и Висковатым обратил внимание Б. Н. Флоря (см. И. И. Костюшко. Научная конференция советских и польских историков. «Вопросы истории», 1974, № 2, стр. 175).

⁹ Сб. РИО, т. 59, стр. 623.

¹⁰ «Список с православного списка Исаяна...», стр. 2.

¹¹ В смысле «холопец», «юноша», но не «холоп».

¹² «Список с православного списка Исаяна...», стр. 2.

¹³ А. С. Архангельский. Очерки по истории западнорусской литературы XVI—XVII в. М., 1888, стр. 26—28.

¹⁴ См. А. Д. Седелъников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV в. Изв. АН СССР, сер. VII, отд. гуманитарных наук. Л., 1930, № 4.

на кресте пострадал не плотью, Висковатый почерпнул из книги, принадлежавшей В. М. Юрьеву. В другом случае он ссылается на Иоанна Дамаскина, книгу М. Я. Морозова. Причем добавляет, что последняя находится у него в «избе»¹⁵. Очевидно, что здесь Висковатый имеет в виду «посольскую избу». Характерно, что и В. М. Юрьев и М. Я. Морозов были связаны с посольским ведомством, участвовали в посольствах и принимали послов в Москве¹⁶. Возможно, что при Посольском приказе составила своеобразная библиотека¹⁷, используемая не только для личных, но и для государственных нужд. Апелляция к священным текстам была непременным атрибутом московской дипломатической практики. Особенно часто это наблюдается в тот период, когда во главе Посольского приказа стоял сам Висковатый, т. е. в 50-е и 60-е годы XVI в. Эта библиотека могла частично распасться, частично слиться с царским книгохранилищем после казни Висковатого в 1570 г., когда на смену ему пришли малообразованные братья Щелкаловы.

Возможно, что и «Евангельские беседы» входили в состав библиотеки Посольского приказа. А в Литве это могло стать известным от бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря старца Артемия, появившегося в пределах Великого княжества в 1555 или в 1556 г. Еще в 1552 г. в своем послании Ивану Грозному Артемий советовал царю прочесть «Евангельские беседы»¹⁸. До своего бегства в Литву Артемий несомненно был знаком с Висковатым, а впоследствии он был близок и с Воловичем. Последний, например, обращался к нему за разъяснением библейского пророчества о «семени жены»¹⁹, пересылал ему сочинения Шимона Будного²⁰. Именно Артемий мог стать причиной того, что связанные с Воловичем литовские дипломаты за «Евангельскими беседами» обращались непосредственно к Висковатому.

Р. Г. Скрынников считает, что миссия Исаии выглядит странно, поскольку за православными сочинениями его снарядил Волович, который еще в 50-х годах отошел от православия и примкнул сначала к лютеранам, а потом к арианам²¹. Действительно, в доме Воловича на положении домашнего учителя жил лютеранин Ежи Заблоцкий, сподвижник Авраама Кульвы. В 1559 г. Волович послал своих племянников в Кенигсбергский университет, оплот лютеранства в Прибалтике, а в 1559 г. издатель С. Мурмелиус посвятил ему сочинения лютеранина Буллингера²². Однако в 1558 г. Волович дал странный в этой связи, на первый взгляд, наказ русскому посланнику в Литве Р. В. Алферьеву-Нащокину. В «памяти», привезенной им из Вильны, последний писал: «Да Остафей Волович при-

¹⁵ Акты, обранные Археографической экспедицией (далее — ААЭ), т. I. СПб., 1836, № 238, стр. 241.

¹⁶ Н. Е. Андреев считает, что Висковатый намеренно упомянул на соборе В. М. Юрьева и М. Я. Морозова, чтобы скомпрометировать их (Н. Е. Андреев. «О деле дьяка Висковатого». *Seminarium Kondakovianum*, т. V. Прага, 1932, стр. 212). Однако здесь могло иметь место и естественное для Висковатого стремление переложить часть вины на лиц влиятельных и, кроме того, близких к Посольскому приказу.

¹⁷ Несколько книг упомянуты в описи Царского архива конца XVI в. (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 29, 30, 41, 42). О какой-то «датской космографии» в 1561 г. датским послом говорил Висковатый. — Русские акты Копенгагенского архива, извл. Ю. Н. Щербачевым. Русская Историческая библиотека (далее — РИБ), т. XVI. СПб., 1897, стлб. 56.

¹⁸ РИБ, т. IV, 1878, стлб. 1386.

¹⁹ Там же, стлб. 1441.

²⁰ С. Г. В и л и н с к и й. Послания старца Артемия. Одесса, 1906, стр. 112—113.

²¹ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Там же, стр. 64.

²² T. Wasilewski. Testament Ostafiego Wołłowicza. В сб. *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, т. VII. Warszawa, 1962, s. 166.

казывал втайне и велел бить челом дяку Ивану Михайловичу, что в их государя царстве учинилось дело злодейское, великое люторство..., и что учнут которое дело неподелное говорити, злодейское люторство, и он в те поры сказывает втайне создателя и пречистую богородицу поминает ²³, и слезами ся от тех дел неподобных боронит, и которое слово не по делом великому государю, православному царю про него изнесут, Ивану Михайловичу про то великому государю за Остафья порадеть, как бог положит ему на душу, а он тому делу, сказывает, не поделен» ²⁴. Смысл просьбы Воловича вполне очевиден. Он боится, что до Ивана Грозного дойдут слухи о его лютеранских симпатиях и это может ему повредить как одному из вождей влиятельной православной партии мира в Великом княжестве Литовском, ее дипломатическому лидеру. Поэтому он старается заранее отвести от себя возможные подозрения и просит помощи у Висковатого ²⁵.

Остафий Волович был личностью в высшей степени примечательной. Его отец был обязан своим возвышением королеве Боне Сфорца ²⁶, много способствовавшей проникновению в Литву идей и настроений итальянского Возрождения. Волович был в числе тех, кто создал в середине XVI в. в Литве уникальную для Европы того времени атмосферу широкой веротерпимости и в то же время сам являлся ее порождением. Он никогда не был фанатичным приверженцем какого-то одного из реформационных течений, интересовался не только лютеранством и арианством, но кальвинизмом и даже анабаптизмом ²⁷. Воловичу посвящали латинские стихи поэты, группировавшиеся вокруг виленской коллегии иезуитов, и в то же время его можно отнести к числу деятелей славянского просвещения. В 1562 г. известный арианин Ш. Будный благодаря финансовой поддержке Воловича издал в Несвиже два своих сочинения на белорусском языке. Позднее, уже в 80-х годах, Воловичу был посвящен сборник, выпущенный в типографии Мамоничей. В этот сборник между прочим входили и сочинения Иоанна Златоуста ²⁸. В это же время «служебником» Воловича числился В. Гарабрата, издатель «Октоиха» 1582 года ²⁹.

Вполне объясним интерес Воловича к сочинению Иоанна Златоуста, широко почитаемого в гуманистических кругах Восточной Европы вместе с Псевдо-Дионисием Ареопагитом и церковными писателями V—VI вв., в которых, по выражению И. Н. Голенищева-Кутузова, «еще брезжил свет классической древности» ³⁰. Иоанн Златоуст был популярнейшим церковным писателем Древней Руси. Из «Евангельских бесед» в значитель-

²³ Уже сам характер молитвы «втайне» обнаруживает влияние протестантизма.

²⁴ Сб. РИО, т. 59, стр. 550—551.

²⁵ С Висковатым Волович впервые столкнулся еще в 1553 г., находясь в составе литовского посольства в Москве. Тогда же он имел возможность оценить ум и влияние московского дьяка. Именно по предложению Висковатого в перемирных грамотах было записано, что царь согласился на перемирие по просьбе своих бояр. Впоследствии литовские послы очень жалели, что согласились на эту формулировку. В 1570 г. Иван Грозный в послании Сигизмунду II Августу по этому поводу язвительно заметил: «И то ли брату нашему честнее, что нас писати царем, или что нам за него печалуютца наши бояре?» (Сб. РИО, т. 71, СПб., 1892, стр. 680).

²⁶ W. P o s i e c h a. Królowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia, t. 3. Poznań, 1958, s. 197.

²⁷ T. W a s i l e w s k i. Ibid., s. 166—167.

²⁸ P. З е р н о в а. Типография Мамоничей в Вильне (XVII в.). В сб. Книга. Исследования и материалы, вып. I, 1959, стр. 173.

²⁹ Акты, изданные Виленской Археографической комиссией, т. V. Вильно, 1871, № 423, стр. 11. См. также P. З е р н о в а. Типография Мамоничей в Вильне, стр. 174.

³⁰ И. Н. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. Украинский и белорусский гуманизм В кн. Славянские литературы. М., 1973, стр. 164.

ной степени состоит «Новый Маргарит» Курбского³¹. Популярны были они и среди русских еретиков. Не случайно Артемий настаивал, чтобы «Евангельские беседы» прочел царь, а Матвей Башкин использовал их для обоснования своих взглядов³². В связи с тем значением, которое евангелия получили у протестантов, сочинение Иоанна Златоуста приобрело в Западной Руси особую актуальность. К. Острожский даже поручил перевести их на польский язык³³. Тем более оно должно было заинтересовать Воловича, который никогда резко не порывал и с православием. Но если интерес Курбского к сочинениям Иоанна Златоуста носил прежде всего прагматический характер, был связан с его деятельностью по защите и пропаганде православия в Западной Руси, то интерес к ним Воловича был, очевидно, как у Артемия и Башкина, более личного свойства. Иоанн Златоуст — один из раннехристианских обличителей роскоши и богатства (ср. его знаменитый афоризм: «Бог не так скоро услышит праведных, как бедных»). А из завещания Воловича, в котором он отпускает на свободу всех своих людей, можно сделать вывод, что его общественно-политические взгляды (в частности, по крестьянскому вопросу) смыкались со взглядами наиболее радикальных арианских деятелей вроде Якуба из Калиновки³⁴, или русских еретиков типа Матвея Башкина.

Однако нельзя не согласиться с Р. Г. Скрынниковым, что время для поездки Исаяи в Москву за книгами было выбрано крайне неудачно³⁵. Отношения между Российским государством и Литвой были обострены из-за Ливонии. Естественно предположить, что в этих условиях миссия Исаяи кроме получения православных книг преследовала еще какие-то, более важные цели.

С началом Ливонской войны конфликт между Москвой и Великим княжеством Литовским становился все более неизбежным. Но в Литве далеко не все желали немедленной войны. В январе 1560 г. литовский посланник М. Володкевич говорил А. Ф. Адашеву и И. М. Висковатому: «Остафей, господине, велел вам сказать скровенне: ляхи ныне всею землею хотят того, чтобы государь наш с вашим государем воевался, и воевода виленской и Остафей о том стоят накрепко, чтобы король с государем вашим был в любви»³⁶. Безуспешно добивалось заключения мирного договора в 1559 г. посольство В. Тышкевича³⁷. В августе 1560 г. А. Станиславов пытался от имени Воловича добиться у Висковатого, чтобы тот «склонял» царя к миру³⁸. Просьба о присылке «Евангельских бесед», переданная от Воловича Висковатому тем же Станиславовым, могла, продемонстрировав ортодоксальность Воловича, обеспечить ему большее доверие со стороны главы Посольского приказа. В марте 1562 г. аналогичные переговоры (также от имени Воловича) вел с Висковатым Б. Корсак³⁹.

³¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, стр. 68—71.

³² ААЭ, т. I, № 238, стр. 248.

³³ Макарий. История русской церкви, т. IX. СПб., 1879, стр. 373—374.

³⁴ T. Wasilewski. Ibid., s. 167, 169—170.

³⁵ Р. Г. Скрынников. Там же, стр. 63.

³⁶ Сб. РИО, т. 59, стр. 601.

³⁷ В. Тышкевич во время переговоров приводил любопытную «притчу»: «Приехал князь великий Василей в село, да молвил попу, чтобы готовился ранее к обедне, и поп отвечати не смел, что не готов, а князь великий стоит в церкви. И поп, модчав много, да молвил: Да добрые, государь, часы о чем не обедня? И князь Василей догадался, что он не готов, и велел часы говорить. А наше дело потому ли, а чем бы то перемирье не мир?» (Сб. РИО, т. 59, стр. 577).

³⁸ Сб. РИО, т. 59, стр. 622.

³⁹ Там же, т. 71, стр. 54.

Магнаты Великого княжества — Радзивиллы, Ходкевичи, Воловичи и др., не желая уступать царю Ливонии, тем не менее стремились избежать немедленного военного столкновения⁴⁰. Для них было очевидным, что Великое княжество не вынесет в одиночку бремени войны с сильным Российским государством. Следствием войны неизбежно должна была стать окончательная уния Польши и Литвы, чему всеми силами противились магнаты Великого княжества и чего давно уже добивалась у короля польская шляхта, у которой все больше становилось сторонников в среде западнорусского и литовского мелкопоместного дворянства. Война ускорила заключение унии, так как без этого коронный сейм не давал согласия на подати для ее ведения⁴¹. После падения Полоцка вопрос об унии стал уже лишь делом времени, хотя сам Иван Грозный и пытался играть на польско-литовских противоречиях. Так сразу же после взятия Полоцка он отпустил на родину лишь польскую часть гарнизона⁴². Грозный подчеркивал, что он воюет именно с протестантской Ливонией, именно с отпавшим от православия Великим княжеством Литовским⁴³.

Известно резко отрицательное отношение царя к лютеранству. По взятии Полоцка на торжественном богослужении подчеркивалось, что русские войска одержали победу над «люторами»⁴⁴. Эта традиция «священной войны» оказалась достаточно устойчивой. Она повлияла, в частности, на автора «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», для которого ревностный католик Баторий — «лютерския своя веры воин»⁴⁵. Недаром Волович так боялся, что царь прослышит о его лютеранских симпатиях, а дипломаты Великого княжества, даже будучи протестантами, часто просили разрешения присутствовать на православных богослужениях⁴⁶. Именно в связи с этими демонстрациями и может быть рассмотрена миссия Исаяи, который не случайно был отправлен Воловичем уже не к Висковатому, а к самому Ивану Грозному. Смоленский епископ Симеон подчеркивал в своем донесении в Москву, что Исаяи вышел из Литвы «на государское имя»⁴⁷. С этой точки зрения в том, что миссия Исаяи падает именно на 1561 год, нет ничего странного. Волович таким образом намеревался еще раз продемонстрировать царю не только свою верность православию (что помогло бы ему в достижении его политических целей), но и незыблемость православия в Великом княжестве Литовском. А попутно Волович рассчитывал получить и давно интересовавшее его сочинение Иоанна Златоуста.

В этой связи получают объяснение и взаимоотношения Исаяи с митрополитом еврипшским Иоасафом. Действительно, из Вильны Исаяя

⁴⁰ См. В. Д. К о р о л ю к. Ливонская война. М., 1954, стр. 53—54.

⁴¹ См. В. П и ч е т а. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты. В сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому, ч. II. М., 1909, стр. 621; М. В. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Польско-литовская уния на сеймак до 1569 г. М., 1897, стр. 21.

⁴² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XIII. М., 1965, стр. 363—364. См. также: Р. Г. С к р ы н н и к о в. Начало опричнины. Л., 1966, стр. 176.

⁴³ Об идеологическом обосновании Ливонской войны см.: А. И. Р о г о в. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны. В сб. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, стр. 320.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 345—346, 359—360.

⁴⁵ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». М. — Л., 1952, стр. 41. См. также: А. И. Р о г о в. «Повесть об Исидоре Юрьевском...», стр. 318.

⁴⁶ Пытаясь продемонстрировать Ивану Грозному свою лояльность, магнаты Великого княжества прибегали и к иным приемам — например, называли его «царем», хотя этот титул не был официально признан в Литве и Польше (Сб. РИО, т. 59, стр. 550; т. 71, стр. 87, 579).

⁴⁷ РИБ, т. XXII, 1908, стлб. 67.

был отправлен вместе со свитой митрополита ⁴⁸. Однако уже в Смоленск Исайя прибыл самостоятельно ⁴⁹. В Смоленске же он донес епископу, что Иоасаф в Литве королю и раде целовал крест, но не указал причин этого, заявив, что «не ведает, чего для целовал» ⁵⁰. Митрополит признался епископу, что «было де то по грехом» ⁵¹, а затем в письменном объяснении, которое предложил ему дать Иван Грозный, указал и причины своего поступка. Митрополит виленский и православные паны (или называвшие себя православными) уговорили его выступить посредником в деле мирного урегулирования назревавшего вооруженного конфликта, подобно «старым архиереям», которые умиряли «брани меж царей и государей». Причем Иоасаф указал, что переговоры велись «по тайнов церкви», поскольку «князи ляцкие добре вооружаются и готовятся на брани» ⁵². Все это звучит вполне правдоподобно, так как в Литве было, очевидно, известно о том, что Иоасаф везет Ивану Грозному грамоту константинопольского патриарха о признании его царем, и, рассчитывая на впечатление, которое эта грамота должна произвести на царя, надеялись, что посредничество Иоасафа будет принято благожелательно.

Исайя, которого снаряжали в путь Волович и Ходкевич, не мог не знать о сути переговоров, которые велись в Вильне с Иоасафом. Однако в своем доносе он не указал причин поступка митрополита, несомненно ему хорошо известных. Скорее всего донос Исайи был заранее продуманным ходом. С одной стороны, он сам завоевывал доверие московских властей, с другой — вынуждал Иоасафа как бы помимо его воли к выполнению взятых им на себя обязательств, о которых он в обстановке воинственных настроений московского двора вполне мог «забыть». Однако донос Исайи привел к неожиданным для него последствиям — он попал в тюрьму. Р. Г. Скрынников считает, что Исайя был посажен в тюрьму как шпион ⁵³. Но скорее всего он стал жертвой того недоверия, с которым в Москве после флорентийской унии относились к западному православию. Сам Исайя утверждает, что Иоасаф «слово законопреступно возложил» на него ⁵⁴. Но слово «закон» в русском языке XVI в. обозначало то же, что слово «вера» ⁵⁵. Следовательно, Иоасаф обвинил его в каком-то религиозном преступлении, возможно просто указал на связи Исайи с отрекшимися от православия магнатами Великого княжества. Не случайно Исайя уже в заточении тщательно переписывает православный символ веры. Не случайно также подчеркивает он, что собирался испросить книги «на спись слово в слово», отводя от себя подозрение в намеренном искажении священных текстов, а в своих бедах обвиняет московских «черньцов и бельцов», т. е. лиц духовного звания. Но в условиях начавшейся войны с Литвой, которая провозглашалась войной за веру, обвинение в ереси приобретало и ярко выраженный политический характер.

Путешествие Исайи действительно могло начаться в Киеве, как утверждает он сам. В «Списке с православного списка Исаина» подчеркивается, что жития Антония Печерского «у нас в Киеве... в Печерском монастыре нет» ⁵⁶, а в «Ответе» Исайя указывает, что о его миссии известно

⁴⁸ Д. И. Абрамович. Там же, стр. 7.

⁴⁹ РИБ, т. XXII, стлб. 67.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стлб. 74.

⁵³ Р. Г. Скрынников. Там же, стр. 64.

⁵⁴ Д. И. Абрамович. Там же, стр. 6. Явная аллюзия на Псал. 40, IX.

⁵⁵ Ср. в посольских книгах: «дворяне королевы христьянского закону» (Сб. РИО, т. 59, стр. 566); «церковь нашего закона» (там же, т. 35, 1882, стр. 240) и т. д.

⁵⁶ «Список с православного списка Исаина...», стр. 2.

киевскому митрополиту⁵⁷. В Вильне, однако, его поездку решили использовать в своих целях западнорусские магнаты, и в первую очередь Волович. Именно Волович мог включить в список книг, за которыми был послан Исая, «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста. Не случайно в своем «Ответе», отправленном в Литву, Исая указывает одни лишь «Евангельские беседы» в качестве цели своего путешествия, а в «Списке с православного списка Исаина», рассчитанном на московского читателя, упоминаются и библия, и житие Антония Печерского. Исая ко времени составления «Списка» уже, очевидно, знал, что М. Гарабурде удалось вывезти из Москвы библию для типографии К. Острожского. И он мог сознательно уподобить цели своей миссии целям М. Гарабурды, говоря, что также собирался славянскую библию «в нашем государстве христианском, русском, Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным»⁵⁸. В «Ответе» же, написанном вскоре после прибытия Исая в Москву, об этом нет ни слова.

Обвинение Исая в ереси сделало его миссию бессмысленной. Но старания Воловича в любом случае остались бы напрасными — война между Москвой и Великим княжеством Литовским была неизбежна. Однако лично к нему Иван Грозный сохранил благожелательное отношение и в 1570 г. даже говорил, что если король хочет мира, то присылал бы в Москву послом Остафия Воловича⁵⁹.

Уточнение целей миссии Исая приобретает особое значение в связи с высказанным недавно мнением американского историка Э. Л. Кинана о подложности переписки Грозного и Курбского. Э. Л. Кинан, проведя текстологический анализ «Ответа неизвестному» Исая и Первого послания Курбского царю, показал, что именно Курбский заимствовал у Исая, а не наоборот⁶⁰, однако на основе неверной датировки «Ответа» пришел к выводу о подложности переписки. Р. Г. Скрынников убедительно продемонстрировал, что «Ответ» Исая мог стать известным Курбскому до написания им послания царю. Возможно, что он стал известен ему именно от магнатов Великого княжества, организовавших поездку монаха в Москву, в частности от самого Воловича. Впоследствии Курбский был женат на дальней родственнице Воловича и даже направил ему несколько посланий. Однако их знакомство могло состояться и вскоре после бегства Курбского. Известно, что еще до 1564 г. Курбский получил «лист завартый» от Н. Радзивилла и О. Воловича, в котором они предлагали князю выехать в Литву⁶¹.

Первое послание Курбского Ивану Грозному (равно как и ответное послание самого царя) было рассчитано не только на читателей Российского царства, но и на определенный политический эффект за рубежом⁶². О. П. Бакус считает даже, что Первое послание Курбского царю написано именно тогда, когда ему было необходимо произвести благоприятное впечатление на Сигизмунда II Августа⁶³. Таким образом, как Исая, так и Курбский в значительной степени писали для одной и той же аудитории —

⁵⁷ Д. И. Абрамович. Там же, стр. 7.

⁵⁸ «Список с православного списка Исаина...», стр. 2.

⁵⁹ Сказания князя Курбского. Изд. 3-е Н. Устрялова. СПб., 1868, примечания, стр. 365.

⁶⁰ E. L. Keenan. The Kurbskii — Groznyj Apocrypha (The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV). Harvard University Press, Cambr., Massach., 1971, p. 24–25.

⁶¹ «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни», т. II, Киев, 1849, стр. 193.

⁶² С. О. Шмидт. К истории соборов XVI в. «Исторические записки», т. 76. М., 1965, стр. 141.

⁶³ O. P. Vaskus. A. M. Kurbskii in the Polish-Lithuanian State. «Acta Baltoslavica», t. IV. Bialystok, 1969, p. 47.

а именно для православных, или бывших православных магнатов Великого княжества Литовского. Возможно, что этим и объясняется заимствование Курбским цитаты из «Ответа» Исаяи, которая будучи известна читателю в другом контексте, могла создавать у него эмоциональную напряженность, порожденную дополнительными аллюзиями⁶⁴. Кроме того, не следует отбрасывать и возможность того, что сам Исаяя заимствовал из какого-то третьего источника, известного также и Курбскому⁶⁵, что порождало у образованного современника определенные ассоциации, нам до конца не понятные.

Возвращаясь к миссии Исаяи, следует подчеркнуть, что она носила сложный характер и ее необходимо рассматривать в более тесной связи с общим культурным подъемом в Великом княжестве Литовском в середине XVI в., с русско-литовско-польскими отношениями в этот период, а также в связи с особенностями русско-литовской дипломатической практики, в которой различного рода религиозные демонстрации занимали видное место.

⁶⁴ См. А. П. К а ж д а н. Книга и писатель в Византии. М., 1973, стр. 111.

⁶⁵ Так, например, начало этого общего у Исаяи и Курбского куса является перифразом Псал. 30, XXI.

М. Ю. ДОСТАЛЬ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО О КНИГАХ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ УЧЕНЫХ В «ИЗВЕСТИЯХ» ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК

Замечательный русский славист И. И. Срезневский более тридцати лет (с 1849 по 1880 г.) трудился в стенах Российской академии наук в ее Втором отделении. Во многом именно благодаря его энергии и творческому энтузиазму Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) в 50-е годы XIX в. переживало период подъема в своей научной деятельности. Трибуной этой деятельности стали редактируемые И. И. Срезневским «Известия» и «Ученые записки» ОРЯС, журналы, издаваемые впервые в истории Академии на русском языке.

Весьма примечателен в истории развития русско-славянских научных связей Библиографический отдел новостей славяно-русской филологии «Известий», который в течение 11 лет (1852—1863 гг.) вел И. И. Срезневский. Заметки и рецензии на книги славянских ученых, помещенные в этом Отделе, до сих пор не были объектом специального изучения¹, хотя вопрос об этом, в частности, с точки зрения развития русско-чешских научных и литературных связей, уже ставился².

Поэтому представляется полезным, рассмотрев рецензии и заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких авторов, сопоставить их с библиографией «Журнала Чешского музея» и коснуться их значения в развитии русско-чешских и русско-словацких научных связей. Специальное рассмотрение чешско-словацкой части Отдела диктуется еще и тем, что она была самой большой среди заметок на книги зарубежных славянских ученых, составляя около 14% общего числа библиографических заметок, помещенных в «Известиях» за 11 лет издания³.

Материалы служебной деятельности и переписки И. И. Срезневского показывают, что о выходе новых чешских и словацких книг ученый узнавал непосредственно из писем их авторов: П. Й. Шафарика⁴, В. Ганки⁵,

¹ Упоминания об этом Отделе см. В. И. Срезневский. К истории издания Известий и Ученых записок Второго отделения Императорской Академии наук (1852—1863). Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 18, № 13. СПб., 1905, стр. 1—62; «История Академии наук СССР», т. 2. Л., 1964, стр. 206—208.

² См., например, К. И. Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях (50—60-е годы XIX в.). Л., 1968, стр. 151.

³ Заметки о книгах русских авторов по нашим подсчетам составляли в 1852—1863 гг. — 59,8%, югославянских — 9,4, польских — 6,4, болгарских и серболужицких по 1,4, западноевропейских — 7,6%.

⁴ V. A. Fransev. Korespondence Pavla Josefa Šafaříka, č. II. Praha, 1927, s. 880—901.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 6, ед. хр. 16—25.

И. Ф. Шумавского, А. В. Шемберы⁶, К. Я. Эрбена⁷, Л. Штура⁸ и др. От самих авторов он часто получал в дар и на отзыв и их книги. Посылки с книгами И. И. Срезневский получал через книготорговцев⁹, а также через В. Ганку¹⁰, протоиерея русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского¹¹ и др.

Кроме того, ученый мог знакомиться с чешскими и словацкими книгами, посланными на имя Академии наук, С.-Петербургского университета и ряда научных обществ, членом которых он состоял. Книгообмен И. И. Срезневского с иностранными учеными был в 50-е годы довольно интенсивным, несмотря на трудности почтового сообщения. Был еще один важный источник знакомства И. И. Срезневского с книгами чешских и словацких авторов. В 1847—1850 годы он был цензором в С.-Петербургском цензурном комитете, где ему, владевшему славянскими языками, было вменено в обязанность по совместительству просматривать книги славянских авторов. И в дальнейшем, после увольнения с должности цензора, Комитет иностранной цензуры продолжал посылать ему на просмотр славянские, в том числе чешские и словацкие книги¹². И. И. Срезневский также регулярно просматривал библиографии ряда славянских журналов, в том числе «Журнала Чешского музея» («*Časopis Českého muzeum*»), где давалась и подробная информация о выходе чешских и отчасти словацких книг, а также, хотя и в меньшей степени, книг других славянских и неславянских авторов. К выводу о последнем источнике информации мы пришли после сопоставления библиографии «Журнала Чешского музея» и Библиографического отдела «Известий».

Таким образом, источники информации о чешских и словацких книгах были у И. И. Срезневского разнообразны, дополняли друг друга, что создавало условия для достаточно полного отражения этих книг в Библиографическом отделе «Известий».

Следует отметить, что при всех трудностях и замедленности переписки и книгообмена в указанный период, информация о чешских и словацких книгах появлялась в «Известиях» довольно скоро. По нашим подсчетам приблизительно 60% заметок И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких авторов появилось в «Известиях» в один год с выходом их из печати в Чехии, остальные появлялись с интервалом в год, совсем немного — с интервалом более года.

Естественно встает вопрос, насколько полным был перечень книг чешских и словацких авторов, публиковавшийся в Библиографическом отделе «Известий» в 1852—1863 гг. Мы сравнили заметки и рецензии на книги чешских и словацких авторов в указанном журнале с весьма подробной библиографией, печатавшейся в каждом выпуске «Журнала Чешского музея» в 1851—1863 гг. (в год выходило четыре выпуска). Это сопоставление привело нас к выводу, что И. И. Срезневский помещал в «Известиях» заметки почти обо всех сколько-нибудь важных книгах филолого-исторического содержания¹³, включая и упоминания о статьях в «Журнале Чешского музея».

⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 1553; там же, ед. хр. 1046.

⁷ R. B r t á ň. Karel Jaromír Erben a Izmail Ivanovič Sreznevskij. Franku Wolmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958, s. 165—166.

⁸ «Listy L'udovíta Štúra. Díl II, 1844—1855». Bratislava, 1956, s. 236—241, 288, 309—311.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 6, ед. хр. 17 и др.

¹⁰ Там же, ед. хр. 16—25.

¹¹ ЛО ААН СССР, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 510.

¹² Там же, оп. 2, ед. хр. 66.

¹³ По нашим подсчетам книги филолого-исторического содержания составляли приблизительно 1/6 всего количества книг, помещенных в библиографии «Журнала

Материалы чешско-словацкой части Библиографического отдела¹⁴ позволяют сделать некоторые заключения о направлениях историко-филологических исследований в Чехии и отчасти Словакии¹⁵ в 50-е годы XIX в.

В языкознании на данном этапе развития славянской филологии был характерен большой интерес к исследованиям сравнительного плана, важным с точки зрения определения места и особенностей развития славянской ветви в семье индоевропейских языков, а также места и особенностей развития каждого из славянских наречий. Все работы этого направления (они составляли примерно $\frac{1}{3}$ общего количества трудов по языкознанию), а также небольшие статьи подобного рода в «Журнале Чешского музея» и в местных чешских журналах брались на заметку русским славистом.

Большинство работ чешских и словацких филологов было посвящено изучению и популяризации родного языка. Этой цели служили многочисленные издания словарей (преимущественно чешско-немецких и немецко-чешских) и грамматик. Наиболее важные из них в научном отношении рецензировались в «Известиях». [Например, книги М. Гатталы «Skladba jazyka českého» (Praha, 1855), «Zvukosloví jazyka staro- i novočeského a slovenského» (Praha, 1854), «Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského» (Praha, 1857).]

Библиографический отдел «Известий» отразил и волну русофильских настроений в чешском обществе в 50-е годы XIX в., выразившуюся, в частности, в стремлении некоторых ученых ввести в Чехии кирилловский алфавит вместо латинского. Этот вопрос в начале 50-х годов живо обсуждался на страницах «Журнала Чешского музея»¹⁶ и в работах некоторых авторов. В частности, Й. Ф. Шумавский пытался издать сравнительный словарь славянских наречий. Обо всем этом И. И. Срезневский писал в заметке о новом издании русско-чешской грамматики Я. Пухмайера¹⁷. Пробным изданиям словаря Й. Ф. Шумавского было посвящено несколько заметок.

В области древней славянской истории и филологии в 50-е годы важнейшими были вопросы, касающиеся славянской письменности (время ее происхождения, ее создатели, соотносительная древность глаголицы и кириллицы). Они были весьма актуальны в тогдашней науке, так как являлись важной составной частью более широкой проблемы, волновавшей славянских ученых с первых шагов возникновения славистики как науки: о степени развития славянской «образованности», о вкладе славянской культуры в общеевропейскую и т. п. И. И. Срезневский неоднократно отмечал в своих заметках, что вопрос о глаголице занимает не только ученых, но и общество¹⁸.

«Известия» стали своеобразным рупором новых исследований в области изучения глаголицы. Здесь печатались статьи о глаголице многих русских и западославянских ученых. В общей сложности только в Библио-

Чешского музея» в 50-е годы XIX в. Примерно половина всех книг приходилась на литературные сочинения (художественную литературу, в том числе литературу для детей и юношества, литературу религиозного содержания). Остальную часть составляли книги по естествознанию, ведению хозяйства, юриспруденции, искусству и т. п.

¹⁴ И. И. Срезневский не включал в Библиографический отдел «Известий» только учебные книги для юношества по филологии и истории.

¹⁵ Словацкая часть библиографии «Журнала Чешского музея» и вслед за ней Библиографического отдела «Известий» была неполной и включала в основном труды словацких ученых, работавших в Праге и Вене.

¹⁶ См., например: J. P u r k y n ě. O prospěšnosti všeobecného rozšíření latinského způsobu psaní v oboru jazyka. «Časopis Českého museum», roč. XXX, 1, 1851, s. 41—71.

¹⁷ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» (далее — ИОРЯС), т. 1. СПб., 1852, стлб. 26.

¹⁸ Там же, т. 7, 1858, стлб. 208; т. 8, 1859, стлб. 59 и др.

графическом отделе «Известий» было помещено 13 заметок об изданиях глаголических памятников и исследований глаголической письменности (в том числе 11 заметок о книгах чешских и словацких авторов). Особенно интенсивно разрабатывался этот вопрос в 1856—1857 гг. в связи с открытием и опубликованием П. Й. Шафариком и К. А. Гёфлером чрезвычайно важного памятника глаголической письменности XI в. — так называемых «Пражских глагольских отрывков». Их открытие заставило П. Й. Шафарика пересмотреть свое мнение о происхождении и древности глаголицы. И. И. Срезневский посвящал обстоятельную библиографическую заметку каждому новому исследованию о глаголице.

Таковы, например, заметки-рецензии на издания памятников и исследования П. Й. Шафарика: «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů» (Praha, 1851), «Památky hlholského písemnictví» (Praha, 1851), «Glagolitische Fragmente» (Prag, 1857), «Ueber den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» (Prag, 1858)¹⁹ и др.

Основным принципом Срезневского при обзоре работ о глаголице, весьма занимавших его как ученого, было подробное изложение сути проблемы и основных выводов каждого исследования, а также приведение своих собственных аргументов, подтверждающих или опровергающих доводы авторов.

Библиографический отдел «Известий» частично отразил и ход так называемых «рукописных боев», оживившихся во второй половине 50-х годов, когда немецкая пресса прямо обвинила В. Ганку в подлоге. О самой полемике И. И. Срезневский здесь не сообщал, зато не упускал случая написать о каждом новом издании Краледворской рукописи²⁰, о каждом новом сочинении в защиту подлинности чешских рукописей, включая и статьи в «Журнале Чешского музея»²¹.

Большим событием в ходе «рукописных боев» в начале 60-х годов XIX в. было появление галантливой книги Ю. Фейфалика «Ueber die Königinhofer Handschrift» (Wien, 1860), в которой был приведен ряд новых литературных и исторических доказательств подложности Краледворской рукописи. Эта книга так задела И. И. Срезневского, что он выступил в «Известиях» с большой статьей «Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен»²², косвенно полемизируя с Ю. Фейфаликом. Примечательно, что обстоятельную заметку об этой книге он поместил только после выхода труда братьев Й. и Г. Иречков «Die Echtheit der Königinhofer Handschrift» (Prag, 1862)²³, доказывавших подлинность рукописи, и разбирал обе книги в одной рецензии.

Библиографические заметки в «Известиях» позволяют отметить большой интерес чешских и словацких ученых к изданиям древних и средневековых памятников чешского языка, литературы и истории. В 50-е годы К. Я. Эрбеню изданы «Tomaše ze Štytného knížky šestery o obecnych věcech křest'anských» (Praha, 1852) и «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae», I (Pragae, 1855). В. Ганкой — «Dalimilova chronika Česká» (Praha, 1853), Й. Градилом и Й. Иречком «Jana Blahoslava grammatika Česká» (Videň, 1857)²⁴. Издавались и целые сборники памятников средневековой чешской литературы²⁵.

¹⁹ Там же, т. 1, стлб. 166, 293—301, 343—350; т. 2, 1853, стлб. 16, 133 и 299; т. 6, 1857, стлб. 171—179; т. 7, стлб. 102—103.

²⁰ Там же, т. 1, стлб. 166.

²¹ Там же, т. 8, стлб. 121, 304; т. 10, 1861—1863, стлб. 142.

²² Там же, т. 9, 1860—1861, стлб. 346—366.

²³ Там же, т. 10, стлб. 412—413.

²⁴ Там же, т. 2, стлб. 103; 257; т. 4, 1855, стлб. 319; т. 7, стлб. 319.

²⁵ Там же, т. 3, 1854, стлб. 305; т. 4, стлб. 319; т. 7, стлб. 118—119.

В это же время появляются и общие работы по истории чешской литературы: 2-е издание труда Й. Юнгманна «Historie literatury české» (Praha, 1849), книга А. В. Шемберы «Dějiny řeči a literatury československé. Věk starší» (Viedeň, 1858) и 10 выпусков книги К. Сабины «Dějepis literatury československé» (Praha, 1860—1862) и др.²⁶ Специальных трудов, посвященных новейшей чешской литературе, почти не было.

Библиографический отдел «Известий» свидетельствует также о большом внимании, которое уделялось чешскими и словацкими учеными изданиям памятников славянского, в том числе и своего национального фольклора. В этот период появляются такие важные сборники как «Mudrosloví národu Slovanského ve příslovích» (Praha, 1852) Ф. Л. Челаковского, «Moravské národní písně z parěvu» (Brno, 1860) Ф. Сушила²⁷ и др. Одним из важных направлений фольклора было исследование народной поэзии славян. Этой проблеме была посвящена, например, книга Л. Штура: «O národních písních a pověstech plemen slovanských» (Praha, 1853), которую И. И. Срезневский критически разбирал в своей рецензии²⁸.

Работ чисто исторических, как можно судить по библиографии «Журнала Чешского музея», выходило в Чехии очень мало. В основном это были учебные пособия. И. И. Срезневский поместил в «Известиях» заметки о самых важных в научном отношении сочинениях, например, об очередных томах чешского (том 1) и немецкого (том 3) изданий обширного труда Ф. Палацкого «Dějiny národu českého v Čechách a v Morawě» (Praha, 1854)²⁹.

По данным Библиографического отдела можно наметить тематическое распределение научных работ по филологии и истории в Чехии и отчасти в Словакии в 50-е годы XIX в. Она показывает, что наиболее многочисленными в чешской и словацкой науке того времени были исследования по языкознанию (заметки о них составляют приблизительно 27% общего количества заметок о книгах чешских и словацких авторов). Примерно половину из них составляли собственно языковедческие исследования, а другую половину — издания практических грамматик и словарей. На втором месте (25%) стояли издания древнеславянских, древнечешских (в том числе и поддельных) и средневековых чешских памятников, важных в языковом, литературном и историческом отношениях. Третье место (около 13%) занимали работы по различным вопросам истории чешской литературы и старославянской письменности. На четвертом (приблизительно 10%) стояли фольклорные издания и исследования. Чисто исторические сочинения, биографии видных деятелей чешского национального Возрождения (например, Ф. Л. Челаковского), библиографические издания и т. п. были немногочисленны.

Важно заметить, что среди всех названных категорий научных исследований по филологии и истории в большей или меньшей степени преобладали работы, посвященные собственно чешской тематике. В целом они составляли около 65% всех рассматриваемых работ. Приблизительно 30% книг относились к общеславянской тематике. Исследований о других славянских народах было совсем немного. Необходимо подчеркнуть, что преимущественное внимание чешских ученых было обращено на исследование древних периодов чешской и славянской литературы и истории. Работы подобного рода составляли приблизительно 80%.

Несколько замечаний о качественной стороне чешской и словацкой части Библиографического отдела «Известий». Заметки И. И. Срезнев-

²⁶ ИОРЯС, т. 1, стлб. 166, 237; т. 7, стлб. 31; т. 8, стлб. 227; т. 10, стлб. 141.

²⁷ Там же, т. 1, стлб. 119—120; т. 9, стлб. 107.

²⁸ Там же, т. 2, стлб. 294—295.

²⁹ Там же, т. 3, стлб. 301; т. 4, стлб. 379.

ского о книгах чешских и словацких авторов условно можно разделить на две категории. В одних ученых ограничивался кратким упоминанием о вышедшей книге, с указанием ее полного названия, места и года издания и даже формата. Другие отличались большой обстоятельностью. В них обычно сообщалось о предыдущих трудах, заслугах и научных интересах автора, иногда давались краткие сведения о его жизни, излагалась суть рассматриваемой в книге проблемы и результаты предшествующих исследований по данной теме, указывалось на ее актуальность в науке, давалась оценка книги, отмечались ее недостатки, высказывались пожелания для их устранения и т. п. Общее преобладание заметок второго типа (соотношение 58 : 30) является важным свидетельством научной значимости указанной части Библиографического отдела «Известий».

В Библиографическом отделе подробно охарактеризованы труды наиболее видных старых и подающих надежды молодых чешских и словацких ученых: П. Й. Шафарика, В. Ганки, Ф. Л. Челаковского, Й. Ф. Шумавского, К. Я. Эрбена, А. В. Шемберы, М. Гатталы, Я. Коллара, Л. Штура и др.³⁰ (Подробные заметки составляли в среднем $\frac{4}{5}$ общего числа заметок о трудах этих авторов.) Русский славист отмечал заслуги каждого из этих ученых в развитии чешской и словацкой науки и их вклад в дело национального возрождения. И. И. Срезневскому принадлежит честь открытия для русского ученого общества имен молодых чешских и словацких ученых, например, словацкого филолога М. Гатталы.

Очевидно явное преобладание подробных заметок и рецензий о книгах по проблемам, особенно занимавшим славянских ученых, в частности, по вопросу о глаголице, о подлинности «древнечешских» рукописей и т. п.

Принимая во внимание высокий уровень развития науки в Чехии, И. И. Срезневский через свои «Известия» старался ознакомить Россию с ее достижениями. Не раз со страниц журнала он обращал внимание русских читателей на то полезное, что можно было бы заимствовать в трудах чешских и словацких ученых. Так он воспринял, например, издание Ф. Л. Ригером энциклопедии «Slovník naučný» (Praha, 1859), отмечая: «Очень возможно было бы, кажется, предпринять дельное издание энциклопедии русской любому русскому университету или Академии, особенно ученому обществу или нескольким университетам, соединенными силами»³¹. И. И. Срезневский подчеркнул, что труд Ф. Л. Ригера «необходим для будущих сотрудников нового русского энциклопедического словаря по крайней мере на столько же, как энциклопедические словари немецкие, английские, французские»³².

Сказанное выше не только подтверждает высокую научную ценность Библиографического отдела «Известий» на примере его чешско-словацкой части, но и показывает его значение в деле развития русско-чешских и русско-словацких научных связей. Ибо, с одной стороны, полнота представленных там заметок о трудах чешских и словацких авторов, точное отражение основных тенденций развития филолого-исторических исследований в Чехии и отчасти в Словакии, наконец, высокий по свидетельствам современников уровень, содержательность и направленность самих заметок и рецензий И. И. Срезневского давали возможность русскому читателю составить себе основательное и в основном объективное представление об успехах чешской науки. С другой стороны, чешские и словац-

³⁰ В Библиографическом отделе «Известий» упоминались имена около 40 чешских и словацких авторов, в том числе, кроме названных выше, В. Небесного, Й. В. Розу-ма, Я. Малого, Й. Гауша, Й. Гинцеля, Ф. Й. Иззберы, Я. Гушки и др.

³¹ ИОРЯС, т. 8, стлб. 225.

³² Там же.

кие ученые, получавшие «Известия»³³ и черпавшие из них подробную информацию об успехах русской филологии, археологии, истории и др., видели на страницах журнала оценку своих трудов русским ученым. Имеются свидетельства того, что они прислушивались к замечаниям И. И. Срезневского в адрес своих книг³⁴.

Думается, что изложенные выше замечания о чешско-словацкой части Библиографического отдела «Известий» во многом справедливы и для всего отдела в целом. Это позволяет заключить, что библиографические записки Срезневского стали значительной вехой как в истории русской славистики, так и в истории развития русско-славянских, в частности, русско-чешских и русско-словацких научных связей. Роль библиографического отдела тем более очевидна, что в 50-е годы «Известия» были единственным славистическим журналом в России и по-существу единственным информационным печатным органом, сообщавшим об успехах развития науки в славянских землях.

³³ Срезневский позаботился, чтобы «Известия» получали П. Й. Шафарик, В. Ганка, А. Я. Врятко, Ф. Палацкий, Й. Ф. Шумавский, Л. Штур и др. (ЛЮ ААН СССР, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 510, л. 54).

³⁴ Например, ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 6, ед. хр. 17; «Listy L'udovíta Stúra, II, 1844—1855», s. 310 и др.

Т. П. АГАПКИНА

ПИСЬМА РУССКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В АРХИВАХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ¹

Имя выдающегося польского поэта Юлиана Тувима прочно связано с «польскими» судьбами русской литературы, блестящим переводчиком которой он был. В 20—30-е годы Тувим сделал достоянием польских читателей бессмертный памятник русской культуры — «Слово о полку Игореве» (1928)², перевел на польский язык произведения более двадцати авторов, участвовал в редактировании польских переводов произведений Л. Н. Толстого, выходящих в «Библиотеке великих писателей», был инициатором и редактором многотомной серии «Библиотека юмора издательского товарищества», в которой вышли гоголевская «Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1927) и сборник юмористических произведений советских писателей (1928). В те годы Тувим переводил прозу Гоголя, Достоевского, Лескова. Истинное влечение Тувим испытывал к русской поэзии. Впервые к ее переводам он обратился в 1915 г., а спустя шесть лет издал сборник своих первых переводов из К. Бальмонта и В. Брюсова — «Лирику». Сборник был задуман как первый выпуск в серии «Русской лирики», в которую в дальнейшем должны были войти переводы из А. Блока, Ф. Сологуба и других русских поэтов. Однако по неизвестным причинам этот замысел не был осуществлен.

Переводческий талант Тувима расцветает в 30-е годы, когда в его переводах выходят многие произведения Пушкина, Баратынского, Фета, Тютчева, А. Толстого, Некрасова. Особое место в творческой биографии Тувима занимают переводы из Пушкина, насчитывающие в 30-е годы более семидесяти произведений³. Тувимовский перевод «Медного всадника» (1931, 1932) отмечен в 1935 г. премией польского ПЭН-клуба как лучший. Переводы из Пушкина составили книгу «Лютня Пушкина» (1937), вышедшую в столетнюю годовщину смерти русского поэта. Библиограф Пушкина в Польше М. Топоровский писал о значении этой книги: «Не смотря на то, что сам Тувим сурово оценил свои переводы, <...> его книга способствовала невиданной дотоле по своим масштабам популярности лирики Пушкина в Польше»⁴. К отзывам о тувимовских переводах произведений Пушкина следует добавить еще один, до сих пор неизвестный, —

¹ В работе использованы материалы из архивов Ю. Тувима и В. Броневского, связям которого с советской литературой и советскими писателями посвящена статья: Т. П. Агапкина. Переписка польских и советских писателей. «Советское славяноведение», 1973, № 4.

² Здесь и далее в скобках указаны даты выхода в свет польских переводов произведений.

³ По данным библиографического издания: J. Stradecki. Julian Tuwim Bibliografia. Warszawa, 1959.

⁴ Цит. по: J. Stradecki. Ibid., s. 326.

письмо знаменитого русского певца Ф. И. Шаляпина из архива Тувима в Национальном музее им. А. Мицкевича в Варшаве. Оно хранится среди писем довоенного времени, которые Тувим закопал перед отъездом из Польши в сентябре 1939 г. Письма несколько лет пролежали в земле. Бумага пожухла, местами повреждена плесенью. Письмо Ф. И. Шаляпина написано на бланке «Диетической лечебницы А. Гуревича», курорта в Отвоцке под Варшавой, где он находился на лечении в 1937 г., датировано 30 апреля 1937 г. Оно написано от руки, синими чернилами, некоторые слова большими буквами, фамилия Тувима в конце письма — польски.

Как можно догадаться по содержанию, письмо является ответом на подаренную Шаляпину книгу, которой могла быть или «Лютня Пушкина», только что вышедшая в Польше, или изданный ранее перевод «Медного всадника».

Uzdrowisko. Otwock. Zakład leczniczo-dietetyczny A. Górewicza 30 IV 37

Великолепный и близкий
Сердцу моему ЧЕЛОВЕК!

Как благодарить мне Вас и за книгу и за ТЕКСТ, в ней отпечатанный. Всякое Слово, означающее благодарность, кажется мне мелким, перед Вашим ДАРОМ.

Скажу одно: с гордостью смотрю на вдохновенное проникновение Ваше в поэзию нашего ВЕЛИКОГО АЛЕКСАНДРА.

Обнимаю Вас душевно крепко и как могу кричу: да здравствует великолепный TUVIM!

Федор Шаляпин⁵

Письмо написано за год до смерти Ф. И. Шаляпина. Для него, тогда уже тяжело и неизлечимо больного, терзаемого многолетней разлукой с родиной, эта неожиданная и необычная встреча с Пушкиным была большим подарком, что и выражено в письме.

Ф. И. Шаляпин не знал польского языка, во всяком случае настолько, чтобы преодолеть языковой барьер перевода. Но кто-то из местных жителей мог почитать ему польский перевод, и Шаляпин, выдающийся музыкант, очевидно, услышал в тувимовском переводе мелодию пушкинского стиха. Это предположение подтверждается отзывом И. Г. Эренбурга (также не знавшего польского языка), писавшего в свое время о Тувиме: «Когда он читал мне свой перевод „Медного всадника“, я слышал сложный пушкинский ритм»⁶.

Тувиму принадлежит первый польский перевод поэмы «Облако в штанах» В. Маяковского, сделанный им в 1919—1920 гг. и изданный в 1923 г. В 30-е годы Тувим переводил стихи Б. Пастернака, Л. Безыменского, В. Инбер, а также «Гренаду» М. Светлова, с успехом исполнявшуюся в театральный сезон 1933 г. в варшавском театре «Богема».

Интерес к нашей литературе сблизил Тувима с группой польских революционных пролетарских писателей. Одним из свидетельств тому является письмо Витольда Вандурского Владиславу Броневскому в начале 20-х годов⁷, в котором тот ссылается на хвалебный отзыв Тувима об

⁵ За предоставленную мне возможность ознакомиться и опубликовать этот и другие документы из личного архива Ю. Тувима искренне благодарю вдову поэта Ванду Тувим.

⁶ И. Эренбург. Собр. соч., т. 8. М., 1966, стр. 422.

⁷ 1923— начало 1924 г., на самом письме даты нет. Письмо из личного архива В. Броневского, находящегося в филиале Национального музея им. А. Мицкевича в

одном из переводов советской поэзии. Это короткая реплика, не оставляющая сомнений в том, что Тувим для этих польских писателей является признанным авторитетом.

Тувим играл активную роль в развитии польско-советских культурных отношений. Речь идет не только о его переводах, но и о стремлении установить личные контакты с советскими писателями, пробивая брешь в разного рода «блокадах», «стенах молчания», которые пропагандировали буржуазные идеологи в отношениях с первым социалистическим государством и его культурой. Опубликовав свой перевод «Облака в штанах», Тувим послал его Маяковскому с дарственной надписью. Как и Броневский, Тувим встречался с приезжавшими в Польшу советскими писателями независимо от того, как к этому относились официальные власти.

Огромное общественно-культурное значение имел ответ Тувима на анкету журнала «Вядомосци литерацке» в 1933 г., включавшую вопросы об отношении к социально-политическим преобразованиям в СССР, к советской литературе и перспективам отношений между государствами и народами СССР и Польши. В истории Польши последние месяцы 1933 г., когда журнал печатал ответы участников анкеты, в политическом отношении были исключительно острыми. Подписав в июле 1932 г. пакт о ненападении между СССР и Польшей, польские руководящие круги стали менять внешнеполитический курс, что привело в самом конце 1933 г. к заключению польско-немецкой декларации, а в январе 1934 г. к подписанию договора с гитлеровской Германией. Во внутренней жизни страны этого времени все более ощущались признаки фашизации. Упомянутая анкета, предпринятая по инициативе прогрессивных польских литераторов, должна была выявить общественное мнение по важным вопросам политической жизни страны и внести свой посильный вклад в борьбу против надвигающейся фашизации польской общественно-политической жизни. В этот ответственный момент Тувим занял смелую и определенную позицию, с большой благожелательностью высказавшись об усилиях советского народа, направленных на создание социалистического общества, о перспективах отношений двух народов. «Я верю, — писал он, — в великое будущее и добрую дружбу наших народов»⁸. Очень важно отметить, что Тувим принадлежал к тем польским писателям, которые, любя и пропагандируя русскую литературу, не противопоставляли ее советской, понимая их связь и нераздельность, а также новаторство советской литературы. «Советская литература, — писал он в своем ответе на анкету, — является зеркалом поколения», «продолжательницей прекрасной русской литературы». Так говорить о советской литературе мог человек, глубоко знавший ее, причем не только по переводам. Своим творчеством и отношением к социалистическим преобразованиям в СССР и советской литературе Тувим продемонстрировал независимость своих суждений и своей позиции в условиях фашизирующей общественно-политической жизни Польши тех лет.

Связи Тувима с русской и советской литературой (еще недостаточно изученные, хотя об этом написано уже много) имели огромное значение для укрепления его демократической позиции в искусстве, для его творческой эволюции, «мага и алхимика» слова — слова, «полного злости», которое, подобно «взъяренному псу», могло бы обрушиться на пороки

Варшаве — Доме-музее Владислава Броневского. Хранительнице его вдове поэта Ванде Броневской, я обязана многими ценными замечаниями и консультациями, относящимися к творчеству поэта, за что я бы хотела искренне ее поблагодарить. Упомянутое письмо хранится в папке: «Переписка с польскими литераторами».

⁸ «Wiadomości Literackie», 1933, № 44.

буржуазного общества. Броневский, много сделавший для развития польско-советских культурных связей, отмечает вклад Тувима в эту область: «Он прекрасным, искусным словом своим служил народной Польше. Он обогатил поэтический язык, создал произведения высочайшего класса, подарил польскому языку шедевры Пушкина. Он один из первых на чужбине с энтузиазмом приветствовал польско-советскую дружбу и преклонил чело пред Красной Армией, которая принесла нам свободу»⁹.

Многолетняя дружба связывала Тувима и И. Г. Эренбурга. Советский писатель посвятил ему много проникновенных и благодарных слов в своей книге «Люди, годы, жизнь»: «Почти всю жизнь мы прожили в разных мирах и встречались редко и случайно. <...> А вот мало кого я любил так нежно, суеверно, безотчетно, как Юлиана Тувима... <...> Но как хорошо, что я его встретил!»¹⁰. Будучи в Берлине в 1922 г. Тувим по личной инициативе разыскал находившегося там Эренбурга. Тувим «расспрашивал меня про русских поэтов, про Москву», — вспоминал впоследствии Эренбург¹¹.

Ниже публикуются письма И. Г. Эренбурга из личного архива Тувима в Национальном музее им. Мицкевича в Варшаве, интересные тем более, что почти весь архив межвоенного периода обоих писателей погиб. Письма относятся к концу 20-х — началу 30-х годов. Часть из них без даты, время их написания определяется по содержанию, письма публикуются в хронологическом порядке. Они относятся к тому времени, когда Эренбург жил во Франции и его творчество было единственным источником его существования, поэтому естественно, что здесь много говорится о гонорах. Хронологически письма совпадают с периодом, когда популярность Эренбурга в Польше значительно уменьшилась — по сравнению с 20-ми годами. Тогда, в 1925—1929 гг., в польских переводах вышло пятнадцать его книг, не считая переизданий, часть из них — в составе 8-томного издания его сочинений на польском языке. Параллельно с этим многие его произведения (крупные в отрывках) публиковались в периодике. Этому сопутствовало огромное число критико-публицистических отзывов о нем в литературной и общественной печати. В 30-е годы выходят «Фабрика снов» (1932) и «10 лошадиных сил» (1933), по две книги выходит в 1935 — «День второй» и «Заговор равных» — и в 1936 г. — роман «Не переводя дыхания» и сборник испанских очерков, озаглавленных в переводе «В стране Дон-Кихота».

Все письма Эренбурга написаны на машинке, подпись сделана чернилами от руки.

Дорогой Тувим,

Обращаюсь к Вам вот с какой просьбой: мне нужен в Польше издатель. Этот вопрос не столько славы, сколько вульгарных золотых. С «Роем»¹² мы развелись. Конечно, «барин» неплохой малый, и солянка, что и Вы изволили кушать, была невредной, но все же «Рой» совсем отбил от рук. «Лазика» они напечатали с глупейшими купюрами¹³, а от «Заговора рав-

⁹ В. Броневский. Вступление в кн. J. Tuwim. Wiosny i jesienie. Warszawa, 1954, s. IV.

¹⁰ И. Эренбург. Там же, стр. 418, 428.

¹¹ Там же, стр. 418.

¹² Эренбург имеет в виду очень известное в Польше до войны издательство «Руй» («Rój»), больше и чаще других выпускавшее советскую литературу.

¹³ «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» вышла в начале 1929 г. в хорошем переводе М. Грабовской, но книга была изрезана цензурой и «Руй» уведомил своих читателей об этом, так что упреки Эренбурга в этом смысле не совсем справедливы.

ных» вовсе отказались¹⁴. Новую книгу я им сам уже не послал. Если Вы знаете какого-нибудь издателя в Польше, который не побрезгует столь явно трэфным мясом, как мои книги, то, пожалуйста, напишите мне и сим обяжете.

На днях вышлю Вам новую мою книгу «10 л. с.». Это не роман, а хроника нашего времени, история ситроеновского автомобиля¹⁵. Заводы, каучуковые плантации, борьба за нефть, биржа и пр. Уж очень надоело писать романы!

Что Вы-то подделываете, как живете, что пишете и над чем грустите? Этим летом я видел Якобсона и он снова восторгался Вашими переводами: конгениально!

Я был на севере — в Лапландии, очень мне там понравилось и не хотелось возвращаться, не говоря уже о лопарях и полночном солнце, помпите шведский ресторан в Париже, так это жалкая имитация!..

Не собираетесь ли в Париж?

Пожалуйста, кланяйтесь жене и всем общим друзьям.

Сердечно Ваш

Илья Эренбург

92/9¹⁶

8 октября

Дорогой Тувим,

письму Вашему очень, очень обрадовался! Еще больше Вашим словам о Париже. Вот-то выпьем и поговорим! С лодзинской премией поздравляю от всего сердца¹⁷. Раз Вы читали мою статью о Лодзи, Вы поймете, как я сей город чту. Чудный город, куда лучше Варшавы и Кракова. Его только трудно вынести в порядке душевного кислорода, но для поэтического самоистязания это клад. Я рад, что мои польские очерки <...> не рассердили Вас. Я наверное во многом ошибаюсь, да как и может быть иначе, я ведь у вас только турист, но статьи эти были искренни и отнюдь не традиционно враждебны. Статьи вообще тяжкое дело¹⁸. Я завидую Вам — Вы пишете стихи. Вас должны любить и девушки и даже лодзинские трубы. Я хотел бы написать сейчас психологический роман о возрасте (мне скоро 38). Эпиграф из Шамфора «в жизни каждого человека наступает возраст, когда сердце либо делается бронзовым, либо разбивается». Верьте мне, эти слова и этот закон минуют поэтов. Я Вас больше чем с лодзинской наградой поздравляю с Вашей неизменной молодостью!

Напишите Якобсону — он с большой нежностью говорил о Вас. Вот его адрес: Прага, Belskeho, 16.

Обнимаю.

Ваш И. Эренбург

Не забывайте!

¹⁴ «Заговор равных» написан в начале 1928 г. Польский перевод книги (1936) не отмечен в комментариях к 9-томному «Собранию сочинений» Эренбурга (т. 3, стр. 499)

¹⁵ «10 л. с.» — первая книга «Хроники наших дней», написана в 1928 г.

¹⁶ Цифры относятся, видимо, к дате письма. Оно было написано до октября 1929 г.

¹⁷ Лодзинскую премию Тувим получил в 1928 г. за литературную деятельность.

¹⁸ Эренбург был в Польше (Варшаве, Кракове, Лодзи) в 1927 г. Его впечатления от поездки запечатлены в книге очерков «Виза времени», которая, по мнению польского исследователя Я. Урбаньской, повлияла «на ослабление проэренбургских симпатий в Польше» (J. U r b a Ń s k a. Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1918—1932. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 39).

Дорогой Тувим,

спасибо от меня за издателя, от моего хунда за поцелуй. Книга «10 лошадиных сил» только что вышла и я пошлю ее Вам в ближайшие дни¹⁹. Я не могу написать Штейнбергу по той простой причине, что я не знаю адреса этого чудного человека, с которым мы так нежно пили водку в «Бристоле». Сообщите мне пожалуйста, сей адрес или же попросите Штейнберга прямо мне написать. Я предлагаю ему две книги: «10 л. с.» и «Заговор равных». Последнюю он наверное знает.

[Живу я] туманно и говоря по местному мэрдовато. Был как-то [в но]чном кабаке и, выпив снапса, вспомнил наше апремади. [Дава]йте-ка, Тувим, сюда, культурой и прочим соблазнять не [буду]²⁰. Это дело спорное, ну, конечно, тур д'эйфель, валери и так далее, но выпьем мы с Вами и, выпив, потолкуем.

17 X

Обнимаю
Илья Эренбург

22 апреля²¹

Дорогой Тувим,

давно о Вас ничего не слышал. Знаю только, что Вы живы-здоровы и в Варшаве. Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас. Может быть, Вы слышали, что я был осенью в России? Когда ехал в Москву, проехал через Варшаву, но рано утром и не мог даже попытаться позвонить Вам.

У меня к Вам такая просьба. Я написал роман о нашей молодежи — результат моей поездки. К этому роману я отношусь с большой заботой, так как это, кажется, моя «основная» вещь²². Очень хочу, чтобы он вышел и возможно скорей в переводах. Я посылаю Вам гранки романа, чтобы Вы его прочли и если согласны со мной в его оценке, предложили бы его какому-н[ибудь] польскому издательству. В «Рой» я не пишу — так как они ничего не издают моего, только пишут, что покупают, мол, а потом ни слуху — ни духу.

Если удастся Вам пристроить мой роман, прошу Вас также позаботиться о качестве перевода: для такой книги это вопрос существенный.

Немецкие события отразились сильно и на моем существовании. Я лишился единственной верной опоры: все мои книги в Германии конфискованы и запрещены.

Очень буду рад, если вне зависимости от моей просьбы Вы напишете мне Ваше мнение о романе.

Напишите также, как Вы живете, что пишете и не думаете ли съездить на Запад?

¹⁹ Книга «10 лошадиных сил» была опубликована в журнале «Красная Новь» (1929. № 9—10).

²⁰ Это письмо — одно из тех документов тувимовского архива, которые особенно пострадали во время войны. В скобки взяты те фрагменты письма, которые трудно прочтываются, слова в этих случаях даются предположительно.

²¹ На конверте этого письма стоят две даты, написанные рукой Тувима: «Odrow 29 I 33» и «25 V 33», означающие, должно быть, датировку его ответов Эренбургу.

²² Это и последующие письма Эренбурга — два к Тувиму и одно к Броневскому — связаны с книгой «День второй». Написаны они в 1933 г. из Парижа. Известно, что книга «День второй» была воспринята критикой 30-х годов — советской и польской — как свидетельство «перелома» в творчестве писателя, начала нового этапа в его идейно-художественной эволюции. По мнению современных исследователей, она была «первой книгой, вобравшей в себя материалы и впечатления советской действительности», в которой «богатый опыт наблюдательного очеркиста сочетается с психологической разработкой характеров» («История русской советской литературы», т. IV. М., 1974, стр. 276, 277)!

Гранки, которые я Вам посылаю, не исправлены: это только чтобы прочесть роман. Для перевода я пришлю книгу.

Сердечно Ваш
Илья Эренбург

29 мая

Дорогой Тувим,

спасибо за письмо. То, что Вы пишете о польских издателях, очень грустно. Но я Вас прошу все же поговорить с оными. Давно мои книги не выходили в Польше. «День второй» я сам ценю и очень хотел бы, чтобы его перевели. Я соглашусь даже на самые скромные условия, поскольку речь идет об этой книге.

О Гитлере и К^о вряд ли стоит долго говорить. Это те явления, которые менее всего допускают обсуждения. Настроен я очень мрачно и кажется не без оснований. Я посылаю Вам две статьи, которые я напечатал о Гитлере и Розенберге. Если найдете нужным, можете их использовать для польской печати. Статьи, пожалуйста, верните мне, так как у меня нет других копий²³.

Не хворайте! Пусть Вас оживят стихи Державина и Пастернака!²⁴

Обнимаю Вас

Илья Эренбург

Эренбург виделся с Тувимом, как он сам об этом вспоминает, в 1940 г. в Париже, где поэт посетил его, больного, перед своим отъездом в Америку. Вспоминая военные годы, Эренбург писал, что в трудную осень 1941 г. Тувим прислал ему из Нью-Йорка телеграмму, в которой «говорил о дружбе, о любви, о вере. (Ничего у меня не сохранилось, кроме нескольких записных книжек, и я не помню текста телеграммы)²⁵. Это оказалось не совсем так. И телеграмма Тувима, и ответ Президиума Союза советских писателей и Эренбурга сохранились в материалах ЦГАЛИ²⁶. После войны писатели встретились в 1946 г. в Америке, когда Тувим уже собирался на родину. В дальнейшем Тувим и Эренбург неоднократно встречались в Варшаве и один раз в Москве. Переписывались они после войны редко, главным образом обменивались телеграммами. В одной из них возникает «пушкинский мотив»: в пушкинских местах, будучи в Кишиневе, Эренбург написал Тувиму, что вспоминает его и сожалеет о его отсутствии.

Дружбой и перепиской И. Эренбург был связан не только с Тувимом, но и с Владиславом Броневским. Творческие судьбы этих двух писателей «переплелись» уже в 1924 г., когда в пролетарском общественно-литературном журнале «Нова Култура» Броневский опубликовал свои переводы произведений Эренбурга: «Веселый финиш», «Религия» (из «Облика войны») и «Розовый домик»²⁷. В 1932 г. Броневский перевел роман «10 лошадиных сил», который был выпущен издательством «Руй» в 1933 г.

²³ Эти статьи в польской печати тех лет не были опубликованы. Не исключено, что Тувим их использовал при подготовке ответов на анкету «Вядомосци Литерацких» в 1933 г.

²⁴ Возможно, именно в это время Тувим работал над переводами из этих поэтов. Во всяком случае его переводы четырех стихотворений Б. Пастернака были опубликованы в октябре — декабре 1933 г. в «Вядомосцях Литерацких».

²⁵ И. Эренбург. Там же, стр. 421.

²⁶ См. Т. Агапкина. Польская литература о второй мировой войне в русских переводах и литературной критике. В кн. «Literatury słowianskie o drugiej wojnie światowej», t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1973, s. 18.

²⁷ «Nowa Kultura», 1924, № 20, 21, 37. Перевод подписан криптонимом «b».

Публикуемое письмо Эренбурга хранится в архиве Дома-музея поэта в Варшаве. Как и письма к Тувиму, оно написано на машинке и только подпись сделана от руки. На парижском штампе на конверте четко видна дата: 6 VII 33.

Дорогой Броневский,

Тувим мне пишет, что я должен Вам сообщить мой ответ касательно перевода на польский язык романа «День второй». Я согласен его дать на условиях, которые приводит Тувим, а именно 1500 франков за тираж в 2000 экз. и за право напечатания перевода в журнале. Эти полторы тысячи франков Кистер должен мне выслать с соответствующим письмом²⁸.

Я очень-очень рад, что перевод книги будете делать Вы и считаю это не только удачей, но и честью. Признаюсь, что я сам, не в пример многим другим моим книгам люблю «День второй» и мысль, что именно эту книгу переведет на один из иностранных языков не ремесленник, но поэт, меня бесконечно радует.

Если у Вас будут какие-либо сомнения при переводе (советские неологизмы, технические обороты, опечатки и пр.) напишите — я дам все разъяснения²⁹.

Действительно ли вышла по-польски моя книга «Фабрика снов»?³⁰ Если вышла, скажите, пожалуйста, Кистеру, чтобы он ее мне прислал и наконец откликнулся бы — на письма сей муж вообще не отвечает. Жду ответа, шлю сердечный привет — помню наши варшавские встречи!

Ваш Илья Эренбург

И в дальнейшем контакты Эренбурга и Броневского, хоть и были редкими, не прерывались. Фамилия Эренбурга стоит на телеграмме из Парижа, приглашающей Броневского на Международный конгресс писателей в защиту культуры³¹. В годы войны Эренбург виделся с Броневским в Москве и подарил ему свою книгу «Верность (Испания. Париж)», (Стихи, М., 1941) с дарственной надписью: «Броневскому дружески. Илья Эренбург. 1941, Москва». И еще две послевоенные книги Эренбурга сохранились в библиотеке Броневского в Варшаве. Одна из них — «Дерево» (Стихи 1938—1945 гг., М., 1946) — была, видимо, подарена им Броневскому во время пребывания на Варшавском конгрессе сторонников мира в 1947 г. с надписью: «Броневскому от всей души. Илья Эренбург. Варшава. 1947». И, наконец, еще одна книга Эренбурга — «За мир!» (М., 1950) с автографом: «В. Броневскому — очень старому другу. И. Эренбург. 1951».

²⁸ Кистер — один из владельцев и руководителей издательства «Руй».

²⁹ Книгу «День второй» переводил не Броневский, а другой польский литератор — А. Ват. Вышла она в издательстве «Руй» в 1935 г. (фактически в конце 1934), однако тираж ее был почти вдвое меньше условленного — 1100 экз. Большую статью посвятил ей тонкий и проникновенный рецензент русской и советской литературы писатель Т. Парицкий («Wiadomości Literackie», 1935, № 6).

³⁰ «Фабрика снов» вышла в переводе А. Вага в 1933 г. в издательстве «Руй».

³¹ См. Т. А г а п к и н а. Переписка польских и советских писателей, стр. 99.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МОНОГРАФИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ЗАКОНЕ В БОЛГАРИИ 1924—1934 гг.

Анализ и характеристика Закона о защите государства (ЗЗД) являются предметом исследования Ф. Милковой¹. Эта работа, написанная юристом, представляет несомненный интерес для историка, поскольку автор сделала попытку на примере болгарского Закона о защите государства наглядно показать, в результате чего и каким образом сама буржуазия поправа основы буржуазно-демократической законности.

Рецензируемая книга включает в себя введение, три главы и резюме на английском языке.

В первой главе — «Разработка и характер Закона о защите государства (ЗЗД)» (стр. 7—47), характеризую ЗЗД как типичный террористический закон фашистского типа, автор подчеркивает, что первый проект этого закона был разработан еще до Сентябрьского восстания. Тем самым, отмечается в книге, несостоятельными оказываются утверждения, что ЗЗД явился якобы вынужденной мерой правительства в ответ на Сентябрьское восстание (стр. 8—9, 12).

Анализ принятого правительственным большинством парламента в январе 1924 г. Закона о защите государства позволил автору установить следующую систему зафиксированных в нем политических преступлений (стр. 17): 1) создание запрещенных коммунистических организаций или участие в них; 2) вооруженная борьба; 3) преступления, совершенные против вооруженных сил государства; 4) идеологическая борьба; 5) связи с международным коммунистическим движением; 6) содействие революционной борьбе; 7) преступления, совершенные в корыстных целях во время революционных выступлений (этот пункт, отмечает автор, направлен не против революционеров, чуждых подобным поступкам, а против мародеров и спекулянтов (стр.

27), а кроме того, подобными статьями ЗЗД реакция стремилась скомпрометировать революционное движение). Самые суровые меры наказания законодатели определили организаторам и участникам «мятежей, бунтов и террористических действий», и это неудивительно, — пишет Ф. Милкова, — поскольку вооруженные формы борьбы «представляют собой высшее проявление классовой борьбы и потому являются самыми опасными для фашистской диктатуры» (стр. 19).

Как представленный в работе Ф. Милковой анализ политических преступлений, так и предусмотренные законом наказания за них приводят читателя к выводу, что ЗЗД был задуман болгарской реакционной буржуазией в момент острейшего политического кризиса буржуазного государства как одна из мер, направленных на выход из этого кризиса посредством разгрома коммунистического и революционного движения в Болгарии в послеиюньский и в особенности послесентябрьский периоды и полного его уничтожения в перспективе. ЗЗД должен был изолировать болгарскую компартию от международного коммунистического и рабочего движения, парализовать внутри страны деятельность компартии в массах, оградить трудящихся, а также армию и полицию от влияния революционных идей. Совершенно справедливо автор работы разоблачает тщетные старания реакционных законодателей обосновать конституционный характер ЗЗД (стр. 13, 51).

В этой связи хотелось бы отметить псевдоконституционный характер фашизма в Болгарии, своеобразие его становления и существования, проявляющееся не столько в области присущей фашизму демагогии, рассчитанной на одурманивание широких народных масс, сколько в тактике болгарских фашиствующих сил, направленной на привлечение к себе нефашистских партий и консолидацию всех антикоммунистических сил, т. е. на создание фашистской диктатуре как можно более широкой социальной базы. И поскольку в середине 20-х

¹ Фаи Милкова. Реакционный Закон за защита на държавата като изключителен наказателен закон в България през периода 1924—1934. София, 1973, 138 стр.

годов как для фашистской, так и для нефашистской буржуазии главная опасность исходила со стороны революционного, коммунистического движения, между ними произошло блокирование, осуществившееся на следующей основе: фашистские силы в вопросе о конституции уступили либеральным партиям, а последние согласились на доминирующее положение первых в политическом руководстве страной. В этом состояла слабость фашизма в Болгарии, который мог рассчитывать удержаться у власти если не без поддержки, то по крайней мере при отсутствии активного сопротивления нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий. Успех спекулятивных махинаций фашистских сил вокруг конституции во время разработки и принятия в 1923—1925 гг. ЗЗД и неудача деятелей военного союза и «Звена» установить фашизм в 1934 г. путем отмены конституции, что встретило сопротивление либеральной буржуазии, указали фашистской буржуазии путь создания своей диктатуры — псевдоконституционный монархофашизм. Так прослеживаются методы и пути становления фашистской диктатуры в Болгарии: на первом этапе — 1923—1931 гг. — фашистская буржуазия в союзе с либеральной справилась с революционным подъемом, не прибегая формально к отмене конституции, а после ряда перегруппировок своих сил в первой половине 30-х годов опять же по испытанному конституционным рецептам она объявила вне закона уже все нефашистские партии. Из этого вовсе не следует, что подобный, так сказать, перспективный план был разработан фашистской буржуазией еще в начале 20-х годов и претворялся ею на протяжении всех последующих 15 лет. В 1938 г. приверженец монархофашизма, а до этого — член фашистского цанковского НСД Н. Тыркаланов безусловно откровенно говорил, что первая попытка установить фашизм была сделана 9 июня 1923 г., когда фашиствующие буржуазные круги, по его образному выражению, «захотели построить дом, собрав... сломанные доски; часть от этой партии пришли к той, и хотели так, этими неочищенными от старого кирпичами, возвести новую постройку»². Этими словами фашистский

депутат высказал сокровенные планы реакции в 1923 г. — построить «новое», т. е. фашизм с помощью всех буржуазных и мелкобуржуазных партий.

В этой связи безусловно представлял бы интерес сравнительный анализ ЗЗД с подобным законодательством других капиталистических стран. Характеризуя этот закон как фашистский, Ф. Милкова отмечает, что создание ЗЗД является «общей для всех империалистических и фашистских стран особенностью» в межвоенную эпоху революционного подъема масс (стр. 14). Одной лишь констатации, верной самой по себе, этого факта, думается, недостаточно для юридического исследования фашистского закона. Бесспорно, работа только бы выиграла, если бы автор проделала такой анализ реакционных законодательств, и, тем самым, выявила бы их взаимосвязь. На стр. 58, 64 автор лишь касается вопроса о заимствованиях, в результате чего этот вопрос остается открытым.

Во второй главе книги выясняются причины создания и характер новых положений ЗЗД, принятых парламентом весной 1925 г. Суровые санкции принятого в январе 1924 г. ЗЗД, отмечается в работе, не принесли реакции ожидаемого эффекта: коммунистическое движение и революционная борьба не только не были ликвидированы, но, наоборот, приняв новую форму, увеличили свой размах (стр. 49, 50). В этих условиях сначала в марте, а затем в апреле 1925 г. в ЗЗД вносятся изменения и дополнения в духе усиления санкций за политические действия со стороны коммунистов и антифашистов: расширено применение смертной казни, увеличены сроки тюремного заключения и денежные штрафы, упрощена процедура вынесения приговора и его приведения в исполнение (стр. 53—54, 75 и сл.).

Наконец, в последней главе на многочисленных примерах показывается «узаконенный» произвол и насилие властей и борьба антифашистских сил, возглавляемых БКП, за амнистию политических заключенных и отмену ЗЗД.

В конце книги автор сообщает, что вопросу об изменениях ЗЗД в 1934—1944 гг. будет посвящена ее новая работа.

В. Кадацкий

² «Стенографски дневници на XXIV-го Обикновено Народно събрание. Първа

из вънредна сесия». София, 1938, стр. 368.

K. HERMAN, ZD. SLÁDEK. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971, 90 s. (Rozpravy ČSAV)

К. ГЕРМАН, ЗД. СЛАДЕК. Славянская политика Карла Крамаржа

Карл Крамарж, крупный предприниматель и видный чешский буржуазный политик и идеолог, чья многолетняя деятельность была тесно связана с правыми, консервативными, а с 1918 г. — реакционными и резко антисоветскими группировками чешского буржуазного политического лагеря.

Чехословацкая буржуазная публицистика и историография уделяла Крамаржу значительное внимание, что являлось следствием в меньшей степени интереса к нему лично и к его политической деятельности, а в большей — отражением борьбы (политической и концепционной) различных буржуазных группировок в домохенской Чехословакии. Крамарж и его Национально-демократическая партия противостояли более значительному и сильному крылу чешской буржуазии, так называемой группе Града, во главе которой стояли Т. Масарик и Э. Бенеш, политические соперники Крамаржа.

В буржуазной литературе были представлены разные идейно-политические позиции, от апологетического прославления Крамаржа до резких нападок на него.

В социалистической Чехословакии историческая наука, много внимания уделяя критике идеологических концепций и политической деятельности Масарика, разоблачению созданной буржуазной историографией легенды «об основателе государства» не проходила и мимо Крамаржа, в частности в обобщающих трудах, правильно оценивая его политические акции, как реакционные и антисоветские. Однако в ней почти не было специальных работ, посвященных исследованию политической деятельности К. Крамаржа. Исключение составляет большая и очень интересная статья З. Неэдлы¹.

Ценность рецензируемой книги в значительной степени определяется привлечением большого архивного материала, хранящегося в Чехословакии (фонд Крамаржа в Архиве Национального музея в Праге, Архив канцелярии президента республики, Государственный центральный архив и др.). Авторы рассматривают лишь одну сторону политико-идеологической деятельности Крамаржа, правда, очень интересную и важную — его концепцию так называемой славянской политики, которая была существенной частью его политической концепции в целом.

Славянская политика Крамаржа прослеживается в тесной связи с его социально-политическими воззрениями, авторы вскрывают ее классовый характер, отвечающий интересам определенных слоев чешской крупной буржуазии. Те или иные повороты этой политики они связывают с изменениями социально-политического характера, хотя Крамарж (как справедливо указывают авторы) в течение всей своей жизни в самом главном оставался верен основам той концепции, которую выработал еще в начале века.

Авторы подчеркивают биографический характер своего исследования, указывая, что события, факты, люди освещаются очень скупо, являясь лишь фоном при изложении деятельности Крамаржа. Вероятно это оправдано. Однако следует отметить, что, если во втором разделе пропорции в этом плане соблюдены правильно, то в первом Крамарж, на наш взгляд, оказался оторванным от важнейших национально-политических течений Чехии того времени, что привело к преувеличению его политического веса.

Авторами изучена значительная литература, посвященная Крамаржу, вышедшая между двумя войнами, мемуары и пресса. К сожалению, очень жгато излагается и анализируется историография вопроса.

В первом разделе «Карл Крамарж и его концепция славянской политики перед войной (80-е годы — 1918 г.)»², автором которого является К. Герман, прослеживается становление и развитие славянской политики Крамаржа в период существования Австро-Венгерской монархии. Заслуживает внимания та глава этого раздела, которая посвящена неославизму, интересному явлению в истории межславянских буржуазных связей эпохи довоенного империализма, которому до сих пор историки Чехословакии уделяли мало внимания. К. Герман, и ранее занимавшийся этими вопросами, дает глубокий анализ классовых и социальных корней неославизма, глашатаем которого в Чехии и Австро-Венгрии стал Крамарж. Вместе с тем хотелось бы, чтобы автор дал более развернутую и четкую характеристику социально-политических взглядов Крамаржа, консервативного политика откровенно правого толка. У автора же получается, будто зачастую Крамарж лишь для осуществления своих планов шел на соглашение с крайними политическими группировками, вынужденный уступать их давлению (стр. 37).

² Название раздела несколько противоречит хронологическим рамкам.

¹ Z. Nejedlý. K. Kramář. Rozbor politického zjevu. В кн.: Z. Nejedlý. O lidovou republiku, d. 1. Praha, 1948, s. 313—381.

Основная идея концепции славянской политики Крамаржа — союз Габсбургской монархии с русским царизмом, как наиболее эффективное политическое средство для противодействия германской экспансии, которая, как подчеркивает Крамарж, угрожала и всегда будет угрожать славянским народам — не был политически реален в те годы, когда в Европе завершался процесс складывания двух враждебных блоков. В этом плане концепция славянской политики Крамаржа была обречена на неудачу. Думается, что при анализе причины неуспеха неославистского движения автору следовало бы больше акцентировать внимание читателя на различии интересов, а зачастую и противоречий — экономических, политических и национальных — буржуазии различных славянских народов, что являлось характерной чертой буржуазных межславянских отношений.

Представляется также, что, указывая на то, что Крамарж уже в конце прошлого века первым из чешских политических деятелей стремился сделать чешский вопрос вопросом «международным» (стр. 20), автору не следовало бы упускать из виду, что этому способствовала не только личная активность Крамаржа, но прежде всего резко обострившийся внутриполитический кризис в Австро-Венгрии в то время, который привлек внимание к Чехии великих держав.

В работе, посвященной славянской политике, следовало бы уделить внимание самим терминам — панславизм, неославизм, пангерманизм, проанализировав их сущность, возникновение, эволюцию и т. п.

Второй раздел «Карл Крамарж и его концепция славянской политики после войны (1918—1937)» написан Эд. Сладком. Сладек документированно показывает, что после Великой Октябрьской социалистической революции К. Крамарж становится открытым, злобным врагом Советской власти. Антисоветизм становится определяющей линией в политических планах Крамаржа, основой основ его славянской концепции. Вместе с тем и после 1917 г., вплоть до своей смерти в мае 1937 г., Крамарж продолжал, как и в начале века, утверждать, что только в союзе с Россией славянские народы Европы могут не бояться за свое существование, которому всегда угрожает Германия. Однако это должен был быть не союз с новой, Советской Россией, а с Россией, в которой была бы восстановлена буржуазно-помещичья власть. Поэтому политика Крамаржа была политической борьбой с Республикой Советов, которая в первые годы нашла отражение в попытках втянуть Чехословакию в открытое участие в интервенции и гражданской войне в России, а затем выразилась в активной борьбе против признания СССР.

Основная посылка — с Россией, но не с Советской — делала славянскую концепцию Крамаржа апахронизмом, а его самого закономерно привела в лагерь самой крайней реакции. Эта политическая классовая ограниченность и близорукость способствовала падению его влияния не только среди широких слоев чехословацкой буржуазии, постепенно вставшей на более реалистические позиции в оценке складывающейся внутриполитической и международной обстановки, но и в самой партии Крамаржа — Национально-демократической. Слепая ненависть Крамаржа к СССР закономерно сделала его в конце жизни инициатором попыток осуществления планов союза с тоталитарными фашистскими режимами, сначала с итальянским, а затем и с гитлеровским, с целью переклечения их агрессии на Восток, против СССР. Сладек подробно раскрывает антисоветскую сущность политики Крамаржа, которая в определенных периоды безусловно оказывала существенное влияние на политическую линию чехословацкого правительства.

Очень важно и интересно, что Сладек излагает политику Крамаржа в тесной связи и в сравнении с политикой Масарика, Бенеша и группы Града, политическими соперниками которых были Крамарж и поддерживающие его группировки. В этом плане особенно интересна его полемика с Э. Бенешем (стр. 63, 68, 71 и др.) и позиция на Парижской мирной конференции (стр. 54—55).

Говоря о политических акциях Крамаржа в связи с Парижской мирной конференцией, его стремлении во чтобы то ни стало втянуть Чехословакию в открытое участие в антисоветской вооруженной интервенции, о поездке Крамаржа в Россию и его контактах с Деникиным, автор четко и правильно оценивает контрреволюционный и антисоветский политический смысл этих действий. Тем более неожиданным и вызывающим недоумение является его заключение (стр. 58) о том, что хотя политические акции Крамаржа в борьбе с новой Россией и не следует считать какими-то «титаническими действиями против поступи истории», однако-де «деятельность Крамаржа (в России. — Н. Р.) достойна уважения за энергию, изобретательность и политическую ловкость, в ней содержащуюся». В политике Крамаржа, как это наглядно показал сам Эд. Сладек, преобладали консерватизм, упрямая прямолинейность, ограниченность и близорукость, обусловленная классовыми шорами. Вряд ли эти качества реакционного политика можно считать достойными уважения.

Сладек правильно подчеркивает, что Крамарж объединял самые националистические и правые силы своей страны. На страницах этой книги было бы ин-

интересно проследить взгляды Крамаржа на национальный вопрос в целом. Ведь именно тогда национальные отношения, все более и более обостряясь, становились предметом внимания и беспокойства общественно-политических деятелей разных направлений. Следовало бы подробнее остановиться на отношении Крамаржа к положению национальных меньшинств в самой Чехословакии. Сладек же

ограничивается замечанием, что политика Крамаржа в отношении национальных меньшинств лишь обостряла национальные противоречия (стр. 81). В работе встречаются неудачные формулировки (стр. 50 и др.).

Приведенные замечания не умаляют научной значимости рецензируемой монографии.

Н. Ратнер

А. М. ОРЕХОВ. *Социал-демократическое движение в России и польские революционеры*. М., 1973, 304 стр.

В последние годы проблема русско-польских революционных связей привлекает большое внимание как советских исследователей, так и их коллег в Польской Народной Республике. Однако далеко не все этапы их развития изучены достаточно полно, в частности, проблематика конца 80-х — начала 90-х годов. В выпущенной недавно в ПНР монографии Э. Лукавского рассматривается лишь одна сторона русско-польских революционных связей этого периода — участие поляков в русских марксистских кружках и использование опыта польского рабочего движения русскими социал-демократами¹.

Иначе подошел к этой проблеме автор рецензируемой книги. А. М. Орехов освещает как участие поляков в русских социал-демократических организациях (петербургский Рабочий союз, революционные кружки в Москве), так и деятельность русских социал-демократических групп в Польше (варшавская социал-демократическая группа С. С. Иванецкого — И. М. Пескина). Большое внимание при этом уделяется анализу политической ситуации в России и Польше в 80—90-е годы, положению в польском революционном социалистическом движении и отношении польских социалистов к русскому революционному движению. Такой комплексный подход к изучаемой проблеме позволил автору всесторонне проследить как складывалось сотрудничество польских и русских революционеров в борьбе за общие идеалы, что их объединяло на этом пути, какие трудности пришлось преодолеть.

Автор изучил широкий круг источников, извлеченных как из советских, так и польских архивов и книгохранилищ, не только центральных (Москва, Ленинград, Варшава), но и местных (Краков, Вроцлав, Люблин, Лодзь, Белосток). В научный оборот введено много новых,

ранее не изученных документов, в первую очередь материалы дознаний по делу московской революционной группы Кашинского — Бруснева — Егупова, о группе Л. Кульчицкого (Второй «Пролетарпат»), Союзе польских рабочих и др.

Хронологические рамки исследования (1887—1893 гг.) определяются, с одной стороны, временем оживления работы тайных польских кружков после краткого затишья, вызванного разгромом партии «Пролетариат» Л. Варынского, с другой стороны, временем образования ППС и СДКП. Исследование польско-русских революционных связей в этот период дает возможность проследить за оформлением двух политических концепций по отношению к России и русскому революционному движению — националистической концепции правого крыла ППС и интернационалистской СДКП. Эта проблема уже не раз освещалась в работах советских и польских историков, особенно в статьях Я. Канцевича, но возвращение к ней на страницах книги А. М. Орехова было необходимо для того, чтобы ввести читателя в круг вопросов, которые и в последующем были предметом острой полемики между группами польских социалистов и определяли их отношение к сотрудничеству с русским революционным движением. Автор приходит к выводу, что первое поколение русских и польских социал-демократов, вырабатывая свои политические концепции, не дало развернутого толкования национального вопроса. Позиция польских социал-демократов, которые считали, что социальная революция решит национальные проблемы как побочные и второстепенные по сравнению с делом социального освобождения трудящихся масс, пишет А. М. Орехов, не позволила использовать дополнительные резервы для привлечения широких масс на сторону революции. Хотя перед русским революционным движением проблемы борьбы за национальную независимость не возникало, но, как показывает автор, народовольцы безоговорочно признавали право польского народа на независимость, а первые русские марксисты

¹ Z. Ł u k a w s k i. Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893. Kraków, 1970. Рецензию А. М. Орехова на эту книгу см. «Советское славяноведение», 1972, № 1.

(Г. В. Плеханов и др.), не выработав еще программы по национальному вопросу, были сторонниками национально-освободительного движения угнетенных народов России, в том числе и польского.

Особенно удачной представляется третья глава исследования, посвященная участию польских революционеров в создании петербургского Рабочего союза (группа Бруснева). Привлекая новые источники, А. М. Орехов вносит ряд существенных дополнений и изменений в сложившееся в научной литературе представление как о хронологических рамках существования этой группы, так и о ее деятельности. В книге убедительно доказывается, что началом ее существования следует считать не 1889 г., а 1887 г., когда в Петербурге возник социал-демократический кружок Г. В. Петровского, Г. Родзевича и др., в который позднее, уже в 1889 г., как в сложившийся и активно проявивший себя марксистский центр, вошел М. И. Бруснев.

Уточнена и дата прекращения деятельности брусневской группы. Как доказывает А. М. Орехов, усилиями С. И. Радченко, Н. О. Аллюшкевича и др. удалось продлить жизнь Рабочего союза после арестов летом 1892 г. до июня 1893 г.

На основании новых документов и материалов автору удалось показать, что участие польских революционеров в деятельности группы Бруснева было значительно более широким, чем это считалось ранее, но вместе с тем в нем не было «польской специфики» — независимо от национальной принадлежности члены кружка трудились над общим делом — пробуждением классового сознания русского пролетариата.

Нельзя не отметить строго научный подход А. М. Орехова к оценке идеологического уровня брусневской группы. Автор подчеркивает, что в эпоху мучительных идейных исканий, когда социал-демократия только вставала на ноги, еще не могло быть выработано четкого марксистского мировоззрения.

В рецензируемой книге тщательно прослеживаются русско-польские связи не только в Петербурге, но и в других ре-

волюционных центрах, участие поляков в студенческом движении в Москве, деятельность в Москве польского землячества, конспиративные связи между кружками Москвы и Варшавы, пути проникновения польской социалистической литературы в Москву.

Автору удалось реконструировать состав, идеологический облик и деятельность существовавшей в Варшаве в 1891—1893 гг. социал-демократической группы, во главе которой стояли С. С. Иваницкий и И. М. Пескин, доказать, что именно через эту группу осуществлял конспиративные связи с московскими революционными кругами Союз польских рабочих.

Таким образом, в книге А. М. Орехова достаточно глубоко и всесторонне раскрываются практические связи между русскими и польскими революционерами, личные контакты и контакты тайных организаций, которые осуществлялись на принципах пролетарского интернационализма и способствовали взаимному обогащению русской и польской марксистской мысли.

Работа А. М. Орехова может послужить отправной точкой для более широкого исследования идейных связей между польским и русским революционным движением этого периода, анализа дискуссий по таким кардинальным вопросам, как вопрос о независимости Польши между Плехановым и польскими социалистами и т. п. Кроме того, как мне кажется, дальнейшее изучение польско-русских революционных связей, особенно начала 90-х годов, позволит показать, как через польское рабочее социалистическое движение рабочее движение в России воспринимало идейный и практический опыт самого передового в то время немецкого рабочего движения (об этом в работе А. М. Орехова упоминается лишь в связи с вопросом о нелегальных стачечных кассах).

Нельзя не выразить сожаления, что в книге отсутствуют именней указатель и библиография.

С. М. Стецкевич

ZBIGNIEW CHODYŁA. *Pożyczka narodowa w powstaniu styczniowym*. Monografie Muzeum Narodowego w Poznaniu, t. VII. Poznań, 1972, 58 s., 26 tabl., il.

ЗБИГНЕВ ХОДЫЛА. *Национальный заем в январском восстании*

Финансовая политика руководства восстанием 1863 г. — один из наименее освещенных аспектов его деятельности. Рецензируемая работа посвящена исследованию частного вопроса этой политики — реализации национального займа.

Введенный декретом Национального правительства от 5 июля 1863 г. на сум-

му 21 млн злотых заем должен был быть распространен среди «состоятельных капиталистов края» в принудительном порядке. Обеспечением его являлись экспроприированные повстанцами (в конце мая 1863 г.) из Главной кассы Царства Польского ценные бумаги («Заставные листы») примерно на эту же сумму.

10 октября 1863 г. сумма займа была увеличена до 40 млн злотых с одновременным переходом на всеобщую и добровольную подписку.

Привлекая многочисленные документы, как опубликованные в различных изданиях, так и неопубликованные (из собрания Библиотеки в Курнике), воспоминания и показания повстанческих деятелей, а также облигации и квитанции из собраний и музеев Польши, автор воссоздает историю введения и дальнейшей модификации национального займа, обращая внимание и на пред историю его в период, предшествующий декрету от 5 июля. Особенный интерес вызывает описываемая им попытка Национального правительства привлечь к участию в национальном займе наименее состоятельные слои населения. С этой целью 15 декабря 1863 г. Национальное правительство издало декрет о выпуске на сумму 10 млн злотых облигаций национального займа достоинством 40 и 20 злотых. До того облигации были достоинством не менее 100 злотых, сумма, которую не все могли заплатить сразу.

Любопытное намерение распространить национальный заем и за границей, причем не только среди польской эмиграции. Приводимые автором (стр. 40, 55; табл. 26) облигации достоинством 100 злотых с текстом на английском языке явно предназначались для распространения в Англии. Обращает внимание стоимость облигации — в пересчете, соответственно, на английскую валюту — 2 фунта 10 шиллингов, сумма не такая уж маленькая, если учесть, что, скажем, профессор Оксфорда зарабатывал в месяц (в эти годы) около 20 фунтов. Надо полагать, что расчет был на состоятельных лиц, сочувственно относящихся к повстанцам.

В рецензируемой работе впервые сведения воедино все данные, касающиеся облигаций и временных квитанций национального займа, как опубликованных в различных изданиях, так и хранящихся в музеях и собраниях Польши и, отчасти, Франции. В каталог (стр. 49—56) включено 100 облигаций и 240 квитанций с подробными их описаниями. К сожалению, автор не учел экземпляры, находящиеся в архивах и музеях Советского Союза, где они также широко представлены. Укажем хотя бы на 29 облигаций (номиналом в 100, 500 и 1000 злотых) из числа найденных в начале 1865 г. в Ленчицком уезде¹. К тому же, именно в советских хранилищах имеются две облигации (другие нам пока не известны), заверенные печатями местных повстанческих властей, т. е. несомненно реализованные на месте². Как явствует

из составленного Збигневом Ходылой каталога, в польских и французских собраниях подобных экземпляров не встречено. Однако даже в таком виде этот каталог, к тому же сопровождаемый четкими иллюстрациями, отражающими все виды облигаций и квитанций, представляет большую ценность, так как позволяет атрибутировать все экземпляры, разбросанные по различным хранилищам. Поэтому включение его в данную работу вполне оправданно. Более того, во всех подобных случаях, когда исследователь привлекает для обоснования своих выводов документальный материал, к тому же разбросанный по различным хранилищам и не доступный для совокупного обозрения, составление такого каталога нам представляется обязательным.

По существу рассматриваемого вопроса к автору есть два замечания.

Первое из них касается следующего заявления автора: «Отсутствие денежных средств сделало невозможной реализацию представленного Ярославом Домбровским на заседании Комитета плана овладения в июне 1862 г. Модлином и начала таким образом всеобщего восстания» (стр. 15). Поскольку автор, ограничившись только этим заявлением, не рассматривает всей ситуации, сложившейся вокруг плана Домбровского, и не дает даже ссылки на специальное исследование, создается впечатление, что финансовая сторона вопроса оказалась единственной причиной отказа от плана захвата Модлина. На самом деле основной причиной отказа от предложения Домбровского явилось сопротивление «белой» части руководства, приведшее к изменению состава Центрального национального комитета³. Поэтому, хотя отсутствие средств и сыграло значительную роль, но утверждать, что именно из-за этого не был реализован план захвата крепости Модлин по меньшей мере не правомерно.

Второе замечание относится к оценке автором результатов реализации национального займа. Не соглашаясь с наиболее часто приводимой в литературе цифрой — несколько более 8 млн злотых⁴, автор считает, что заем был реализован

³ И. С. Миллер. План Ярослава Домбровского (В кн. Дьяков В. А., Миллер И. С. Революционное движение в русской армии в восстание 1863 г. М., 1964, стр. 202—247).

⁴ Ссылка автора на работу проф. Кеневича (ссылка 158) не правомочна. На стр. 572 своей книги «Powstanie styczniowe» проф. Кеневич вообще не говорит о результатах реализации национального займа, а там, где касается этого вопроса (стр. 568—569), он отказывается от какой-либо даже приблизительной оценки полученных таким путем сумм, не находя для нее достаточно обоснования.

¹ ЦГАОР, ф. 547-и, оп. 1, д. 264, л. 105—133.

² ГИМ ОШ, ф. 461, св. 7; ГБЛ, ф. 324, д. 7.

на 13—15 млн золотых. Аргументация его сводится к единственной фразе, что эти подсчеты основаны на данных источников и суммировании стоимости реализованных облигаций всех видов, включенных в каталог. Представлялось бы более удачным, если бы автор несколько подробнее изложил ход своих расчетов.

В книге встречаются неточности в датах. Декрет о национальной подати был опубликован не в 1861 г. (стр. 15), а 18 октября 1862 г., а декрет о санкциях по отношению к лицам, отказывающимся принять участие в займе, был принят не в августе (стр. 21), а в июле 1863 г.

Ю. И. Штакельберг

НОВЫЙ ТРУД ПОЛЬСКИХ ФИЛОЛОГОВ

В последние годы в Польской Народной Республике ведется большая коллективная работа по изучению путей и перспектив межнациональных литературных связей.

Большие успехи достигнуты в изучении польско-русских культурных отношений, традиционных польско-русских и польско-советских контактов в области литературы. Среди исследований последних лет можно назвать монографию Б. Бялоковича «Из истории польско-русских литературных связей в XIX в.» (1971), сборник статей «О польско-русских литературных связях», изданный в 1969 г. Институтом литературных исследований и Секцией славяноведения Польской Академии наук, и много других работ.

Новая книга «По ту и эту сторону границы»¹ является продолжением этих исследований. В редакционном вступлении отмечается, что сборник, безусловно, не исчерпывает «богатой и все еще недостаточно изученной проблематики» (стр. 5). Авторы его не стремились создать целостную картину польско-русских литературных контактов в 1918—1939 гг. и разрешить все узловые вопросы, связанные с этой темой. Содержание сборника определили тип и круг исследований, которые ведутся в научных центрах Польши (а также отдельными литературоведами-русистами), и успешность этих исследований.

Сборник открывает статья М. Стемпея «Отклики на советские литературные программы в левой польской критике. 1918—1939 гг.». обстоятельно изучив литературно-критические программы Пролеткульта, ЛЕФа, Нового ЛЕФа, а также художественные произведения писателей, входящих в эти организации, польский исследователь подробно рассматривает, как на страницах польских левых и рабочих изданий в 20—30-х годах под воздействием манифестов русских литературных объединений тех лет в сложной дискуссионной атмосфере формировалась марксистская критика. М. Стемпея

отмечает три стадии в восприятии польской критикой 1918—1939 гг. различных течений в литературе и искусстве молодой Советской Республики. В первый период (начало 20-х годов), характеризовавшийся поисками путей к новой литературе и искусству, отображающим жизнь людей труда, в выступлениях польской левой критики чувствуется определенная связь с идеями Пролеткульта.

Следующий период приходится на вторую половину 20-х — начало 30-х годов, когда большую популярность приобретают документальные и художественно-документальные произведения. Влияние эстетических теорий ЛЕФа и Нового ЛЕФа становится заметным не только в среде левой критики, но и во всей польской литературе этих лет.

В третий период (30-е годы) внимание критики сосредоточено на проблемах социалистического реализма. Автор статьи указывает, что 1934 г. и Первый съезд советских писателей не только стал новым этапом в развитии советской литературы, но и оказал серьезное влияние на становление передовой критики в Польше. «Положения, выработанные Первым съездом советских писателей, — заключает исследователь, — совпали в Польше с атмосферой поисков верной формулы реализма, поэтому они были со вниманием встречены широкими литературными кругами» (стр. 40).

Статья привлекает удачным сопоставлением высказываний польских критиков и литературоведов межвоенного двадцатилетия с реальным положением дел в польской литературе, что, в свою очередь, помогает точнее раскрыть суть процессов, происходящих в литературе Польши 20—30-х годов. Несомненная заслуга автора статьи и в том, что на широком материале ему удалось воссоздать картину литературной борьбы 20-х годов в СССР и формирования эстетики социалистического реализма.

«Образ Польши и поляков в русской советской литературе. 1917—1939 гг.» — тема исследования известного польского русиста Э. Бараньского. В центр внимания автора попало творчество В. Маяковского, Д. Бедного, И. Бабеля, И. Эренбурга, Н. Островского, Л. Сейфуллиной, Н. Асеева, Н. Тихонова и И. Сельвин-

¹ «Po obu stronach granicy». Z powiązań kulturalnych polsko-radzieckich w XX-leciu międzywojennym. Pod red. B. Galstera i K. Sierockiej. Wrocław etc., «Osso-lineum», 1972, 445 s.

ского. З. Баранский пишет, «что 1917—1939 гг. были существенно новым этапом в развитии польской проблематики в русской литературе, этапом необыкновенно трудным и запутанным, обусловленным тогдашней сложной политической ситуацией» (стр. 52). В это время многие советские писатели в своих произведениях пытались дать анализ польских проблем в социальном аспекте, хотя, по мнению исследователя, «метод их рассмотрения не всегда был удовлетворительным» (стр. 52). Так, в поэзии В. Маяковского и Д. Бедного образы поляков и Польши, как полагает автор статьи, предстают в «пропагандистски упрощенном» виде (стр. 44), отмечается «упрощенное и схематично-иллюстративное» создание этих образов и в прозе Н. Островского (стр. 48). С подобными утверждениями трудно согласиться, поскольку, с точки зрения Баранского, сложное художественное переосмысление советскими писателями классовых проблем превращается в использование дурных беллетристических приемов литературы прошлого.

Польский исследователь иногда и сам не избегает схематизма, как, например, при анализе советского литературного репортажа. Избран интересную тему, автор не нашел к ней до конца правильного подхода. Метод перечисления фактов и расстановки их в угоду подчас предвзятым и устаревшим представлениям оказывается несостоятельным.

Другая статья З. Баранского, помещенная в сборнике, посвящена «Польским откликам на „Тихий Дон“ Шолохова». Здесь автор останавливается, в основном, на высказываниях критиков послевоенного времени (Я. Прегер, С. Жулковский, А. Ставар, Е. Ленарчик, Р. Пшибыльский, Р. Новаковский, А. Кивевский и др.). Автор рассматривает, как изменялась оценка польской критикой произведения Шолохова в разные периоды литературной жизни Польши. Он отмечает, что все, кто писал о «Тихом Доне», «внезменно подчеркивали богатство и актуальность его философской проблематики» (стр. 266). Особо важным этапом для реценции шолоховского романа в Польше стал 1956 г. В это время в польской литературе происходят серьезные перемены: её интересует не только классовая борьба и развитие нового общества, но и «трудные морально-эстетические и философские вопросы, связанные с положением человеческой личности в сложной действительности XX в.» (стр. 261). Философские проблемы, затронутые Шолоховым в его произведении, как никогда «гармонировали с распространенными тенденциями в современной польской прозе» (стр. 266). Именно в эти годы «Тихий Дон» приобрел для критиков «новый блеск» (стр. 266).

При знакомстве с этой статьей З. Баранского нельзя не заметить некоторых изъянов. Автор, увлекаясь отвлеченно-философскими рассуждениями, порой забывает об определенной социально-исторической основе тех или иных явлений и впадает в эмпиризм (см. анализ рассуждений Р. Пшибыльского в статье «Разрушение Итаки» и А. Кивевского в статье «„Тихий Дон“ много лет спустя»).

Я. Салайчик написала содержательный, богатый свежими наблюдениями и обобщениями очерк о восприятии прозы Леонида Леонова польской критикой в период 1924—1970 гг. Исследовательница отмечает, что в Польше «проза Леонида Леонова была принята доброжелательно, некоторые из его произведений сыскали себе оценку просто превосходных („Вор“, „Русский лес“, „Mrs. Evgenia Ivanovna“) — как с точки зрения важности поставленных проблем, так и в смысле художественных достоинств» (стр. 294). Однако критическая литература не всегда достаточно глубоко и продуманно отражала сложную философскую проблематику леоновских романов. Если она и обращала внимание на нее, то «подвергала либо превратной интерпретации (например, в период межвоенного двадцатилетия), либо схематично упрощению (середина 40-х годов)» (стр. 295). Это положение, как убедительно показывает критик, изменилось лишь в 50—60-е годы. Я. Салайчик выделяет те наблюдения польской критики, которые затрагивают проблему «Леонов и Достоевский». Жаль, однако, что в статье польского русиста не достаточно глубоко анализируются ошибочные суждения некоторых критиков во второй половине 50-х годов (см., например, мнения А. Кивевского и А. Мавдалиана о романе «Вор»).

В заключение Я. Салайчик указывает, что несмотря на достигнутые успехи, вопросы, связанные с анализом произведений Леонова, не разработаны до конца и подчеркивает необходимость дальнейших исследований творчества автора «Вора» и «Барсуков» (стр. 295).

Тема обширной статьи Ф. Неуважного — В. Маяковский в межвоенной Польше. В намерение автора входило освещение основных моментов в истории реценции советского поэта в указанный период, а также изучение основных переводов и критической литературы о нем. Ф. Неуважный прослеживает этапы знакомства с творчеством автора «Хорошо» поэтов разных направлений (футуристов, скамандритов) и поэтов левого, революционного крыла), показывает, как идеи и революционный дух его новаторской поэзии проникают в поэтическую практику В. Броневского, А. Воллицы, Л. Пастернака и Э. Шиманьского. Идеино и формально поэзия Маяковского воздействовала на сознание польских поэтов,

побуждала некоторых из них определить свое отношение к ней.

В статье указываются три основные формы поэтической реакции на стихи советского поэта: продолжение идейно-художественных исканий автора «Левого марша» (Б. Ясенский); восприятие и творческая разработка общих идейных и эстетических принципов его творчества (В. Броневский); сознательное неприятие художественных открытий Маяковского, но вместе с тем признание его блестящего таланта и творческое соревнование с ним (Ю. Тувим). Ф. Неуважный упоминает еще один вариант творческого отклика, который, по его мнению, «нужно списать на издержки поэзии» (стр. 254). — слепое, эпитонское подражание стихам Маяковского (позднейшее творчество С. Р. Станде).

Автор, правда, не всегда развивает и углубляет свои ценные, интересные наблюдения. Работу Неуважного можно расценивать, по-видимому, как своего рода введение в изучение проблем, связанных с восприятием творчества Маяковского в Польше, которые получают в дальнейшем глубокое и детальное освещение.

В обильной по материалу статье Ф. Селицкого «Рецепция Горького в межвоенной Польше» характеризуются отклики польской прессы на польские переводы произведений автора «Буревестника». В санационной Польше в этих откликах о Горьком преобладал скорее публицистический, чем литературно-критический элемент. Селицкий убедительно доказал, что в большинстве случаев отношение того или иного критика к горьковскому творчеству находилось в прямой зависимости от его позиции по отношению к пролетарской революции и молодому Советскому государству. В силу этого часть критиков «заглушала в себе впечатление от красоты произведений Горького» (стр. 215) и подходила к нему исключительно как к идейному оппоненту. Надлежащую оценку Горький-идеолог и писатель получил лишь в конце 30-х годов. Широта охвата литературных фактов, глубокий их анализ являются несомненными достоинствами этой статьи.

В новом сборнике польских русистов заслуживает внимания статья М. Равиньского «Правда революции у „арханстов“ и „новаторов“ (Размышление над „Словом о Якубе Шеле“ Бруно Ясенского)». Автор аргументированно доказывает, что во время работы над поэмой о Шеле Ясенский находился под влиянием определенного течения в русской поэзии 1917—1920 гг., отразившего бурные революционные события и крестьянские восстания прошлых лет. Привлекая обширный художественный материал, автор показывает, как Ясенский творчески претворял в своей практике поэтические открытия многих русских поэтов первых лет революции, в том числе и

Сергея Есенина, влияние которого особенно ощутимо в поэтике польского писателя.

Известно, какую большую роль в установлении контактов между национальными литературами играют переводы. Мастерство перевода анализируется в исследованиях Е. Фарыно «Над переводами Юлиана Тувима из Пастернака и Светлова» и А. Дравича «Анна Ахматова и Борис Пастернак как переводчики польской лирики». В первом из них на основе структурного анализа тувимовских переводов нескольких стихотворений Б. Пастернака и светловской «Гренады» и оригиналов автор приходит к выводу, что «переводы Тувима из советских поэтов не ощущаются как переводы, ибо они органично соединяются как с собственным творчеством переводчика, так и с традицией польской поэзии» (разрядка моя. — С. К.) (стр. 162). Тувим-переводчик не воссоздает структуру оригинала, а только по-своему ее интерпретирует, удаляя некоторые ее элементы и привнося новые, не противоречащие духу оригинала. В результате произведение как бы «удваивается», обогащается в своих стилиобразующих возможностях.

В отличие от Е. Фарыно А. Дравич прибегает к традиционному методу анализа. Отмечая, что в переводческой деятельности Ахматовой и Пастернака «польские» переводы не занимают главного места, он подчеркивает их несомненную важность для исследований творчества этих поэтов. Автору статьи удалось показать поэтическую неповторимость каждого из художников в их работе над польской лирикой.

Статья Х. Кирхнер «Достоевский и советская литература в творчестве Зофьи Налковской» основана на дневниковых записях писательницы, а также на анализе ряда ее произведений («Нарцисс», «Стены мира», «Нетерпеливые» и др.). В этом серьезном исследовании показано как отдельные элементы поэтики Достоевского влияли на художественный стиль и мировоззрение Налковской. Во второй части работы в поле зрения автора попадают высказывания писательницы, связанные с проблемами советской литературы. Перемены, происходящие в советской литературе в 20—30 годы, были для Налковской определенным «стимулом в осмыслении своего собственного художественного мирозерцания и некоторых тенденций в тогдашней польской литературе» (стр. 93).

Заметное место занимает в сборнике статья Ф. Лиходзевской «Контакты Броневского с русской литературой в межвоенном двадцатипятилетии». Собранные и подвергнутые здесь анализу многочисленные новые факты свидетельствуют о том, что русская литература играла в жизни Броневского исключительную роль, сно-

собствуя как, вероятно, никакая другая зарубежная литература, формированию духовного облика поэта-трибуна. Широко используя архивные материалы, исследователь подробно пишет о глубоких симпатиях польского революционного поэта к творчеству А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака и др., о его переводах близких по духу русских поэтов, в которых «он продолжал линию собственного творчества, обогащая его новыми элементами» (стр. 114).

В конце работы мы находим ценные библиографические материалы, охватывающие период 1919—1962 гг. В библиографии учтены опубликованные и неопубликованные статьи и стихотворения, высказывания Брошевского, касающиеся русской литературы; зарегистрированы все переводы из русской литературы, включая и произведения для детей. Исследование Лиходзевской заинтересует исследователей польско-русских связей, а также творчества Владислава Броневского.

Л. Язукевич-Оселковская посвятила свою статью анализу публикаций советской поэзии на страницах журнала «Камена» в 1933—1939 гг. Редакторы журнала «Камена» взяли за очень сложную задачу: познакомить читателей с творчеством русских советских поэтов разных направлений и группировок в переводах представителей различных поэтических школ. Публикуемые переводы сопровождался статьями критико-информационного характера. Польский исследователь уделяет внимание и поэтическим сборникам, входящим в серию «Библиотека „Камены“».

Роль «Камены» в знакомстве польского читателя с русской поэзией велика. Мы вправе согласиться с критиком, что свою цель редакция журнала «несомненно достигла. Об этом свидетельствуют не только публикации, помещенные в ежемесячнике, но и эхо, которым они отразились в польской прессе межвоенного двадцатилетия» (стр. 322).

Много нового дает очерк Т. Колаковского «Советская драма на польских сце-

нах». Автор наиболее подробно освещает постановки и театральную судьбу пьес, включенных в хронологические рамки: 1928—1936 гг. Первая — это дата премьеры «Квадратуры круга» В. Катаева, вторая — пьесы Горького «Егора Булычова» Горького в Лодзинском городском театре. В указанный период на сценах Польши были поставлены 34 пьесы советских авторов (пьесы Горького, Маяковского, Леонова, Катаева, Файко, Третьякова, Афиногенова, Булгакова, Шкваркина, Киршона, Ромашова и др.), причем преобладали произведения сатирически-бытового характера, которые «не представляли основного течения советской драматургии» (стр. 358). Объяснялось это сложной политической обстановкой, цензурными репрессиями и т. п. В статье Колаковского широко цитируются и анализируются высказывания польской театральной прессы по поводу постановок советских пьес.

Завершают сборник два ценных библиографических труда. Работа Х. Стохель «Русская литература в польских изданиях межвоенного двадцатилетия. 1919—1939 гг.» состоит из двух частей: в одной приведена библиография переводов русской советской литературы, в другой учтены статьи о русской литературе, появлявшиеся в польских изданиях с 1919 по 1939 гг.

Составленная Т. п. Э. Павлик «Библиография польских исследований о русской советской литературе за 1944—1969 гг.» удачно систематизирует собранный материал: после общего раздела, в котором даны сведения о книгах и статьях польских исследователей по истории русской литературы в целом, следуют персоналии советских писателей. Пользоваться библиографией удобно, она снабжена именным указателем.

Новый сборник польских исследователей является ценным вкладом в изучение польско-русских литературных связей и, безусловно, вызовет интерес специалистов в этой области.

С. В. Клементьева

«Славянская филология». Сборник статей. Вып. восьмой. Изд-во Московского университета 1973, 290 стр.

Восьмой выпуск указанной серии, изданный под редакцией проф. С. Б. Бернштейна и проф. Е. З. Цыбенко, содержит шесть лингвистических и восемь литературоведческих работ. В целом подборку статей для такого типа издания надо признать удачной, а качество их исполнения — большей частью хорошим. Языковедческие исследования отмечены даже некоторым единством проблематики — все они посвящены орфографии ли-

бо сопряженным с нею вопросам синтаксиса.

Рецензируемый выпуск открывается статьей Т. С. Тихомировой «Варьирование значения падежной конструкции в зависимости от числовой принадлежности падежной формы». Автор обращается к изучению грамматико-морфологических «ограничителей» падежных конструкций в польском языке, при этом основное внимание уделяется внутренней взаимообус-

ловленности значений числа и падежа. Эта взаимообусловленность выражается в том, что то или иное падежное значение «реализуется у всех лексем данной коннотационной группы только при определенной числовой форме имени» (стр. 5). В качестве примера исследуются отношения числа и падежа в формах творительного, который выражает субъект/объект действия как нечто цельное, нераздельное, компактное (iść [cafa] grupa, gromada, ruszyc trojka, [cafa] dziewiatka и под.) или же как нечто расчлененное, включающееся в действие по частям (iść [całymi] grupkami, pagami, dziesiątkami и под.). Наблюдения автора над указанными формами и конструкциями представляют значительный интерес. Однако вызывает возражения решение отдельных «терминологических» вопросов. Так, на стр. 10 предлагается выделять вместо двух падежных значений (тв. меры и к о л и ч е с т в а и тв. совокупности) лишь одно: тв. разделительно-совокупный (=целостно-разделительный). Один из частных случаев этого значения — творительный от имен, обозначающих единицы отсчета, например sunąc tysiącami. Но этот же пример, вместе с творительными от названий единиц измерения (ср. ріс litrami, jechać kilometrami и под.), рассматривается как реализация объединенного падежного значения «тв. неопределенного к о л и ч е с т в а» (стр. 13; разрядка наша.— Г. К. и И. Г.). Автор, на наш взгляд, слишком категорично (и, заметим, в известном противоречии с одним из вводимых им терминов — «тв. раздельно-с о в о к у п н ы й») утверждает, что все анализируемые в работе падежные формы «означают не совокупность, а степень и характер участия субъекта (или объекта) действия в самом действии» (стр. 7), что они «в конечном счете характеризуют именно действие, способ его совершения» (стр. 8). На этом основании признается справедливым мнение тех, кто видит в этих формах «одну из разновидностей тв. с п о с о б а и о б р а з а действия» (стр. 8; разрядка наша.— Г. К. и И. Г.). Таким образом, остается неясным место изучаемых форм и конструкций в общей семантической классификации творительного падежа, соотношение конструкций типа iść grupa, tysiącami, с одной стороны, и odpowiedzić (głębokim) basem, pisać prozą — с другой, поскольку в новейших исследованиях по творительному падежу к тв. образа действия относят исключительно конструкции второго типа (см., например: Р. М р а з е к. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964, стр. 56 и сл., 62). Позволим себе усомниться и в правомочности привлечения уже полностью адвербиализованных падежных форм типа hrgmem, ogłmem, guczaltem и под. при изучении взаимосвязанности числа падежной формы и значения падеж-

ной конструкции (стр. 13) в с о в р е м е н н о м польском.

В сборнике печатается интересное в методологическом отношении исследование Т. И. Константиновой «Функционирование качественных наречий, производных от прилагательных со значением цвета в современном чешском языке». В нем специфическая особенность чешского языка — неограниченная возможность образовывать наречия указанного типа — изучается не только в плане функционирования наречий; определяется также синтаксическая обусловленность самой возможности их образования, для чего анализируется соотношение производящих и производных синтагм. Поэтому, в сущности, центральной является проблема структурной трансформации зависимого компонента производящих синтагм (прилагательного) в зависимый компонент производных синтагм (наречия), например: mít červeně svétlo → červeně svítit; mít žlutě, červeně květy → kvést žlutě, červeně и под. Большой интерес представляет описание разных типов глаголов «внутреннего объекта». В особом разделе автор рассматривает конструкции с наречиями, выражающими цветовой качественный признак, и глагольными производными (стр. 35 и сл.). В связи с реализацией возможности образовывать наречия, определяющие глаголы «внутреннего объекта», важно сопоставление чешского и русского языков. Автор показывает, что в последнем синтагмы типа *сине светить* не отличаются той степенью обязательности, которая наблюдается в чешском, где подобные синтагмы стали своеобразным клише (стр. 23—24). Справедливо и мнение автора относительно того, что в русском образовании наречий от прилагательных со значением цвета и употребление соответствующих синтагм — принадлежность и индивидуального стиля писателя (стр. 25). Кстати, это положение, казалось бы, вынуждало автора быть сугубо осторожным и воздержаться от решительного утверждения, что в русском образовании таких наречий от некоторых прилагательных «просто невозможно», например от *коричневый* (стр. 24). Ср., однако, у А. Вознесенского: «*коричнево* изгибался чай» («Тень звука». М., 1971, стр. 208), также: «березы *багрово* висят кистями», «тигр-людоед так тоскует *багрово*» (там же, стр. 34, 243) и под. Несомненно привлекают внимание читателя и переводы чешских примеров, содержащиеся в статье и демонстрирующие большое разнообразие русских конструкций — эквивалентов чешских синтагм с качественными наречиями. Это и различные типы глагольных именных синтагм (светить *розовым светом*, окрасить *красной краской*, ~в *синий цвет*, иметь *синюю окраску*, видеть в *розовом свете*; светиться *золотым*, отчеркнуть *синим* и др.), и конструкции

с наречиями — как качественными (*красно* распустилась звезда и под.), так и иными (в случаях метафорического употребления глагольных-наречных синтагм), например, *červeně křičí* — *предостерегающе* (кричит), *zahleděla se modře* — *радостно* (засмотрелась), *vidět černě* — *пессимистически* и под. Изучение закономерностей функционирования подобных конструкций в обоих языках позволяет автору в ряде случаев точнее и образнее, чем это делают профессиональные переводчики, передавать стилистическое своеобразие ткани художественного произведения. Так, фраза из повести И. Ольбрахта «Никола Шугай» *kdybych ho nemilovala, b í l e bych se nestrojila* в переводе Т. И. Константиновой звучит: «...не наряжалась бы в б е л о е» (стр. 27), тогда как в «Избранном» (М., 1956, стр. 358) — «...не надевала бы п л а т ь е б е л о е». Более экспрессивным представляется перевод исследовательницей и фразы: *Isko v g ů ž o v ě zbarveném sněhu byl již mrtev* — «... в р о з о в о о к р а ш е н н о г о в р о з о в о е с н е г а» («Избранное», стр. 329) и т. д.

В статье А. Г. Широковой «Наблюдения над употреблением многократных глаголов 2-й степени в чешском языке» рассматривается интересная особенность глагольного словообразования, отличающая данный язык от других славянских языков, — существование итеративов с удвоенным (и даже утроенным) суффиксом (*váva*, *vávava*, например, *chodívávat*, *řikávávat*). Тщательный анализ материала показывает, что с многократными образованиями указанного типа конкурируют и вытесняют их многократные глаголы с суффиксом *va-* (*chodívát*, *řikávát*). Убедительным кажется вывод автора о том, что различия между этими рядами многократных глаголов лежат не в грамматическом плане, а в стилистическом: глаголы с удвоенным суффиксом отличаются большей экспрессивностью, аффективностью, именно поэтому их употребление в современном языке ограничено.

В рецензируемом выпуске продолжена публикация глав из фундаментальной монографии Н. В. Котовой, посвященной изучению западноболгарского говора района Горно Поле (северо-восточнее г. Станке Димитров), которая благодаря строгости исследовательского метода, тщательности описания диалектных фактов и богатству материала признается значительным явлением в диалектологии болгарского языка (см. мнение проф. Ст. Стойкова об уже вышедших из печати частях: «Вопросы языкознания», 1969, № 2).

В данном случае автор рассматривает морфологию существительных и прилагательных горнопольского говора, собственно — словоизменительные морфемы

(стр. 50), под которыми понимаются, очевидно, лишь окончания, поскольку отсутствует раздел, описывающий морфологические показатели иного типа (например, выражающие степени сравнения). Чрезвычайно важно, что автор не ограничивается определением диалектного набора именных словоизменительных морфем (в чем данный говор не отличается сильно от остальных юго-западных диалектов и литературного языка), но обстоятельно исследует специфику распределения отдельных морфем, т. е. их употребление и сочетаемость с теми или иными типами именных основ. В связи с этим хотелось бы сделать несколько замечаний, касающихся прежде всего композиции работы.

1. Нам кажется, что следовало бы дать специальный раздел, посвященный показателям рода, где, в частности, более подробно мог бы быть разобран «синтаксический» способ выражения данной категории. В настоящем же тексте мы находим рассуждения об установлении рода по синтаксическим определителям только для существительных, имеющих окончание *ø* (стр. 52), хотя очевидно, что та же процедура применима и к существительным с окончаниями *-a*, *-o*, *-e*. Кроме того, здесь же могли бы быть изучены и случаи колебаний в роде и под.

2. Представляется желательным и наличие особого раздела, в котором рассматривались бы показатели категории определенности; там же могли бы быть сведены все замечания об ударении в членных формах (сейчас эти замечания даны в нескольких местах). Заметим, что оба эти раздела непременно присутствуют в монографических работах по диалектологии (из последних работ см. у Ст. Стойкова, М. Младенова, Т. Бояджиева и др.).

Из менее важных замечаний укажем следующие. О существительных м. р. говорится (стр. 53), что во мн. ч. они получают окончание *-a*, хотя следовало бы упомянуть о расширении основы (*-ишт-*), как это делается в отношении других имен (стр. 53, также 56). Хотелось бы поспорить с автором и о правомерности рассмотрения, например, существительного *more* и некоторых иных среди имеющих суффикс *-e* и нулевое окончание (стр. 58). Как известно, традиционно они рассматриваются как содержащие показатель ед. ч. *-e* (*/ / o*) (см., например: Ст. Стойков, Банатский говор. София, 1967, стр. 166), и основания для пересмотра этой точки зрения неясны.

Р. П. Усикова в статье «Из наблюдений над языком Кирилла Пейчиновича (глагол в книге „Оутъшение гръшнимъ“)» изучает роль видного просветителя первой половины XIX в. в Македонии в истории создания литературного языка на базе македонского (тетовского) диалекта. Автор показывает, что язык К. Пейчи-

новича — важная глава исторической диалектологии, поскольку имеющиеся в его труде колебания в орфографии, в употреблении некоторых глагольных форм свидетельствуют, по-видимому, о живых изменениях, которые происходили в тетовском говоре того времени. Несомненное достоинство работы следует видеть в том, что конкретному анализу предшествует филологическое изучение текста, цель которого — выявить глагольные формы разговорного языка и церковнославянизмы (последние в работе не рассматриваются). Анализ глагольной системы языка К. Пейчиновича включает характеристику глаголов по виду, их морфологическую классификацию, а также описание показателей лица и числа времен индикатива, форм повелительного и условного наклонения. Автору удается установить значения глагольных форм, хотя из-за ограниченного материала это сделать нелегко. К числу наиболее существенных следует отнести вывод о том, что форма перфекта в языке «Утешения» уже широко употреблялась в качестве форм пересказывательных, ненаблюдаемых времен и что она служила, таким образом, для выражения модальности, передавая оттенок недоверия, сомнения, предположительности и под. (стр. 82).

Важный фрагмент славянской морфологии представлен в статье С. Б. Бернштейна «Очерки славянской морфологии (чередования согласных в именах на -а)». В работе на большом материале, прежде всего диалектном, прослеживается судьба морфологического ряда $k : s, g : z, x : s (\check{s})$ в формах дат., мест. ед. и им.-вин. дв. имен на -а. Это дает возможность показать специфику отдельных славянских языков и сделать некоторые выводы типологического характера. Так, автор приходит к заключению, что в польском, чешском и украинском указанные морфологические чередования являются устойчивыми и продуктивными; напротив, другие языки характеризуются тенденцией к утрате чередований или их лексикализации; наконец, в некоторых языках и диалектах результаты второй палатализации исчезли совсем.

Литературоведческая часть этого выпуска открывается исследованием Н. И. Кравцова «Романтизм в славянских литературах и фольклор». Названная статья интересна прежде всего тем, что она построена по принципу сопоставительного анализа связи славянских романтиков со своим национальным фольклором, и под этим углом зрения автор обобщает наблюдения многих советских и зарубежных исследователей. Говоря об отношении к устному народному творчеству славянских писателей времен романтизма, Н. И. Кравцов последовательно рассматривает общественно-исторические и литературно-идейные предпосылки их обращения к фольклорным источникам, худо-

жественные результаты этого обращения, останавливается на заимствованных из фольклора жанрах (вроде думы) и на созданных под его влиянием новых жанровых формах (баллада и песня); особо останавливается на роли эпоса в развитии романтической поэмы; далее делается попытка раскрыть близость романтического метода к фольклорным приемам изображения, оттенить то отличие от западноевропейских романтиков, каким славянские писатели были обязаны более благоприятным условиям развития устно-поэтических традиций в их странах, и т. д. Одним словом, многосторонность освещения темы, требующей комплексного решения ряда задач, составляет несомненное достоинство работы Н. И. Кравцова. Однако, сама постановка этой проблемы, безусловно имеющей большое научно-историческое значение, не представляется четкой. У автора получается, что, хотя «вопрос об отношении романтизма к фольклору весьма обстоятельно изучен», и притом в разных аспектах, «тем не менее необходимо поставить его вновь», потому что при этом «не выделяются основные моменты», «отношение романтизма к фольклору освещается недостаточно конкретно» и т. д. (стр. 97). Но если все это так, то в таком случае изучение данного вопроса нельзя называть «весьма обстоятельным» и — зачем его ставить вновь, если он в принципе верно поставлен и нуждается только в дальнейшей разработке? Недоумение вызывает и чересчур буквальное, безоговорочное толкование того положения, что «писатели-романтики открыли фольклор для искусства и литературы» (стр. 98). В известном смысле можно, конечно, и так выразиться. Но при этом не следует упускать из виду, что книжная поэзия возникла на базе устной и что, следовательно, практический фольклор был «открыт» для литературы с момента ее зарождения. Забвение этой широкой перспективы неизбежно ведет к преувеличениям, которые из стилистического средства заострения мысли нередко превращаются в смысловые погрешности, затемняющие содержание в общем интересной и ценной работы.

Хорошее впечатление оставляет исследование видного историка польской литературы Яна Бацулевского «Мария Конопницкая о писателях — своих современниках». В Польше Ян Бацулевский известен как знаток архива поэтессы. Его очередная работа о ней, помещенная в этом сборнике, содержит богатый фактический материал.

Статья З. М. Холониной «К проблеме перевода поэтических произведений на близкородственные языки» касается некоторых достижений польской и русской советской литератур в области переводческого искусства. Ее особенностью является то, что анализ художественности

поэмы Ю. Тувима «Зелень» и ее перевода на русский язык в исполнении Л. Мартынова ведется здесь в основном в рамках языкового материала, т. е. на стыке литературоведения с лингвистикой. Ведущая мысль автора проста и убедительна: перевод поэтических произведений на близкородственные языки связан не только, как полагают многие, с особыми трудностями, но и с особыми преимуществами, и поэтому только при учете того и другого можно раскрыть истинные возможности поэтического слова в родственных языках, меру взаимозаменяемости слов с одинаковым и различным звучанием и т. д. Эта статья, насыщенная любопытными наблюдениями над поэтикой Тувима и Мартынова, по нашему мнению, может оказаться полезной не только для теоретиков перевода, но и для всех, кто интересуется проблемой польско-русских литературных связей.

Новейшей польской литературе посвящены статьи С. Ф. Мусиенко «Творческий путь Вильгельма Маха» и М. В. Игнатова «От „устного портрета“ к роману-исповеди». Краткий очерк о Махе особенно ценен как первая у нас работа, посвященная известному писателю. В центре внимания статьи Игнатова находится роман Анджея Кузьневича «Героическая симфония». В монографической по своему характеру статье рассматривается эволюция образа фашистского палача в польской литературе от скупой протокольной регистрации военных преступлений к приемам развернутого психологического анализа и самоанализа персонажей. При различных целевых установках обе статьи подкупают своей объективностью и научной добросовестностью.

Содержание статьи Р. Р. Кузнецовой достаточно точно обозначено в ее заглавии «Психологизм и гротеск в романе Бенямина Клички „Вот он — гражданин“». Автор поставил своей целью охарактеризовать творческие искания Б. Клички в свете той общей эволюции чешского романа от социального к социально-психологическому жанру, которая ознаменовалась углублением раскрытия внутреннего мира героев в творчестве ведущих писателей Чехословакии 30-х годов XX в. (М. Майеровой, И. Ольбрахта, М. Пуй-

мановой и др.). Выдвинутая Кузнецовой точка зрения, несомненно, более аргументирована и потому убедительнее, чем долгое время господствовавший взгляд Ф. К. Шальды, Б. Вацлавека, с которыми она полемизирует. Именно в критическом пересмотре суждений этих видных чешских критиков о произведении Клички и в обосновании новой, оригинальной концепции (опирающейся, в частности, также на обстоятельный стилиевой анализ) и заключается важнейшее достоинство рецензируемой работы.

«Идейно-эстетическая борьба вокруг романа Ивана Ольбрахта „Никола Шугай, разбойник“» рассматривается И. Ф. Копыстьянской на широком фоне общекультурной и политической жизни Чехословакии 30-х годов. Но значение этой статьи не исчерпывается обстоятельным (и чрезвычайно любопытным, подчас даже захватывающим) анализом борьбы мнений вокруг Ольбрахта. Не менее важна и полемика Копыстьянской с той упрощенческой точкой зрения, согласно которой только «Анна-пролетарка» признавалась произведением социалистического реализма, тогда как «Никола Шугай, разбойник» относился к произведениям критического реализма — на том основании, что здесь в качестве главного героя выведен стихийный бунтарь-одиночка...

Сборник замыкается трудом А. М. Балакина «Максим Горький и сербская литература 30-х годов», где излагаются некоторые факты из истории сербского реализма, расширяющие наше представление о мировом значении величайшего пролетарского писателя.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в восьмом выпуске «Славянской филологии» содержатся (как в лингвистической, так и в литературоведческой частях рецензируемого сборника) богатые по фактическому материалу и интересные по своим концепциям статьи. Остается только пожелать, чтобы в будущих выпусках этого авторитетного научного издания были равномерно представлены исследования по всем славянским языкам и литературам.

Г. П. Клепикова, И. К. Горский

ИЗУЧЕНИЕ В ГРУЗИИ ПОЛЬСКО-ГРУЗИНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Зарождение польско-грузинских литературных связей относится к прошлому столетию. Обращает на себя внимание зависимость литературных отношений от общественно-политических. Общность исторических судеб Польши и Грузии, входивших в состав Российской империи, одинаково стремившихся к национальной

независимости и одинаково угнетаемых царским самодержавием, является причиной интереса друг к другу таких, казалось бы, далеких в языковом и территориальном отношении народов.

Уже в первой половине XIX в. произведения Адама Мицкевича — певца польского национально-освободительного дви-

жения — пользовались большой популярностью в Грузии, переводились на грузинский язык, побудили некоторых видных литераторов обратиться к аналогичным темам¹.

Приблизительно в то же время и грузинская литература начинает привлекать внимание поляков. В 1831 г. в виленском «Новорочнице Литерацком» появилась статья анонимного автора «Шота Руставели — грузинский поэт», сообщающая краткие сведения о жизни грузинского поэта и общее содержание поэмы². Существует указание на то, что в 1833 г. один из представителей польского романтизма Александр Ходзько сделал первый частичный перевод поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и опубликовал его в Лондоне на польском языке в книге «Образцы из персидской поэзии»³. Можно, кстати, заметить, что польский и французский переводы были первыми переложениями поэмы Шота Руставели на иностранные языки.

Вторая половина XIX в. характеризуется расширением и укреплением взаимосвязей польской и грузинской литератур. В Грузии большой популярностью пользуются произведения Г. Сенкевича, Э. Ожешко, Б. Пруса, а в начале XX в. — А. Немоевского, Г. Даниловского, В. Гомулицкого и др. На польском языке издаются произведения А. Церетели, И. Чавчавадзе, А. Казбеги, В. Пшавелы. На сценах грузинского театра с большим успехом идут пьесы польских авторов — С. Пшибышевского, К. Тетмайера, Е. Жулавского. Известно, что немалую аудиторию привлекали к себе вечера, проводимые в Варшаве студентами-грузинами⁴.

Качественно новый этап в развитии польско-грузинских литературных связей наступил после второй мировой войны. Появляются новые переводы, исследования, начинается научное освещение вопросов взаимосвязей польской и грузинской литератур. Дни польской культуры в Грузии и грузинской в Польше были ярким свидетельством непрекращающегося взаимного интереса, расширения культурного обмена между Польшей и Грузией.

Изучение польско-грузинских литературных связей началось сравнительно не-

давно. К числу первых попыток освещения некоторых аспектов этих связей следует отнести работы, посвященные восприятию в Грузии творчества Адама Мицкевича, с именем которого связано зарождение польско-грузинских литературных связей. Переводы, отклики грузинских писателей на произведения Мицкевича, случаи прямого¹ или косвенного влияния его поэзии на мировоззрение и творчество некоторых грузинских литераторов — вот ряд вопросов, которые затрагивались грузинскими исследователями. Наибольший резонанс в грузинском литературоведении вызвал вопрос о сходстве и различии «Фариса» А. Мицкевича и «Мерани» Н. Бараташвили — блестящего представителя грузинского романтизма. Впервые на сходство этих произведений обратил внимание биограф Н. Бараташвили И. Меунаргия⁵. Точки зрения Меунаргия придерживался и крупный исследователь грузинской литературы XIX в. К. Абашидзе⁶. Влияние «Фариса» на «Мерани» они обосновывали общностью предмета изображения, близостью некоторых поэтических образов этих произведений и известным сходством поводов к их созданию. Однако уже в конце XIX в. в журнале «Квали» публикуется работа Хомлели (литературный псевдоним Р. Панцхавы) «Н. Бараташвили и его время», в которой опровергалось мнение о наличии влияния «Фариса» на «Мерани»⁷. Некоторые современные исследователи творчества Бараташвили — В. Котетишвили, П. Ингорюк, Д. Дадияни и ряд других — также не склонны генетически связывать это произведение Бараташвили с «Фарисом» Мицкевича⁸.

Влияние «Фариса» на «Мерани» отрицает и акад. Г. Джибладзе, признавая, однако, их определенное сходство и объясняя его «непроизвольным совпадением некоторых поэтических образов»⁹. Представляется, что вопрос о характере связи этих двух произведений польского и грузинского романтизма еще ждет своего исследователя.

⁵ И. Меунаргия. Жизнь и поэзия Николая Бараташвили. «Иверия», 1893, № 85—103.

⁶ К. Абашидзе. Этюды из истории грузинской литературы XIX в. Тбилиси, 1962, стр. 82 (на груз. яз.).

⁷ Хомлели Н. Бараташвили и его время. «Квали», 1896, № 22—24; 1897, № 2—4, 7—9.

⁸ В. Котетишвили. История грузинской литературы. Тбилиси, 1959, стр. 132—134 (на груз. яз.); П. Ингорюк в. Собр. соч., т. I. Тбилиси, 1963, стр. 336 (на груз. яз.); Д. Дадияни. Николоз Бараташвили. Тбилиси, 1968, стр. 170—174 (на груз. яз.).

⁹ Г. Джибладзе. Романтики и реалисты в грузинской литературе XIX в. Тбилиси, 1963, стр. 102.

¹ См. об этом: Г. Абашидзе. О первых переводчиках А. Мицкевича и о «Фарисе». «Литератури Сакартвело», 1940, 28 ноября.

² См. J. R e u s h m a n. Arcydzieło Rustawego w Polsce. «Przegląd Orientalistyczny», 1966, № 4, S. 283—284.

³ См. Н. Николаишвили. Польские руставелологи XIX в. «Литератури Сакартвело», 1966, 2 сентября.

⁴ А. Димчишвили. Из истории грузинско-польских культурных связей. «Коммунист», 1959, 30 сентября.

Другая проблема, связанная с восприятием Мицкевича в Грузии, — это близость к нему известного грузинского драматурга и поэта Георгия Эристави, первого переводчика сонетов Мицкевича на грузинский язык. Семилетнее пребывание в Польше в качестве ссыльного (за активное участие в заговоре грузинских дворян 1832 г.) дало ему возможность настолько овладеть польским языком, чтобы переводить непосредственно с оригинала.

Вопросы, связанные с пребыванием Эристави в Польше, с его личными контактами, с его переводами из Мицкевича, уже частично затрагивались некоторыми исследователями¹⁰. Интересно сообщение акад. А. Шанидзе о дружбе Эристави с семьей Бишпинг¹¹. Эристави посвятил Розалии Бишпинг свое стихотворение «Розалии Бишпинг — ответ на ее стихотворение в час прощания» (1836). В. Кикнадзе в статье «Георгий Эристави в Польше» обратил внимание на духовную близость Эристави и Мицкевича, двух ссыльных поэтов, мучительно переживавших оторванность от родного края и народа¹².

Лирические стихотворения, написанные Эристави в Польше, носят следы влияния поэзии Мицкевича. К сожалению, эта сторона творчества Эристави мало обращала на себя внимание исследователей его поэзии.

С именем Г. Эристави связан перевод поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сделанный сосланным в Грузию Казимежем Лапчинским. После своего возвращения из Польши в Тифлис Эристави близко сошелся с К. Лапчинским и принимал непосредственное участие в переводе им поэмы Руставели¹³. Отрывки прозаического перевода Лапчинского были опубликованы в Варшаве в 1863 г. с предисловием переводчика¹⁴, в котором содержится анализ грузинской литературы, описание нравов и обычаев грузин. Оно вышло отдельно на грузинском языке с предисловием редактора журнала «Цискари» И. Кереселидзе¹⁵. О близости Лапчинского и Эристави, об их совместной работе над переводом поэмы

писали в своих статьях С. Иорданишвили¹⁶, А. Гачечиладзе¹⁷ и др.

Еще одним польским переводчиком поэмы Руставели в XIX в. был Артур Лейст, живший долгое время в Грузии, хорошо знавший грузинскую литературу. В «Зарисовках из Грузии» он поместил отрывки из поэмы «Витязь в тигровой шкуре»¹⁸.

Несомненно влияние Мицкевича на жизнь и творчество одного из корифеев грузинской литературы Акакия Церетели. Впервые близость его поэмы «Баграат Великий» к поэме Мицкевича «Конрад Валленрод» отметил С. Горгадзе¹⁹. Упоминает об этом и Г. Абзанидзе в монографии, посвященной творчеству А. Церетели²⁰. Более подробно пишет о контактах творчества А. Церетели с поэзией А. Мицкевича Л. Асатиани, автор работы «Жизнь Акакия Церетели». Приводя много документальных данных, он указывает не только на творческую связь Церетели и Мицкевича, но и на своеобразное влияние некоторых произведений Мицкевича на жизнь грузинского поэта²¹.

Об устойчивости интереса к творчеству А. Мицкевича в Грузии говорит неоднократное обращение к нему современных грузинских литературоведов. Значительный интерес представляет монография проф. М. Квеселова²². Исследуя жизнь и творчество польского поэта, М. Квеселова касается и вопросов взаимодействия польской и грузинской литературы, хотя следует заметить, что многие заслуживающие внимания факты остаются вне поля зрения автора.

К столетию со дня смерти А. Мицкевича в грузинской периодике было опубликовано немало работ, освещающих зна-

¹⁶ С. Иорданишвили. Польский перевод «Витязя в тигровой шкуре». — «Литературиლი Сакартвелო», 1938, 10 января.

¹⁷ А. Гачечиладзе. Наши польские друзья. «Дроша», 1969, № 1.

¹⁸ «Szkice z Gruzji», Warszawa, 1886, s. 134—136. Известно, что в наше время переводами Руставели занимались Юлиан Тувим, Богдан Гембарский и др. См.: J. Reychman. Arcydzieło Rustawelogo w Polsce. «Przegląd Orientalistyczny», 1966, № 4.

¹⁹ С. Горгадзе. Предисловие в кн.: А. Церетели. Избранные произведения, т. 2. Тифлис, 1926, стр. XX (на груз. яз.).

²⁰ Г. Абзанидзе. Акакий Церетели. Жизнь и творчество. Изд-во АН Груз. ССР, 1969, стр. 10.

²¹ Л. Асатиани. Жизнь Акакия Церетели. «Мерани», Тбилиси, 1971, стр. 278.

²² М. Квеселова. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

¹⁰ Разочаровывает статья И. Какабадзе «Георгий Эристави и польская литература», не дающая новых фактов, а только повторяющая ранее опубликованные материалы о Г. Эристави («Мна-тоби», Тбилиси, 1972, № 3, стр. 179—183).

¹¹ А. Шанидзе. К биографии Георгия Эристави. «Литература да хеловнеба», 1950, 19 марта.

¹² В. Кикнадзе. Георгий Эристави в Польше. «Сабчота хеловнеба», 1959, № 10, стр. 29.

¹³ Н. Николашвили. Витязь сближает народы. «Заря Востока», 1966, 21 октября.

¹⁴ «Biblioteka Warszawska», 1863, t. 4.

¹⁵ «Цискари», 1870, № 6.

чение творчества польского поэта как для литературы славянских стран, так и для Грузии²³.

Большой интерес для историков литературы представляет творчество живших в Грузии польских поэтов, которых обычно причисляют к так называемой кавказской школе в польской поэзии. Это сосланные в Грузию за участие в польском восстании 1830—1831 гг. Тадеуш Лада-Заблоцкий, Леон Янишевский, Владислав Стшельницкий, Ксаверий Петрашкевич и др. Кавказский период творчества многих из них был весьма плодотворным и тесно связан с грузинской тематикой. О некоторых из этих поэтов писали в своих работах русские и польские историки литературы²⁴.

В Грузии исследованием жизни и творчества Т. Лады-Заблоцкого, его связей с Грузией занимается С. Я. Равич²⁵, обнаруживший конкретные результаты творческих контактов Лады-Заблоцкого с грузинскими поэтами, в частности влияющие на него поэзии Н. Бараташвили.

Лада-Заблоцкий был первым переводчиком современной ему грузинской поэзии на польский язык. Так, он перевел стихотворение «Чаша» грузинского поэто-романтика М. Туманишвили, о дружбе с которым пишет Д. Рампшвили²⁶.

Значительным явлением в общественной жизни Грузии прошлого столетия была также деятельность внука польского повстанца Георгия Здановича, известного в Грузии под двойной фамилией Зда-

новича-Майшвили, а также Григола Вольского (Умципарадзе) и других поляков. Их общественная и литературная деятельность, сыгравшая большую роль в утверждении польско-грузинских литературных связей, еще недостаточно исследована. Некоторый свет на их деятельность проливают работы Д. Нацваладзе²⁷ о Григоле Вольском и монография М. Канделаки о Георгии Здановиче²⁸.

Из польских писателей второй половины XIX в. наибольшей популярностью в Грузии пользовался Г. Сенкевич. Критическое отношение к буржуазно-помещичьему строю, характеризующее ранние произведения Г. Сенкевича, патриотический лафос его исторических романов соответствовали идейной направленности передовой грузинской литературы, для которой национальные и социальные проблемы оставались центральными почти на всем протяжении второй половины XIX в. Интерес и внимание к Сенкевичу не ослабевают и в наше время. Произведения Сенкевича пользуются большой популярностью у современного грузинского читателя. В предисловии к грузинскому переводу романа «Камо грядеши?» (1964) Т. Каплатадзе дала высокую оценку творчеству Сенкевича. В 1971 г. был переведен на грузинский язык роман Сенкевича «Крестоносцы». За последние годы в грузинской периодической печати опубликовано несколько статей, освещающих жизнь и творческое наследие Сенкевича. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с историей переводов произведений писателя на грузинский язык²⁹.

Грузинская печать публикует информацию, затрагивающие другие области культурных взаимосвязей наших народов. Известный искусствовед Г. Бухникашвили писал об интересе в Грузии к польскому театральному искусству³⁰, В. Вачнадзе — о музыке Шопена в Гру-

²³ Г. А б а ш и д з е. Великий польский поэт. «Заря Востока», 1955, 26 ноября; В. И м е д а д з е. Грузинская пресса об Адаме Мицкевиче. «Заря Востока», 1958, 29 октября.

²⁴ М. Ж и в о в. Польские певцы Кавказа. «Литературная Грузия», 1957, № 6, стр. 67—71; М. Ż u w o w. Polscy poeci «kaukascy» (Materiały biograficzne). «Pamiętnik Literacki», 1959, z. 3—4, s. 561—591; M. I n g l o t. Polacy piszący na Kaukazie w pierwszej połowie XIX wieku (Materiały do zagadnienia). «Pamiętnik Literacki», 1957, z. 28.

²⁵ С. Р а в и ч. Из прошлого (Памяти Лады-Заблоцкого). «Сабчота хеловнеба», 1959, № 10; е г о ж е. К вопросу об изучении жизни и творчества Тадеуша Лады-Заблоцкого. Тезисы докладов научной сессии Тбил. пед. инст. ин. языков, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса, Тбилиси, 1968; е г о ж е. Жизнь и творчество польского поэта Тадеуша Лады-Заблоцкого в Грузии. Труды Тбил. пед. инст. ин. языков, т. XI—XII, Тбилиси, 1970; е г о ж е. Польские поэты в Грузии. «Коммунист», 1958, 28 октября.

²⁶ Д. Р а м п ш в и л и. Страницы дружбы двух народов. «Коммунистури агзрднаатвис», Тбилиси, 1956, № 12, стр. 84—88.

²⁷ Д. Н а ц в а л а д з е. Григол Вольский (Жизнь и деятельность). Батуми, 1955 (на груз. яз.).

²⁸ М. И. К а н д е л а к и. Георгий Фелпсович Майшвили (Зданович). Тбилиси, 1969.

²⁹ Ш. Г о з а л и ш в и л и. Память о Генрике Сенкевиче в Грузии. «Ахалгазрда коммунисти», 1966, 19 июля; Н. Н и к о л а и ш в и л и. Генрик Сенкевич и грузинская общественность. «Литературули Сакартвело», 1967, 17 января; Ш. Г о з а л и ш в и л и. Генрик Сенкевич на языке Шота Руставели. «Цигнис самхаро», 1970, 11 ноября.

³⁰ Г. Б у х н и к а ш в и л и. Давным-давно. «Заря Востока», 1959, 20 октября; е г о ж е. Из польско-грузинских театральных отношений. «Сабчота хеловнеба», 1959, № 10, стр. 30.

зипи³¹. Польский художник З. Вольшевский дни своей юности провел в Грузии, учился вместе с известным грузинским художником Л. Гудиашвили. В честь их дружбы Гудиашвили создал портрет Вольшевского³². Своей второй родиной считает Грузию польский художник Станислав Горно-Поплавский, автор скульптурного портрета Ш. Руставели³³.

³¹ В. В а ч н а д з е. Музыка Шопена в Грузии. «Вечерний Тбилиси», 1960, 22 января.

³² См. об этом: «Творчество Зыгмунта Вольшевского». — «Сабчота хеловнеба», 1957, № 8, стр. 52—57.

³³ «Встреча с родиной». — «Вечерний Тбилиси», 1972, 18 августа.

Таким образом, можно определенно говорить о возросшем интересе грузинского литературоведения последних лет к польской литературе и польско-грузинским литературным связям. Однако научная разработка этих проблем еще только начинается. Опубликованные до сих пор материалы выявили наиболее важные моменты этих контактов (Мицкевич в Грузии, «Кавказская школа в польской поэзии», Руставели в Польше и др.), наметили пути дальнейших научных исследований.

В. И. Хитаршвили

НЕКРАСОВ И ПОЛЬША

Польские связи Некрасова уже не один год являются предметом научного исследования в Польше. Современное польское литературоведение выделяет несколько аспектов этой проблемы: сбор и изучение переводов некрасовской поэзии; тема Польши, польская культура и литература в творчестве поэта; типологическое сопоставление Некрасова с некоторыми польскими поэтами-демократами (В. Сырокомлей и М. Конопницкой). Изучается также частная проблема, связанная с национальностью матери Некрасова.

В данном обзоре, кратко коснувшись основательно рассмотренных наукой вопросов истории распространения некрасовской поэзии в Польше, попытаемся охарактеризовать основные направления исследовательской работы польских некрассоведов в последние годы.

Имя Некрасова становится известным в Польше еще при его жизни — в 50-е годы XIX в. Его поэзия быстро находит дорогу к польскому читателю. «Степень влияния Некрасова на польских читателей нельзя определять ни количеством, ни качеством переводов его произведений в Польше, ни тем, что о нем написано было по-польски. Его читали в оригинале»¹.

«Некрасов в Польше (1856—1914 гг.)»² — так называется книга Яна Орловского, вышедшая в 1972 г. Автор обобщает имеющийся в настоящее время материал по данной проблеме, учитывая результаты исследований польских и советских авторов и вводя в научный оборот немало новых, весьма интересных фактов.

В рецензии Некрасова в Польше в 1856—1914 гг. автор выделяет три периода: предьянварский (до восстания 1863 г.),

послеянварский и период «Молодой Польши».

Перу Владислава Сырокомли (Л. Кондратовича) принадлежат первые переводы Некрасова — «Филантроп» (1856 г.) и «На Волге» (1860 г.), рассмотренные советским литературоведом С. Советовым в статье «Людвиг Кондратович как переводчик Некрасова»³. Сырокомля был не единственным переводчиком поэзии Некрасова в этот период. В 1858 г. появилось несколько анонимных переводов стихотворений «Филантроп» (в переводе «Воспоминания») и «Еду ли почью по улице темной».

Жестокое подавление царским правительством польского освободительного восстания 1863 г. закрывает на некоторое время поэзию Некрасова доступ на страницы польских журналов. Только через несколько лет после январских событий вновь начинают переводить его стихи и переиздавать ранние переводы Сырокомли. Характерный для 70-х годов взгляд на Некрасова как на общественного трибуна явился критерием выбора для переводов стихов подчеркнuto гражданской направленности. Именно в эти годы (конец 60-х — начало 70-х годов) поэзия Некрасова пользовалась наибольшей популярностью в Польше.

Особое место Я. Орловский отводит переводам сосланного в Томск польского революционера Бр. Шварце⁴, перевод-

³ «Научный бюллетень Ленинградского университета», 1947, № 16—17, стр. 122—125.

⁴ Фигура этого замечательного польского революционера и способного литератора-любителя привлекала внимание и советских исследователей. Сошлемся в этой связи на работы О. П. Морозовой, не названные в книге Я. Орловского: Материалы к биографии Бр. Шварце. В кн. Восстание 1863 г. и русско-

¹ M. J a k ó b i e s. Niekrasow w oczach Polaków. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1953, № 5, s. 25.

² J. O r ł o w s k i. Niekrasow w Polsce (Lata 1856—1914). Warszawa, 1972.

шего около 25 стихотворений Некрасова. Тематика их различна — тут и стихи о тяжелой крестьянской и женской доле, и интимная лирика, и отрывки из поэм «Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз — Красный нос». В своих переводах, к сожалению не опубликованных при жизни, Шварце стремился сохранять ритмику и мелодичность поэзии Некрасова.

В конце XIX — начале XX в. наряду с ростом интереса к русской литературе вообще, к творчеству Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Короленко и др., заметен спад интереса к поэзии Некрасова. Крупные поэты «Молодой Польши» не проявляют интереса к его творчеству. В этот период к интимной лирике Некрасова обращается Лео Бельмонт («Я сегодня так грустно настроен», «Я за то глубоко презираю себя», «Убогая и нарядная», «Плач детей», «На родине»), переводы которого, по мнению Я. Орловского, «не могут претендовать на богатство поэзии».

Начиная с 1850 г. в польской печати появляются рецензии на роман «Три страны света», печатаются статьи о жизни и творчестве Некрасова, рецензии на сборники поэзии. Польская пресса живо откликнулась на смерть поэта, назвав его «народным русским певцом, чутким к человеческой несправедливости, сочувствующим горькой участи простого народа».

Я. Орловский с сожалением констатирует недостаточную изученность влияния Некрасова на польскую поэзию и польских читателей. Следует, однако, заметить, что книга польского исследователя существенно восполняет этот пробел, в чем можно видеть одно из ее несомненных достоинств. В поле зрения Я. Орловского входит и другая большая проблема — отношение Некрасова к Польше и польской культуре. Данная проблема представляла и представляет особый интерес для советских некрасоведов⁵.

Теме Польши, польской культуре и литературе в творчестве Некрасова посвящено в последнее время много работ польских исследователей⁶.

польские революционные связи 60-х гг. М., 1960; Бр. Шварце и «Красный Крест Народной Воли». В кн. Революционная Россия и Революционная Польша (2-я половина XIX в.). М., 1967; Бр. Шварце как историк восстания 1863 г. В кн. Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в. М., 1971.

⁵ Наиболее ценной здесь представляется работа Ю. Д. Левина и Г. Б. Рабиновича — Некрасов и первый русский перевод «Мазепы» Ю. Словацкого. «Некрасовский сборник», III, М. — Л., 1960.

⁶ J. Orłowski. Polacy w poezji Niekrasowa. «Przegląd Humanistyczny»,

В статье «Поляки в поэзии Некрасова» говорится об отношении Некрасова к польскому освободительному движению, которое, хотя и не могло проявляться так открыто, как, например, у Герцена, было, тем не менее, отчетливо выраженным, что подтверждается фактами встреч Некрасова с З. Сераковским — в дальнейшем руководителем восстания в Литве, статью которого Некрасов печатал в «Современнике», и с польским литератором Г. Квятковским.

Польские некрасоведы придают большое значение вопросу о происхождении матери Некрасова — Е. А. Закревской. Известно, что сам Некрасов «хотел видеть» свою мать полькой, о чем он говорит в своих автобиографических набросках⁷, в поэме «Мать» и стихотворении «Затворница», в частных беседах⁸.

Биография А. М. Скабичевского⁹, а также собственные свидетельства Некрасова послужили основой для распространенного убеждения в польском происхождении матери поэта, встречающегося и у советских литературоведов. Так, в брошюре «Поэт и палач» К. И. Чуковский называет Некрасова «сыном польки»¹⁰.

Советский ученый В. Е. Евгеньев-Максимов на основании тщательного изучения документальных материалов приходит к выводу, что если Некрасов и считал свою мать полькой, то убеждение это было основано «на семейной легенде»¹¹.

В польском литературоведении до последнего времени вопрос о польском происхождении матери поэта считался решенным¹², причем «уверенность в ее

1971, № 2, s. 170; B. Białokozowicz. Polska i Polacy w poezji rosyjskiej doby powstania styczniowego. «Przegląd Humanistyczny», 1971, № 3.

⁷ Автобиографические наброски, воспоминания и заметки Некрасова. «Литературное наследство», т. 49—50. М., 1949, стр. 139.

⁸ H. Kwiatkowski. Przyczynek do wspomnień o Niekrasowie. «Kraj», 1883, № 49.

⁹ «Литературное наследство», т. 49—50, стр. 180.

¹⁰ К. И. Чуковский. Поэт и палач. Изд-во «Эпоха», Пг., 1922, стр. 11. См. также: И. Н. Кубиков. Поэзия Н. А. Некрасова. Изд-во «Московский рабочий», 1928.

¹¹ В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М. — Л., 1948.

¹² M. Jakóbiec. Niekrasow w oczach Polaków. «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1953, № 5; B. Białokozowicz. Polska i Polacy w poezji rosyjskiej doby powstania styczniowego. «Przegląd Humanistyczny», 1971, № 3; J. Orłowski. Polacy w poezji Niekrasowa. «Przegląd Humanistyczny», 1971, № 2.

польском происхождении, распространенная в литературных кругах благодаря поэзии Некрасова, позитивно отражалась на интересе к его творчеству в Польше и снискала ему среди польских читателей много поклонников»¹³. Той же причиной польские специалисты объясняют и сочувственное отношение Некрасова к Польше, к польскому освободительному движению.

Польский ученый Анджей Цесаж настаивает на русско-украинском происхождении матери поэта¹⁴, соглашаясь с выводами В. Е. Евгеньева-Максимова и объясняя интерес Некрасова к польскому освободительному движению прогрессивными взглядами революционного демократа.

На страницах журнала «Шпеглэнд гуманистyczny» развернулась энергичная

полемика между решительным сторонником версии о польском происхождении Закревской — Я. Орловским¹⁵ и А. Цесажем¹⁶. В рассуждениях Я. Орловского превалирует психологический момент, для А. Цесажа решающим является фактический материал (свидетельства А. Комарницкого, Н. Г. Лукашевич, выписка из метрической книги Успенской церкви).

Работы польских некрасоведов свидетельствуют об актуальности рассмотренной проблематики в исследованиях историко-культурного и литературоведческого характера, в изучении связей между двумя литературами — польской и русской. Вклад польских ученых в изучение этих связей представляется значительным.

Н. С. Назарова

¹³ В. Białokozowicz. Polska i Polacy w poczci rosyjskiej doby powstania styczniowego. «Przegląd Humanistyczny», 1971, № 3.

¹⁴ A. Cesarz. Matka Niekrasowa. «Przegląd Humanistyczny», 1961, № 6.

¹⁵ J. Orłowski. Jeszcze o matce Niekrasowej. «Przegląd Humanistyczny», 1973, № 5.

¹⁶ A. Cesarz. Sporu ciąg dalszy. «Przegląd Humanistyczny», 1973, № 5.

Ю. З. КРУТЬ. *Хліборобська обрядова поезія слов'ян*. Київ, «Наукова думка», 1973

Ю. З. КРУТЬ. *Земледельческая обрядовая поэзия славян*

Рецензируемая работа является крайне своевременной и привлекает особое внимание попыткой изучения земледельческой, преимущественно жатвенной, обрядовой поэзии славян. Несмотря на то, что отмечавшаяся исследователями консервативность обрядовой поэзии, сочетающаяся с ее значительной территориальной вариативностью, дает возможность с успехом применять при ее изучении метод сравнительно-исторического анализа, книга Ю. З. Круть по существу является первым в отечественной науке опытом такого рода описания жатвенных песен славянства в целом. Направление поисков автора представляется глубоко обоснованным. Выявление типов жатвенных песен, выяснение территории распространения жатвенной поэзии в целом, выделение ее общеславянского ядра, описание местных вариантов и разновидностей и установление относительной хронологии тех или иных видов песен, несомненно, было бы чрезвычайно плодотворно и помогло бы в решении ряда важнейших вопросов славистики, в том числе ее основной проблемы — этногенеза славян.

Книга состоит из двух глав: «Земледельческая обрядность и фольклор» и «Отражение семейно-бытовой и социально-исторической действительности в жатвенных песнях». Первая глава посвящена собственно «земледельческой обрядовой поэзии славян» (ср. название книги)

и соответствующим обрядам, вторая — помимо обрядовых песен касается и тех песен, которые не всегда могут считаться обрядовыми, хотя и исполняются во время совершения обряда (к сожалению, при изложении они не отделяются от песен собственно обрядовых). Существование таких песен объясняется тем, что с течением времени календарные обряды теряли свою монолитность и вытягивали в себя лирические песни, баллады, а у русских, по свидетельству И. И. Земцовского, даже былины¹.

Попытка автора рецензируемой работы рассматривать жатвенную поэзию во взаимосвязи с обрядом заслуживает большого внимания, так как необходимость комплексного описания славянской обрядности, осознаваемая рядом ученых, стала насущной потребностью славистики. Эта необходимость внутренне обуславливается изоморфизмом различных уровней обряда: песенного, предметно-действенного и языкового (т. е. терминология обряда), а для трудовых обрядов — и уровня самой трудовой деятельности.

Ю. З. Круть справедливо считает, что обрядовые песни помогают раскрыть

¹ «Поэзия крестьянских праздников». Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, стр. 10.

«сущность, значение или символику самих обрядов» (стр. 34). Однако следует подчеркнуть, что и обряд помогает понять песню точно так же, как песня — обряд. Например, строчки из приводимой Ю. З. Крутем песни постанницы (главное действующее лицо жатвенных обрядов): «Мій сніп осталець поведе постанницю в тавець» (стр. 55) — останутся непонятыми исследователем, которому неизвестен факт существования обрядового танца с последним снопом. В то же время и изучение обрядовой терминологии немислимо без четкого представления как о предметно-действенном уровне обряда, так и о его песенном уровне. Например, названия обрядового снопа «госцік» или «возвода», возможно, поэтического происхождения. Ср. приводимые Ю. З. Крутем строчки из песен об обрядовом венке (функционально это обычно то же, что и обрядовый сноп) и о снопе: «Йдзе госцік нябывалы» (стр. 46), «Мій сніп возвода ходить коло города» (стр. 55). Существование представления об обрядовом снопе (венке) как об именитом госте подтверждается и на предметно-действенном уровне обряда: сноп торжественно несут в дом, помещают к столу, за которым происходит обрядовое угощение и проч. В свою очередь обрядовая терминология — незаменимый источник сведений по мифологии обряда. Кроме того, расчленяя обрядовую действительность на единицы, удобные для номинации, она демонстрирует самые важные, опорные моменты обряда, так как номинации подвергается лишь самое основное.

К сожалению, однако, принцип комплексного описания обрядности в рецензируемой работе осуществляется не всегда и не всегда проводится достаточно строго. Так, например, говоря о купальской поэзии и приводя в качестве примера песню, зовущую идти в «чистое поле жыта сцярач от тыя змеі чыраўніцы, што ў полі заломы заламаіць» (стр. 16), автор, однако, не упоминает о заламах (их делали, в частности, и на Купалу). Зато о них сказано несколько слов на стр. 41, где это явно не на месте. Досадно также, что автор далеко не всегда указывает, какое обрядовое или трудовое действие сопровождается та или иная песня; ведь это и является как раз одним из главнейших условий раскрытия символики обряда (и песни).

Что касается предпринятого в рецензируемой работе описания самих жатвенных обрядов, то здесь кое-что вызывает невольное возражение, хотя в целом эта часть работы читается с большим интересом.

Прежде всего, конечно, трудно согласиться с Ю. З. Крутем в том, что «сама жатва не сопровождалась почти никакими обрядами» (стр. 29). Жатва насыщена табу, а функционально это тот же обряд, но в его негативной форме. Вызывает не-

согласие и трактовка автором зажина как «радостного праздника» (стр. 26). Всем известно, что ручная жатва — изнурительнейшая работа, связанная с колоссальным напряжением физических сил и постоянной боязнью не уберечь урожай. Основная функция зажина — создание благоприятных условий для успешного хода жатвы, и только. Недостаточно обоснованным представляется также утверждение Ю. З. Крутя относительно того, что со временем жатвальные обряды повлияли на самое жатву и каждый раз перед работой тоже стали совершаться какие-то обряды. Вне всякого сомнения, это — исконное состояние по крайней мере для некоторых территорий, и обусловливается оно тем, что конкретные функции жатвальных и жатвенных обрядов чаще совпадают, чем различаются (например, и при жатке и при жатве, как правило, непременно совершают профилактические действия от боли в спине, при дожде же это необязательно).

Хотелось бы также найти в рецензируемой работе более точное описание основного обрядового предмета обженок — пожатвальной бороды (кустика колосьев, оставляемого по окончании жатвы на коршу). Ю. З. Круть говорит о «бороде» следующим образом: «Из последних несжатых стеблей жнецы завязывают, заламывая колоски на запад, так называемую бороду» (стр. 35). Не совсем ясно, почему автором выбран именно этот вариант пожатвальной бороды, ведь сохранилось по крайней мере полтора десятка способов изготовления «бороды». Были и такие, например: делали куклу (Костромская губ.), раскладывали колосья солнышком вокруг нескольких стоящих (Брянская обл.), делали домик (Вологодская губ.), крест (Свердловская обл.) и т. д.

Слишком мало внимания в книге Ю. З. Крутя уделяется обрядам с последним снопом. А между тем обряды с последним снопом — широко распространенное явление (у восточных славян, например, они исполняются преимущественно у белорусов, на русском Севере и в Поволжье). Эти обряды сопровождаются относительно богатой терминологией, которая наряду с другими элементами обрядового действия позволяет реконструировать одну из древних систем славянских верований, связанных с жатвой.

Ю. З. Круть касается в своей работе и этой сложнейшей и интереснейшей темы (жатвенная мифология), но, к сожалению, решает ее несколько поверхностно. Априорное сведение всей массы разнообразных верований к их «первичной, практической, безрелигиозной основе» (стр. 128) ничего не дает исследователю, задача которого в них разобраться, описать их как можно полнее и систематизировать, если это возможно при данном состоянии науки. Игнорирование роли мифологии

приводит иногда автора даже к глубоко ошибочным выводам. Например, объясняя соблюдаемый во многих местах обычай вязать и бить хозяев при дожинках, он пишет: «Даже за этими внешне демократическими отношениями, безобидною игрою не трудно заметить стремление жнецов в рамках обряда посмеяться над своими обидчиками, а то и отомстить им» (стр. 85). Между тем этот обычай, с одной стороны, вне всякого сомнения, связан с обрядом рязания хозяина поля снопом (опоясывание его перевяслом), а с другой, вероятно, — с обычаем бить последний сноп вешком (севернорусское) или даже с молотьюбой (побой, имеющие магическое значение, — вообще часто встречающийся элемент обрядов).

Чрезвычайно важным является поставленный в книге вопрос о христианском влиянии, испытанном славянской урожайной обрядностью. Как известно, пожинательная борода часто сопровождается тем или иным посвящением. Говорят: «борода Илье», «борода Николае», «борода Козьме и Демьяну», «борода богу», «спасова борода» и проч. Автор не без основания считает, что в этом «ощущается влияние церкви, которая стремилась хотя бы таким образом сблизить обжиночные обряды с религией» (стр. 35). Однако отмеченное явление, несомненно, сложнее и не объясняется одним «стремлением» церкви. Так, почему-то великорусы связывают название «бороды» с именами христианских святых или Христа, в то время как у белорусов и украинцев этого нет. Там бороду, как правило, адресуют Спасу (именно «Спасу», а не «Христу»), богу, зверям, птицам и проч. (иногда происходит отождествление пожинательной бороды с бородой какого-либо святого или бога).

Таким образом, та часть работы, которая посвящена обрядности и связи песни с обрядом, несомненно, интересна своей общей направленностью. Обширность и свежесть использованного здесь материала делает ее особенно привлекательной. Однако хотелось бы видеть ее несколько более точной в фактическом отношении и более четкой методически.

Что касается самих песенных текстов, рассматриваемых в книге Ю. З. Крутя, прежде всего следует отметить большое их разнообразие. Но несмотря на то, что факты, которыми располагает автор, дают возможность сделать ряд серьезных обобщений, работа преследует цели скорее описательные, чем собственно исследовательские, причем описание строится в основном на тематическом уровне и не сопровождается, как правило, строгим географическим комментарием. Отдельные наблюдения разбросаны по всей книге и нигде не суммируются. Рассуждения автора нередко уходят в сторону от основной задачи, сформулированной им самим в начале работы: «сравнительно-ис-

торическое изучение богатого песенного фольклорного наследства» (стр. 4). Много сил тратится на доказательство достаточно очевидного тезиса-вывода, которым заканчивается книга: жатвенная поэзия славян «реалистично и высокохудожественно отражает трудовую и духовную жизнь крестьянства, ярко воспроизводя его быт и характер, взгляды и мораль. В ней народ... выкристаллизовал светлые идеалы братства и равенства, свободы и правды» (стр. 119).

Между тем некоторые находки Ю. З. Крутя отличаются несомненной ценностью. Так, например, чрезвычайно заинтересовывает замечание автора относительно того, что у великорусов жатвенных песен, «за исключением, может быть граничащих с Украиной и Белоруссией районов», «почти что не сохранилось» (стр. 61). Строгая проверка этого утверждения наряду с общим уточнением границ распространения собственно жатвенных песен, возможно, открыла бы славистам родину нашей обрядовой урожайной поэзии. Правда, для этого нужно, чтобы рассеялось часто встречающееся заблуждение, будто то, чего мы не находим на данной территории, непременно там когда-то было.

Ю. З. Крутя говорит о распространенности жатвенных песен после цитаты из работы Копержинского, который считал, что великорусская урожайная обрядность (как южнославянская и чешская) подверглась наибольшей нивелировке, и подводит, таким образом, читателя к мысли, что отсутствие песен есть черта новейшая. Но изучение предметно-действенного уровня великорусской урожайной обрядности не подтверждает этой гипотезы Копержинского, ибо, если считать древнейшими общеславянские элементы обряда, то у великорусов сохранились почему-то именно они (прежде всего явное преобладание обряда завивания бороды перед всеми остальными), а не что-либо другое.

Как известно, наряду с обрядовым пением были распространены и другие формы речевого поведения участников обряда (молчание, брань, произнесение заговоров и проч.). Вполне возможно, что у разных славянских народов издавна сложились разные традиции этого обрядового речевого поведения, и прежде чем говорить о большей или меньшей древности той или другой из них необходимо их выявить и проанализировать с помощью метода картографирования.

Необходимо подчеркнуть, что недооценка автором важности географического аспекта описания фольклорного материала крайне усложняет интерпретацию этого материала, делая ее часто поверхностной и необидительной.

В заключение нужно сказать несколько слов о приложении к работе Ю. З. Крутя, занимающем треть объема кни-

ги. Сюда вошли тексты обрядовых жатвенных песен разных славянских народов (украинские, белорусские, великорусские, польские, чешские, моравские, словацкие, болгарские, сербохорватские, македонские). Можно искренне поблагодарить автора за то, что он впервые дает возможность заинтересованному читателю познакомиться с жатвенными песнями славян, разбросанными по многочисленным, часто труднодоступным источникам. Жаль только, что принципы отбора песен не оговорены специально. Это было бы очень интересно и полезно.

Некоторая диспропорция в развитии отечественной этнографической науки, выражающаяся в преобладании обобщаю-

щих работ по материальной культуре славян и определенном недостатке соответствующих работ по духовной культуре, нуждается в скорейшем преодолении: только сравнение показаний обеих областей традиционной культуры обеспечит возможность правильного решения ряда важнейших вопросов славистики. Надо надеяться, что книга Ю. З. Крутя, касающаяся серьезных проблем славянской фольклористики и этнографии, явится толчком для дальнейших и более интенсивных, чем до сих пор, исследований в области духовной культуры, в том числе обрядности и обрядовой поэзии славян.

О. Терновская

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1974 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Антоенко В. Общие закономерности строительства социализма и своеобразие их проявления в разных странах. «Под знаменем ленинизма», Киев, 1974, № 18.

Валев Л. Б. 30 лет социалистической Болгарии. Вопр. истории, 1974, № 9.

Васильев Н. Критика буржуазных взглядов по проблемам развитого социализма. Вопр. экономики, 1974, № 10.

Вылов Т. Тридцатилетие социалистической революции 9 сентября и развитие Народной Республики Болгарии. Вопр. философии, 1974, № 10.

Грабовский А. П. Изменения в социально-классовой структуре общества при социализме. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Добрев К. Болгария на пути строительства развитого социалистического общества. Вопр. экономики, 1974, № 9.

Жиданов А. И. Взаимосвязь общего, особенного и единичного в социалистическом строительстве и современный ревизионизм. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Киселев В. П. Основной критерий общественного прогресса и развитой социализм. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Михайлов И. Три десятилетия по пути социализма (30-летие социалистической революции в Болгарии). «Коммунист Украины», Киев, 1974, № 9.

Михайлов С. Верность марксизму-ленинизму — залог наших побед (30-летие социалистической революции в Болгарии). Полит. самообразование, 1974, № 9.

Народная Республика Болгария за 30 лет. Вестн. статистики, 1974, № 9.

Петров В. С. Социализм и интернационализм. Вопр. философии, 1974, № 9.

Пугачев Б. М. О производительных силах коммунистической формации. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Рейковский Я. Личность в перспективе научно-технической революции. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

Ситинский А. Стиль жизни в социалистическом обществе. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

Успенский А. А. В. И. Ленин и развитие мировой системы социализма. В кн. Вопросы экономической истории СССР в трудах В. И. Ленина. М., 1974.

Хлебников И. Б. К вопросу о политических отношениях в условиях социализма. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Шнайдер В. Некоторые теоретические проблемы анализа классовых отношений в социалистическом обществе. В кн. Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1974.

Шепаньский Я. Система обучения и модель социалистической личности. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

Ярошевский Т. Социально-моральные аспекты научно-технической революции. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

Ясиньска А., Семиньска Р. Социальная активность как важнейшая черта социалистического типа личности. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Басиньский Э. Помощь СССР в развитии западных и северных земель Народной Польши. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Важнейшие нормативные акты социалистических государств по вопросам международных отношений, опубликованные в 1971 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1972. М., 1974.

Макар Ю. У. Польша Народная Республика на международній арені (1944—1974 рр). Укр. іст. журн., Київ 1974, № 9.

Фельдман Д. М. О системном исследовании международных отношений социалистических стран. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Ягодовский Л. Сотрудничество — важный фактор строительства социализма и коммунизма. «Коммунист», 1974, № 15.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

Алампиев П., Корминов Ю., Максиковский В. Структуры народного хозяйства и интеграция социалистических стран. Вопр. экономики, 1974, № 9.

Алексеев А. Рычаг интеграции (Деятельность СЭВ за 25 лет). «Знамя», 1974, № 10.

Алямовский Е. В. К вопросу о сущности производственной кооперации при социализме. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Ангели А. Международная социалистическая интеграция — важный фактор экономического роста. «Коммунист Молдавии», Кишинев, 1974, № 5.

Андраши Д. Снабженческо-бытовые органы стран — членов СЭВ. Материально-техн. снабжение, 1974, № 9.

Атлас М. С. Кредит в системе экономических отношений развитого социализма. «Деньги и кредит», 1974, № 10.

Бакалейко С. Развитие экономического сотрудничества стран СЭВ в области сельского хозяйства на пути социалистической интеграции. Экономика Сов. Украины, Киев, 1974, № 9.

Бауман Л., Тарасов Л. Развитие экономики стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 9.

Башин М. Л. СЭВ — 25 лет. Международный симпозиум ученых и специалистов стран — членов СЭВ. (Научно-техническая революция в социальном прогрессе, Москва. Январь — февраль 1974 г.) Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 5.

Баутина Н. В. К вопросу методологии совместной плановой деятельности. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 5.

Божинев Т. Принципы территориального управления (в промышленности НРБ). Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1974, вып. 5.

Боринець С. Я. Науково-технічне співробітництво СРСР з країнами — членами РЕВ — важливий фактор зближення соціалістичних націй. В кн. Економічні проблеми розвитку і зближення соціалістичних націй. Київ, 1974.

Вечержа Б. Двадцать пять лет строительства и развития социалистического сельского хозяйства в ЧССР. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 5.

Власкин Г. А., Симановский С. И. Внедрение научно-технических достижений в Народной Республике Болгарии. Вопр. изобретательства, 1974, № 10.

Ворбьев В. Дальнейшее развитие деятельности Международного инвестиционного банка. Внешн. торговля, 1974, № 10.

Воробьев В. А. Комплексная программа социалистической экономической интеграции и Международный Инвестиционный банк. «Деньги и кредит», 1974, № 9.

Врачев И. Туризм — мост дружбы. (Международный туризм в НРБ.) Охрана труда и соц. страхование, 1974, № 9.

Гарбар М. И. 25 лет со дня основания Совета Экономической Взаимопомощи. Хим. промышленность, 1974, № 10.

Гаспарян С. Социалистическая интеграция и международное сотрудничество. Вопр. и ответы, Рига, 1974, № 18.

Горизонтов В. Сотрудничество стран СЭВ в охране окружающей среды и использовании природных ресурсов. Вопр. экономики, 1974, № 9.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1973 г. «Деньги и кредит», 1974, № 9.

Дзыза О. А. Критика буржуазных теорий социалистической экономической интеграции. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Дудин Г. А. О социальной противоположности социалистической и капиталистической экономической интеграции. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 6. 1974.

Дякин Б., Панков Б. Аграрно-промышленные комплексы стран — членов СЭВ и возможные перспективы их развития. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 5.

Евстафеев С. В. Сотрудничество социалистических стран в области капитального строительства. Пром. стр-во, 1974, № 10.

Зверев А. Ф. Праксеология как направление исследований проблем научной организации труда и управления в Польше. В кн. Роль инженерно-технических работников в создании материально-технической базы коммунизма. Воронеж, 1974.

Золоев В. Крешет сотрудничества стран СЭВ. 40-е заседание Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле. Внешн. торговля, 1974, № 10.

Иванчев Б. Организация внешней торговли Болгарии. Внешн. торговля, 1974, № 9.

Иовчук С. М. Способы экономического анализа мероприятий научно-технического сотрудничества. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 5.

Конев Ю. В. Значение научно-технического сотрудничества в развитии стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы научного коммунизма, вып. 6. М., 1974.

Костова В. Совершенствование финансирования и кредитования капитальных вложений в Народной Республике Болгарии. В кн. Финансовые вопросы совершенствования планирования и экономического стимулирования в строительстве. М., 1974.

Кулигин П. Общие черты и особенности в организации и совершенствовании управления народным хозяйством в социалистических странах. Экон. науки, 1974, № 10.

Лабецкий О. Б. Международная научная конференция «XXV лет СЭВ — итоги, задачи, перспективы» (Москва, апрель 1974 г.). «Новая и новейшая история», 1974, № 5.

Ладыгин Б. Движущие силы социалистической интеграции. (К итогам XXVIII сессии СЭВ.) Междунар. жизнь, 1974, № 9.

Литвяков П. Совместное планирование: предпосылки, содержание и принципы. План. хоз-во, 1974, № 9.

Лойко Л. В. Промышленное развитие ПНР в 1950—1955 гг. В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974.

Недев И. Экономическое сотруд-

ничество с СССР — могучий фактор подъема болгарской экономики. Внешн. торговля, 1974, № 9.

Ніколенко І. С. Соціалістична інтеграція — важливий напрям підвищення ефективності виробництва і добробуту трудящих. В кн. Економічні проблеми розвитку і зближення соціалістичних націй. Київ, 1974.

Николов И. Программы и цели в системе социального управления. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1974, вып. 5.

Мадаш А. Задачи защиты окружающей среды в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1974, № 5.

Марчев Б. Организационные основы аграрно-промышленного комплекса «Карнобат». Междунар. с.-х. журн., 1974, № 5.

Машпихи Е. О работе по сопоставлению показателей развития народного хозяйства стран — членов СЭВ. Вестн. статистики, 1974, № 9.

О 25-летию Совета Экономической Взаимопомощи. Постановление юбилейной сессии СЭВ. Внешн. торговля, 1974, № 9.

Панасенко А. Ф. К 25-летию Совета Экономической Взаимопомощи. «Атомная энергия», 1974, т. 37, вып. 4.

Перельман М. Г. Экономическое стимулирование в строительстве стран СЭВ. Экономика стр-ва, 1974, № 10.

Пивоваров Ю., Стронгина М. Урбанизация и регулирование систем расселения. Работа II советско-польского семинара по урбанизации (Москва — Ленинград, июль 1974 г.). Вопр. экономики, 1974, № 10.

Поляк П. М. Некоторые количественные характеристики территориальной концепции машиностроения европейских стран СЭВ. (Географические аспекты социалистической экономической интеграции в машиностроении.) Вестн. Моск. ун-та. География, 1974, № 4.

Промский Н. И. Использование принципов хозяйственного расчета в конкретных формах совместной плановой деятельности. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1974, № 5.

Птичкин Н. XXVIII сессия Совета Экономической Взаимопомощи. Внешн. торговля, 1974, № 10.

Семенова А. Сотрудничество стран — членов СЭВ — важный фактор ускорения научно-технического прогресса. Сельск. стр-во, 1974, № 7.

Сергеев С. Д., Михеев С. В. Экономика и внешняя торговля Болгарии за 30 лет. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1974, 3 сент., № 105.

Сорокин О. С. Координация народнохозяйственных планов — важная форма экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы финансов и финансов отраслей народного хозяйства. М., 1974.

Степанов В. И. Критика теории конвергенции двух мировых социально-экономических систем. В кн. Проблемы и противоречия современной капиталистической экономики. М., 1974.

Токарева П. А., Петросян Р. А. Многостороннее экономическое и научно-техническое сотрудничество социалистических стран в 1971 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1972. М., 1974.

Усманова Х. О развитии экономических связей Узбекистана с Польшей. (В 1966—1970 гг.) Обществ. науки в Узбекистане, Ташкент, 1974, № 6.

Фомин В. В., Данилов Е. А. Правовые формы организации и деятельности СЭВ. Сов. государство и право, 1974, № 9.

Цедилин Л. И. Совершенствование народнохозяйственного планирования и прогнозирования в странах СЭВ. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Чернышев В. В. Совершенствование анализа внешнеторгового оборота стран СЭВ на основе межотраслевого баланса. В кн. Вопросы развития и сотрудничества социалистических стран, ч. 2. М., 1974.

Шанина В. Влияние транспортного фактора на размещение экспортных производств в странах — членах СЭВ. План. хоз-во, 1974, № 9.

Шанина В. Проблемы рационализации транспортно-экономических связей стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 10.

Шевченко Е. А. Некоторые положения и принципы организации аграрно-промышленных комплексов в Болгарии. В кн. Социально-экономические проблемы аграрно-промышленного синтеза. Ростов н/Д, 1974.

Шепелюк Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии легкой промышленности. Экономика Сов. Украины, Киев, 1974, № 9.

Штрогал Л. Международное значение экономических успехов социализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 9.

Щербakov В. Я. О сотрудничестве социалистических стран в селекции и генетике. Вестн. с.-х. науки, 1974, № 9.

Экономическая интеграция и мировой революционный процесс. Международная теоретическая встреча. (Обзор материалов международной встречи на тему «Социалистическая и капиталистическая экономические интеграция и некоторые проблемы марксистско-ленинской стратегии и тактики».) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 9.

Юруков Д. По ленинскому кооперативному плану (Развитие социалистического сельского хозяйства Болгарии за 30 лет). Междунар. с.-х. журн., 1974, № 5.

Яворски В. Проблемы финансирования и кредитования капитальных вложений в Польской Народной Республике. В кн. Финансовые вопросы совершенствования планирования и экономического стимулирования в строительстве. М., 1974.

4. Коммунистические партии социалистических стран

Варела Т., Квиатовски Г., Волков А. Бастоны социализма. Об опыте прямых контактов ЦК ПОРП с коллективами 164 крупных предприятий. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 10.

Липтак Я., Шпичак М. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за армию в 1945—1948 гг. Воен. ист. журнал, 1974, № 10.

5. Государственное строительство. Право

Александрова К. И. Правовое регулирование тайм-чартера по законодательству СССР, НРБ и ПНР. Труды Центр. науч.-исслед. ин-та мор. флота, 1974, вып. 188.

Боброва Д. В. Система зобов'язань із правопорушень у цивільному законодавстві Польської Народної Республіки. Вісн. Київського ун-ту. Сер. права, 1974, № 15.

Видершиль С. Тенденции развития рабочего класса и его ведущая роль в период социалистического строительства в Польше. В кн. Ведущая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1974.

Добровольская Д. Ценность труда для личности в Народной Польше. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

Дорохова Г. А. Международная конференция по проблеме «Процесс создания и совершенствования социалистического права» (Варшава, май 1974 г.). Сов. государство и право, 1974, № 10.

Захаров М. Л. Роль социальных служб в системе социального обеспечения социалистических стран: тенденции и перспективы. Вопр. соц. обеспечения, 1974, вып. 6.

Косев К. Тридцать лет на страже социализма. (30-летие Болгарской Народной армии.) Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 18.

Кропикал М. Ленинское решение национального вопроса в Чехословакии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 7.

Литература социалистических стран по международному праву (1971 г.). В кн. Советский ежегодник международного права, 1972. М., 1974.

Лукс Ян. Чехословацкой Народной армии — 30 лет. Тыл и снабжение Сов. Вооруж. Сил, 1971, № 9.

Мартынич Е. Г. Роль прокуратуры ПНР в изучении и предупреждении причин преступности. Вопр. борьбы с преступностью, 1974, вып. 21.

Подзимек В. Славные традиции.

К 30-летию чехословацкой Народной армии. Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 19.

Суфин З. Активность личности и реализации общесоциальных целей в Польше. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. Москва — Варшава, 1974.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Александрова Л. Н. Социально-экономическое расслоение чешского крестьянства накануне революции 1848—1849 гг. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Арутюнян К. А. Войны армяне в боях за Братиславу (25 марта — 4 апреля 1945 г.). Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1974, № 9.

Баженов Л. В. Политические течения в польском восстании 1831 г. на Правобережной Украине. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Барбасов А. П. Некоторые вопросы истории вооруженной освободительной борьбы болгарского народа конца XVIII — 70-х годов XIX в. в советской историографии. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Билуцов Б. Н. К истории «Болгарской дружины» — организации болгарских студентов в Московском университете. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Большакова К. В. Вопросы польско-советских отношений межвоенного периода на страницах польского серийного издания. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Бортиков А. И. Русские офицеры и солдаты в деле Ш. Конарского и А. Н. Кузьмина-Караваева (К вопросу о тайном обществе «L'Humanite»). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Бычкова М. Е. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Вагина М. М. Предпосылки распространения экономических идей марксизма в Болгарии. В кн. Вопросы истории экономической мысли и развития советской экономики. М., 1974.

Васюта И. К. Аграрное перенаселение и положение сельскохозяйственного пролетариата Западной Украины в 20—30-х годах XX в. В кн. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974.

Виноградов В. И. Боевое содружество народов России и Балкан во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В кн. Центральная и Юго-

Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Владимирская В. И. Георгий Кирков — выдающийся политический деятель болгарского революционного рабочего движения. Вестн. Моск. ун-та. История, 1974, № 5.

Вовк Ю. И. Становище трудящей молодежи Західної України (1921—1928 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1974, вип. 10.

Вознесенский В. Д. Девятое сентября 1944 г. в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1974, № 4.

Волков В. К. Англо-франко-советские переговоры 1939 г. и их отражение в югославских дипломатических документах. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Вялова С. О. Из истории общественно-политического движения в Словакии в 60-х годах XIX в. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Гарчев П. I. Чехословацка Червона гвардія і Червона Армія у боротьбі за владу Рад на Україні на початку 1918 року. «Питання історії СРСР», Харків, 1974, вип. 17.

Гейштор А. Этническая и региональная общность в польском средневековье (XII—XIV вв.). В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Гибянский Л. Я. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Глічов І. О. Відношення Громадської думки Росії до Балканських воєн (1912—1913 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1974, вип. 10.

Гнедков В. Н. Подготовка фашистской Германии к использованию иностранной рабочей силы в германской военной экономике. «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1973, сб. 2.

Горанин Э. Киевская летопись XII в. в польской историографии. Вопр. истории, 1974, № 9.

Грачев В. П. История Первого сербского восстания 1804—1813 гг. в собрании В. Богишича. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Гринберг С. С. Болгарские фабрики в период национального возрожде-

ния. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Гроссман Ю. М. О расслоении крестьян русского и Белзского воеводства в XVII в. В кн. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974.

Гросул В. Я. Деятели польского освободительного движения в Юго-Восточной Европе (Первая половина 60-х годов XIX в.). В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Гросул В. Я. О балканских связях русских «якобинцев» (70-е годы XIX в.). Балк. ист. сборник, Кишинев, 1974, № 4.

Грыцкевич А. П. Кіраванне прыватнаўладальніцкіх гарадоў Беларусі без магдэбургскага права (XVI—XVIII стст.). Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1974, № 4.

Данилова Н. П. Босния и Герцеговина в период Первого сербского восстания (Некоторые вопросы историографии). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Димитров Г. Помощь Советских Вооруженных Сил болгарской Народной армии в 1944—1945 гг. Воен.-ист. журн., 1974, № 9.

Достян И. С. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Достян И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. Балк. ист. сборник, Кишинев, 1974, № 4.

Дьяков В. А. О социальном облике и классовой сущности польского освободительного движения 30—40-х годов XIX в. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Зуев Ф. Г. Советско-польские отношения накануне и в период европейского кризиса 1938 г. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945 М., 1974.

Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Отношение России к турецким реформам в Болгарии (1856—1866 гг.). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Иванова О. Е. Аграрный вопрос в Польше во второй половине XVIII в. в оценке Ст. Сташица. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Инкин В. Ф. Двориче и лан в королевских имениях Галичины в XVI—XVIII вв. В кн. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974.

Інкін В. Ф. Пережитки волосної альменди і їх значення в боротьбі королівських селян Галичини проти шляхти в XV—XVIII ст. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1974, вип. 10.

Ионова Г. И. Наемные рабочие и ремесленники в восстании 1863 г. в Литве и Белоруссии. В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974.

Кацнельсон Д. Б. К истории участия славян в венгерской революции 1848—1849 гг. (По материалам львовских архивов). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Кирьянов Ю. С. Болгаро-германские дипломатические переговоры (октябрь 1938—март 1939 г.). «Балкапы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1973, сб. 2.

Климовский Д. С. Апология сближения нацистской Германии и санационной Польши в 1934—1938 гг. Реакционной историографией. В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974.

Коваль С. Ф. К истории первого заговора освобождения Н. Г. Чернышевского. В кн. Ссылные революционеры в Сибири (XIX в.—февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск, 1973.

Ковальский В. Т. Борьба Советского правительства за установление границы по Одре и Нисе Лужицкой. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Ковкель И. И. Польско-литовский конфликт и белорусские буржуазные националисты (Октябрь 1920—март 1923 гг.). В кн. Вопросы истории. Вып. I. Минск, 1974.

Колева Т. О некоторых особенностях революционного процесса в Болгарии в 1917—1923 гг. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 7.

Колевски В. Борьба Димитра Благоева за новый общественный и эстетический идеал. «Нева», 1974, № 9.

Коллотти Э. Балканы во внешней политике фашистской Италии. (Обзор исследований и документов). В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Копашева М. И. Антимилитаристское движение чешской молодежи перед первой мировой войной. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Кравець М. М. Джерела з історії селянського руху у Східній Галичині в другій половині XIX ст. «Архіви України», 1974, № 4.

Кравченко В. Г. До питання про розвиток нафтової промисловості на західноукраїнських землях (Середина XIX ст.— до 1939 року). «Питання історії СРСР», Харків, 1974, вип. 17.

Красновская Н. А. Славяне Южной Италии. В кн. Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.

Крижанівська В. В. Вплив класової боротьби на Правобережій

Україні на внутрішню політику уряду Речі Посполитої. (Кінець XVII—60-ті роки XVIII ст.). Вісн. Київського ун-ту. Сер. історії, 1974, № 16.

К р о п и л а к М. Международная конференция историков, посвященная 30-летию Словацкого национального восстания. История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 7.

К р о п и л а к М. 30 лет Словацкого национального восстания. Полит. самообразование, 1974, № 9.

К а з а к Б. Советская помощь Польше на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Вопр. истории, 1974, № 7.

К у з ь м і н С. О. «Archivski vjesnik» («Архивний вісник») Щорічне видання архівних установ Союзної Республіки Хорватії). Загреб, 1972, № 15. «Архіви України», 1974, № 3.

К у к у р у д з я к М. Г. До питання про колоніальний характер політики Австро-Угорщини щодо Буковини. (Кінець XIX — початок XX ст.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1974, вип. 19.

К у м а п е ц к и й Е. К вопросу о реализации статьи у Рижского мирного договора. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Л а н т е в а Л. П. История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Л е с у р о в Э. И., Стецкевич С. М., Я к у б с к и й В. А. Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран. Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 14. История, яз., лт., вып. 2.

Л е с а р т И. Живы заветы Словацкого национального восстания. Парт. жизнь, 1974, № 18.

Л е н а р т И. Ленинизм и уроки Словацкого восстания. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1974, № 8.

Л е н а р т И. Неиссякаемый источник. (30-летие вооруженного восстания словацкого народа против фашизма). «Новое время», 1974, № 34.

Л е щ и л о в с к а я И. И. Планы государственного объединения южных славян. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Л е щ и л о в с к а я И. И. Хорватский вопрос в первые месяцы революции 1848 г. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Литература по балканским проблемам, вышедшая в СССР (1970—1972). В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Л и ш е в С. Н. Географіята на Идриси като исторически извор за българските градове през XII в. Антич. древност и средн. века, Свердловск, 1973, сб. 10.

Л о в м я н ь с к и й Г. Роль рыцарских орденов в Прибалтике (XIII—XIV вв.). В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Л я л ь к а Я. С. Борьба Коммунистической партии Западной Украины за освобождение Эрнста Тельмана (1933—1935 гг.). В кн. Ежегодник германской истории. 1973, М., 1974.

Л я ш е н к о Л. Г. Про навчання на Україні молоді з південнослов'янських країн (50—70-ті рр. XIX ст.). Укр. іст. журн., 1974, № 6.

М а к а р о в а Г. В. Поездка делегации трудящихся Польши в СССР (1929 г.). В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

М а к а р ч у к С. А. Социально-экономичне становище робітничого класу Прикарпаття 20—30 рр. XX ст. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1974, вип. 10.

М а н у к я н Н. Собрание славянских и русских рукописей Матенадарана. Вестн. архивов Армении, Ереван, 1974, № 1.

М а р а ш Я. Н. Положение крестьян в монастырских владениях католической церкви западных районов Белоруссии второй половины XVIII в. В кн. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974.

М а т у л а В. Политическая агитация Н. А. Шевелева среди словаков осенью 1868 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

М а т у л а В., Р о к о с к и О. Знаменательная страница в истории Чехословакии (К 30-летию Словацкого национального восстания). Коммунист Вооруж. Сил, 1974, № 16.

М е л ь ц е р Д. Б. К вопросу об установлении советско-болгарских дипломатических отношений в 1934 году. Вестн. Беларус. ун-та. Гісторыя, філасофія, навук, камунізм, эканоміка, права, Мінск, 1974, № 2.

М е л ь ц е р Д. Б. Советско-болгарские отношения в период правления правительства Народного блока (1931—1934 гг.). В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974.

М и л л е р И. С. «Восстание 1863 г. (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов). В кн. Археологический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

М и н ц Л. Чешская этническая группа в населении Новороссийского района (Краснодарский край РСФСР). В кн. Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.

М и т и н а Н. П. К вопросу об идеологии участников польского национально-освободительного движения 30-х годов XIX в. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Михайленко В. И. Политика фашистской Италии на Балканах в период советско-финской войны (30 ноября 1939—12 марта 1940 г.). «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1973, сб. 2.

Михутина И. В. Советско-польский пакт о ненападении и внешняя политика Польши в 1931—1932 гг. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Мохов Н. А. Молдавский торговый путь в XIV—XV вв. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Мунтян М. А. Обсуждение дунайской проблемы на завершающем этапе мирного урегулирования с Болгарией, Венгрией и Румынией. Балк. ист. сборник, Кишинев, 1974, № 4.

Мыслинский К. Бранденбург, крестоносцы и потеря Польшей Западного Поморья. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Наукові симпозіуми та зустрічі радянських і польських істориків у Польщі. Укр. іст. журн., 1974, № 6.

Науменко Я. П. Польские ученые о Белоруссии (первая половина XIX в.). Вопр. истории. Минск, 1974, вып. 1.

Наумов Е. П. К истории социальных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Ненашева З. С. Вопрос о славянском банке и художественно-промышленной выставке на Пражском съезде 1908 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974.

Неупокоев В. И. Государственная деревня Литвы накануне реформы П. Д. Киселева. (По данным ревизии А. Ф. Арцимовича). В кн. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., 1974.

Неупокоев В. И. Преобразование беспоместной шляхты в Литвы в податное сословие однодворцев и граждан (Вторая треть XIX в.). В кн. Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974.

Николайшвили Н. Г. Грузинская газета «Дрозда» о национально-освободительной борьбе польского народа. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Озолин А. И. Историки ГДР о гуситском революционном движении. В кн. Историографический сборник. Вып. 2. Саратов, 1974.

Ольшанский П. Н. О советско-польских торгово-экономических связях в 1921—1924 гг. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Ойматов Х. Антианалоговая борьба крестьянства Болгарии в 1930—1934 гг. В кн. Таджикский университет им. В. И. Ленина. Сборник работ аспирантов (Ист. науки). Душанбе, 1974.

Павлов Т. Итоги победоносного сентября. «Коммунист», 1974, № 13.

Писарев Ю. А. Великие державы и Черногория в годы первой мировой войны. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Писарев Ю. А. Революционная Россия и югославянские народы в 1917—1918 гг. В кн. Исторические записки. 93. М., 1974.

Письма Розы Люксембург германским социал-демократам (1901—1917 гг.). В кн. Ежегодник германской истории. 1973. М., 1974.

Поглубко К. А., Степанова Л. И. О распространении русского языка и литературы среди болгар в XIX в. (По неопубликованной рукописи П. Д. Драганова). Балк. ист. сборник, Кишинев, 1974, № 4.

Поплыко Д. Ф. Васо Пелагич. Путь от просветительства к революционности. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Ратнер Н. Д. О проекте австро-чешского соглашения 1871 г. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974.

Рашба Н. С., Авербух С. И. Армяне на польской дипломатической службе в XVI—XVII веках. Ист.-филол. журн., Ереван, 1974, № 2.

Руссоцкий С. Мазовецкая государственность в период феодальной раздробленности (XIII—XVI вв.). В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Рябокоть С. И. Позиция Малой Антанты в период переговоров о «пакте четырех». «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1973, сб. 2.

Самсонович Г. Гордое самоуправление в истории Польши периода феодальной раздробленности. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Сахарчук И. М. Борьба депутатов-коммунистов у польскому сеймі проти окупаційної політики буржуазно-поміщицького уряду в Західній Україні (1928—1930 рр.). Укр. іст. журн., 1974, № 6.

Свисткова Л. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша. Научн. труды Моск. ин-та междунар. отношений, 1973, вып. 4.

Серчик В. События Октябрьской революции в исторической литературе Народной Польши (1967—1972). История Великой Октябрьской соц. революции, 1974, № 7.

Синица В. И. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и восточный вопрос. В кн. Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974.

Скржинська М. В. Перші писемні свідчення про слов'ян. Укр. іст. журн., 1974, № 6.

Слесорюнас Ф. Ю. Общество мезеров в Вильнюсском университете

(1830 г.). Труды АН ЛитССР. Обществ. науки, 1974, № 2.

Стецкевич С. М. Социалистическая пропаганда среди рабочих Королевства Польского в 1883—1895 гг. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974.

Стецкевич С. М., Якубовский В. А. Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой (К вопросу об истоках марксистской концепции). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Страшимиров К. Болгаро-русские медицинские связи во время пятилетнего турецкого ига в Болгарии. Сов. здравоохранение, 1974, № 6.

Табачников Б. Я. Забастовочное движение в Королевстве Польском в период дореволюционного подъема 1910—1917 гг. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974.

XXX—річчя Словацького Народного повстання. «Всесвіт», Київ, 1974, № 8.

Фалькович С. М. Польская эмигрантская печать в Бельгии в период восстания 1863—1864 гг. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. 1974.

Фишер И. Р. Аграрные реформы на территории Словакии в период просвещенного абсолютизма (Историографический обзор). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Флоря Б. Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Фомін Ю. Ю. Рух на Україні на підтримку південних слов'ян під час сербсько-чорногоро-турецької війни 1876 г. Укр. іст. журн. 1974, № 6.

Хевролина В. М. Славянский вопрос и идеологи русского революционного движения в конце 60-х начале 70-х годов XIX в. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Хек Р. Феодалная раздробленность в Силезии. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Хитрова Н. И. Социальные основы освободительного движения в Черногории (Конец XVIII в.—1878 г.). В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Хьюупек Б. Словаки з катакомб. «Всесвіт», Київ, 1974, № 8.

Хрепов И. А. Коммунистическая рабочая партия Польши в борьбе за нормализацию польско-советских отношений (1918—1921 гг.). В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Цанкова-Петкова Г. Българо-византийските отношения според мирните договори от края на VII до началото на IX в. Антич. древност и средн. века, Свердловск, 1973, сб. 10.

Чемпалов И. Н. Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март — июнь 1939 г.). «Балканы и Ближний Восток в новейшее время» Свердловск, 1973, сб. 2.

Черній А. І. Соціально-економічні перетворення в Болгарії в перші роки соціалістичного будівництва (1944—1947 рр.). Укр. іст. журн., 1974, № 8.

Шаферова Л. А. Средневековый город Болгарии в современной болгарской историографии. В кн. Вопросы всеобщей истории. Вып. 4. Красноярск, 1973.

Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири. В кн. Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.—февраль 1917 г.). вып. I. Иркутск, 1973.

Шостакович Б. С. Поляки — политические ссыльные конца 70-х начала 90-х годов XIX века — в Сибири. В кн. Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.—февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск, 1973.

Штакельберг Ю. И. Некоторые результаты изучения сфрагистики польского восстания 1863—1864 гг. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Шераков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907—1917 гг.). В кн. Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в.—февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск, 1973.

Юргинис Ю. М. Польское «ополе» и литовский «лаукас». В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Юровський В. М. Братерска допомога словацькому народові (До 30-річчя Словацького національного повстання). Укр. іст. журн., 1974, № 8.

Яблонський Г. Путь Польши к независимости и социализму. (К 30-й годовщине Манифеста Польского комитета национального освобождения). «Новая и новейшая история», 1974, № 4.

Яжборовская И. С. О некоторых аспектах влияния Октября на содержание, направление и формы классовой борьбы в Польше (1918—1923 гг.). В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Яжборовская И. С., Евзеров Р. Я. Роза Люксембург. «Новая и новейшая история», 1974, № 5.

Язкова А. А. Малая Антанта и итало-фашистская экспансия в Юго-Восточной Европе после прихода к власти Муссолини. В кн. Международные отношения на Балканах. М., 1974.

Якубский В. А. К вопросу о методике определения численности городского населения в Польше XVI—XVII веков. В кн. Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974.

2. *Культура и наука*

Аврамов Д. Златю Бояджиев — классик болгарского искусства. «Искусство», 1974, № 9.

Арсенов С., Румянцев В. П., Иванов В. Б. Некоторые особенности прогнозирования развития МСНТИ. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Архитектура социалистической Польши. «Архитектура СССР», 1974, № 10.

Атанасов П. 30 лет книге Народной Республики Болгарии. «Полиграфия», 1974, № 9.

Афанасьев Г. Д., Росицкий И. Б. Плодотворное сотрудничество. Первое присуждение совместных премий академии наук СССР и ЧССР. Вестн. АН СССР, 1974, № 7.

Бабич Ю. Польские путешественники и исследователи Сибири. В кн. Международный конгресс по истории науки, 13-й. Москва. 1971. Тр. Секция 8. М., 1974.

Бадамянц Э. Б., Зверьков Б. А., Кутина Г. К. и др. К вопросу о создании и развитии автоматизированной службы регистрации периодических изданий. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Байкакова И. Н. Создание и развитие международной системы научной и технической информации стран — членов СЭВ. В кн. Современный этап экономического и научно-технического развития социалистических стран. М., 1974.

Бадалич Й. «Двенадцать» А. Блока в переводах югославских поэтов. В кн. Исследование по славянской филологии. М., 1974.

Балаж О. Политехническое образование, трудовое воспитание и профессиональная ориентация. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 2. М., 1974.

Баракловская Ем. Очаг художественного воспитания детей. Дет. лит., 1974, № 9.

Белозорова О. М. Реализм Й. Тайовського й українська література (Типологічні аспекти вивчення). Рад. літературознавство, Київ, 1974, № 9.

Белый Ю. А., Гудыма А. П. Николай Коперник и его роль в развитии вычислительных средств. В кн. Наука и техника (Вопросы истории и теории). Вып. 8. Ч. 2. Л., 1973.

Беранек Я. «Альбатросу» — 25 лет. Дет. лит., 1974, № 8.

Богданов Ю. В. Основные направления и перспективы совместной работы (Сотрудничество чехословацких и советских литературоведов). Вестн. АН СССР, 1974, № 10.

Булаховська Ю. Л. До пробле-

ми вивчення російсько-польських та українсько-польських літературних взаємин. В кн. Співдружність літератур і сучасна ідеологічна боротьба. Київ, 1974.

Бэлза И. Ф. Коперник и польская культура. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 2—3 (47—48). М., 1974.

Валеров В. А. Из опыта работы Ленинградской партийной организации по интернациональному воспитанию студентов из стран социалистического содружества (1966—1971 гг.). В кн. Некоторые вопросы национальной политики КПСС. Л., 1974.

Васьневский Е. Польский плакат. «Творчество», 1974, № 7.

Вачнадзе Г. Информация сближает народы. «Журналист», 1974, № 10.

Вендровская Р. Международный семинар ученых социалистических стран по политехническому образованию (Москва, 28 мая — 2 июня 1974 г.). Сов. педагогика, 1974, № 9.

Варейский О. Светлин Русев и его Болгария. «Искусство», 1974, № 9.

Вершловский С. Г. Польские педагоги о социальных проблемах воспитания. В кн. Развитие педагогики и образования взрослых в социалистических странах. Л., 1974.

Виды-Вирски Ф. Центральные отраслевые библиотеки — основные звенья информационных систем внутри страны и межотраслевого сотрудничества. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Вишневецкая Е. Перші переклади новел В. Стефаніка польською мовою. Рад. літературознавство, Київ, 1974, № 8.

Войтчак М. Под знаменем пролетарского интернационализма (Развитие польского киноискусства за 1944—1974 гг.). «Искусство кино», 1974, № 8.

Г. К. Революционные сентябрьские традиции и современная болгарская культура. Вопр. лит., 1974, № 9.

Галстян Д. О. Ковроделие в армянских колониях Речи Посполитой (XVI—XVII вв.). Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1974, № 9.

Гёнов А. Состояние и перспективы трудового воспитания и политехнического образования в Народной Республике Болгарии. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 1. М., 1974.

Гілевіч Н. С. Грамадзянскі пафас поэзіі Дзімітра Мятодзіева. Весн. Беларус. ун-та. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1974, № 2.

Гордина Е. «Звук»: панорама музыкальной жизни. Сов. музыка, 1974, № 8.

Гурбанов М. Болгарские связи Тургенева. «Кодры». Кипинев, 1974, № 9.

Гьорова С. Славное тридцатилетие. «Театр», 1974, № 9.

Делеган В. В. Межвузовское сотрудничество УССР и европейских социалистических стран. В кн. Интернационально-патриотическое воспитание и формирование личности социалистического общества. Волгоград, 1973.

Дембский Я. Издания петровского времени в библиотеках Польши. В кн. XVIII век, сб. 9. Л., 1974.

Дере П. Вопросы международной интеграции в области научнотехнической информационной деятельности. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Детская литература. Лит.-критич. и библиогр. ежемесячник (Номер посвящен польской детской литературе, современной и довоенной). М., Худ. лит., 1974, № 7.

Домбровский З. Актуальные проблемы политехнического образования в Польше. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 1. М., 1974.

Дорошевский В. О задачах и проблемах перевода. В кн. Исследование по славянской филологии. М., 1974.

Досталь М. Ю. Взаимовлияние чешского и словацкого возрождения в современной историографии Чехословакии. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Досталь М. Ю. Проблемы чешской и словацкой филологии и истории в лекционных курсах И. И. Срезневского (По материалам Архива АН СССР и Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974.

Дуйчев И. Русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне как центр русско-болгарских связей в период средневековья. Антич. древность и средн. века, Свердловск, 1973, сб. 10.

Дьяков В. А. О подготовке библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России». В кн. Археологический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Ермилов А. П. Развитие сотрудничества советских и польских философов. Вопр. философии, 1974, № 7.

Жуковская Л. П. Работа над сводным каталогом славяно-русских рукописей и некоторые вопросы методики их описания. В кн. Археологический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Заборова В. И. Научные специальные библиотеки в Народной Республике Болгарии. Информация о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом, 1974, вып. 5.

Заець Г. Станіслав Едвард Бури. «Всесвіт», Київ, 1974, № 7.

Зарев П. Литература, народжена в боротьбі. «Всесвіт», Київ, 1974, № 9.

Зарев П. Народная психология и современный художественный процесс. Вопр. лит., 1974, № 9.

Захаржевська В. Образ коммуниста в сучасній болгарській прозі. «Всесвіт», Київ, 1974, № 9.

Земцовский И. И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян. В кн. Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

Зінченко В. Г. А. Грасек і В. Скотт (до питання про типологію історичного роману). «Іноземна філологія», Львів, 1974, вип. 34.

Ивашкевич Я. Понять, познать и выразить. Вопр. лит., 1974, № 7.

Информационные материалы по образованию взрослых в европейских социалистических странах. В кн. Развитие педагогики и образования взрослых в социалистических странах. Л., 1974.

Иовчуо М., Лукин Ю. Духовная общность и сближение культур стран социализма. «Коммунист», 1974, № 11.

Исаевич Я. Д. Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII—XIV вв. В кн. Польша и Русь, М., 1974.

Калинин А. Развитие школьного образования в ПНР. Нар. образование, 1974, № 8.

Кармин А. С., Микешина Л. А., Хютт В. П. Завершение юбилейного года Коперника. Вопр. философии, 1974, № 6.

Касьяненко И. Единый общественный центр группы городов в Силезии. Стр-во и архитектура, Киев, 1974, № 9.

Катышева Д. Н. К вопросу о новых тенденциях в поэтике драматургии социалистического реализма 30—50-х годов (Б. Брехт, В. Маяковский, В. Неизвал). Уч. зап. Высш. профсоюзной школы культуры ВЦСПС, 1974, вып. 4.

Качинский Б. Последняя встреча с Алоисом Хабой. Сов. музыка, 1974, № 7.

Кинематография ПНР — прошлое и настоящее. «Искусство кино», 1974, № 8.

Кишкин Л. С. М. Алеш и национально-освободительное движение. В кн. Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.

Кнайчель Ф. Тенденции развития информационной потребности как общественной категории. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Книпович Е. Исторические романы Иво Андрича. В кн. Андрич И. Травницкая хроника. Мост на Дрине. М., 1974.

Ковачева-Вылера Н. Сатира и юмор в болгарской детской литературе. Дет. лит., 1974, № 9.

Кожешник Я. Задачи науки в ус-

ловнях научно-технической революции. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 2—3 (47—48). М., 1974.

К о л е в а Т. А. Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов. Сов. этнография, 1974, № 5.

К о л е в с к и В. Массовая и элитарная культура. В кн. Массовая литература и кризис буржуазной культуры Запада. М., 1974.

К о р ж и н к о в а Л. К выбору цели в преподавании марксизма-ленинизма (Из опыта вузов ЧССР). Вопр. эффективности парт. пропаганды и полит. информации, 1974, вып. 2.

К о с а ч е в а Р. «Новая болгарская музыка-74». Сов. музыка, 1974, № 9.

К о с т ы р к о К. Искусство в Народной Польше. «Искусство», 1974, № 7.

К ю к л и х Ф. Требования к Международной автоматизированной информационно-поисковой системе и возможности рационального создания многоязычного тезауруса как одного из эффективных средств информационной технологии. Проблемы создания и развития Международ. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Л е с о х и н а Л. Н. Социально-педагогические аспекты прогнозирования образования в Польской Народной Республике. В кн. Развитие педагогики и образования взрослых в социалистических странах. Л., 1974.

Л е я Л. Педагогическая подготовка молодых преподавателей в Польше. Вестн. высш. школы, 1974, № 8.

Л и л и ч Г. А. Из истории чешско-русских литературных связей начала XIX века. Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 14. История. яз., лит., вып. 3.

Л и х а ч е в Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. В кн. Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974.

Л у б к і в с ь к и й Р. Зоря Гведослава. «Всесвіт», Київ, 1974, № 7.

Л у ж н ы й Р. Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I. В кн. XVIII век. Сб. 9. Л., 1974.

Л у к а н ч е в с к а П. Д. Эстетический идеал и болгарский читатель (Опыт конкретно-социологического исследования). В кн. Литература, искусство и формирование личности в социалистическом обществе. М., 1974.

Л ы с е н к о С. А. О некоторых традициях и новаторстве в драматургии Я. Галана. Весн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1974, № 2.

Л ю б о м и р П и п к о в. (Некролог). Сов. музыка, 1974, № 9.

М а к а р о в с ь к и й І. П. Осип Маковой про українсько-польські відносини. Укр. літературознавство, Львів, 1974. вип. 22.

М а л о в В. С., К о п ы л о в В. А. Интеграция и совместимость националь-

ных систем научно-технической информации. Интеграция систем НТИ стран—членов СЭВ. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

М а р а з о в И. Болгарское искусство сегодня. «Творчество», 1974, № 9.

М а ч е в и ч Н. Я. Влияние прогнозов общественно-экономического развития и развития науки и техники на некоторые элементы прогноза развития научной, технической и экономической информации в ПНР. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

М а ш т а б е й В. Я. Уровень участия научно-исследовательских организаций СССР в научно-технической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Киевский симпозиум по науковедению и научно-техническому прогнозированию, 5-й. Киев, 1974. (Доклады), ч. 1, вып. 2.

М и л е ц А. Связь школы с промышленными сельскохозяйственными предприятиями (в ЧССР). В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 2. М., 1974.

М и н ц И. И. Интернационализм — закономерность в деятельности академий наук социалистических стран. Вестн. АН СССР, 1974, № 7.

М и р о н ю к С. Г. «Кримські сонети» А. Міцкевича в творчій практиці М. Рильського. В кн. Проблеми методу і стилю української літератури, вип. 3. Дніпропетровськ, 1974.

М и х а л е ц З. Детское телевидение в ЧССР. Дет. лит., 1974, № 9.

М и х е е в а А. Н. Болгарский театр (1871—1918 гг.). В кн. История западноевропейского театра. М., т. 6, 1974.

М и ш а н и ч С. В. Порівняльне вивчення епосу українського та південнослов'янських народів. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1974, № 4.

М ориц Р. Непреходящая тема (Словацкое народное восстание в детской и юношеской словацкой литературе). Дет. лит., 1974, № 8.

М о р о з В. К. Наукова конференція, присвячена 30-річчю Польської Народної Республіки (Львов, 20 юнія 1974 г.). Укр. іст. журн., 1974, № 9.

М у л и ч М. Два рукописних стихотворних произведений южных славян, посвященных Петру I. В кн. XVIII век. Сб. 9. Л., 1974.

М у т а ф о в Х. Г. Направления в развитии информационного обслуживания в области медицины и здравоохранения в НРБ до 1980 г. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

М ы л ь н и к о в А. С. Национальное возрождение славянских народов в рукописях государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова - Щедрина (Источниковедческий обзор). В кн.

Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время, 1974.

Мыльников А. С. Русские переводчики в Праге. 1716—1721 гг. В кн. XVIII век. Сб. 9. Л., 1974.

Мыльников А. С. У истоков организации науки в чешских землях. В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1. М., 1974.

Навроцкий В. Сучасна польська проза. «Всесвіт», Київ, 1974, № 7.

Науменко Я. П. Польские ученые о Белоруссии (первая половина XIX в.). Вopr. истории, Минск, 1974, вып. 1.

Недорезов А. И. Плодотворные контакты (Научные контакты чешских и советских историков. Деятельность совместной комиссии историков СССР и ЧССР.) Вестн. АН СССР, 1974, № 10.

Никольская И. О творчестве Тадеуша Берда. Сов. музыка, 1974, № 7.

Новикова Г. Состояние и перспективы дальнейшего развития политехнического образования в общеобразовательных школах ЧССР. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 2. М., 1974.

Норман Б. Ю. Опыт лингвистического толкования поэмы Гео Милева «Сентябрь». Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1974, № 2.

Общественный долг писателя. Вopr. лит., 1974, № 9.

Опульский А. Поетеса Єлисавета Багряна. «Всесвіт», Київ, 1974, № 9.

Ох Г., Кекк Х. Сотрудничество в области науки и техники в рамках СЭВ и его влияние на развитие научной и технической информации. Проблемы создания и развития Междунар. системы науч. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Павлов И. Соотношение между общетехническим и специальным техническим содержанием политехнического образования. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 2, М., 1974.

Памяти академика Ладислава Санто. Некролог чехословацкого философа (1894—1974). Вopr. философии, 1974, № 8.

Пархомовская С. Пример обновленной земли. Иностран. лит., 1974, № 9.

Пельцова Я. Стандартизация в области библиографии (в Польше). В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом, вып. 49. М., 1974.

Петков Д. Плодотворное тридцатилетие. Развитие болгарской музыки. Сов. музыка, 1974, № 9.

Плотников С. Н. Проблемы культуры и искусства на VII Международном социологическом конгрессе (Варна, сентябрь 1970 г.). Труды Научн.-исслед. ин-та культуры, 1974, т. 9. Социология культуры, вып. 1.

Пожар Л. III встреча психологов Придунайских стран (Смоленице, сент.,

1973 г.). Вopr. психологии, 1974, № 3.

Поьер И. Политехническое обучение естественным и обществоведческим предметам в общеобразовательных школах Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 1. М., 1974.

Потапенко Е. К. О влиянии русской педагогики на развитие педагогической мысли и школы Болгарии (60—70-е годы XIX в.). Новые исследования в пед. науках, 1974, № 11.

Потапенко Е. К. Христо Ботев о формировании направленности личности. В кн. Формирование направленности личности, вып. 3. Владимир, 1974.

Раинова В. Болгарская сцена и театр СССР. Русская и советская драматургия в болгарском театре. Влияние советской школы актерского мастерства. «Театр», 1974, № 9.

Ракович А. И. Дружба братских литератур. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология, Минск, 1974, № 2.

Рогов А. И. Русь и Польша в их культурном общении в XVI—начале XV в. В кн. Польша и Русь. М., 1974.

Рождественский Г. Леош Яначек: «Средство Макропулоса». Сов. музыка, 1974, № 10.

Росточки Б. И. Польский театр (1863—1917 гг.). В кн. История западноевропейского театра. М., т. 6, 1974.

Рубанова И. «Вторгаться строго и сурово...» Заметки о польском кино (50-х—70-х годов). Иностран. лит., 1974, № 7.

Рудзинский В. Становление оперного жанра. (Оперное искусство польских композиторов в 1950—1960-е годы.) Сов. музыка, 1974, № 7.

Ружевич Е. Русские и советские ученые — члены Польской Академии наук в Кракове (1872—1952). В кн. Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1. М., 1974.

Рыльский М. Мария Конопницкая. В кн. Рыльский М. Ф. О поэзии. Статьи. М., 1974.

Рыльский М. Над стихами Яна Неруды. В кн. Рыльский М. Ф. О поэзии. Статьи. М., 1974.

Рыльский М. Пламенный гений. (Творчество Ю. Словацкого). В кн. Рыльский М. Ф. О поэзии. Статьи. М., 1974.

Рыльский М. Поэзия Адама Мицкевича. В кн. Рыльский М. Ф. О поэзии. Статьи. М., 1974.

Рыльский М. Слово о поэте. (Творчество Ю. Тувима). В кн. Рыльский М. Ф. О поэзии. Статьи. М., 1974.

Савина А. Профессиональная ориентация школьников в Польше. Нар. образование, 1974, № 7.

Савицкая В. Программа польских художников. «Декоративное искусство СССР», 1974, № 7.

Савицкий В. П., Сурвило К. И. Письма композитора Станислава Монюшко. Сов. архивы, 1974, № 4.

Сардаров З. Г. О подготовке педагогических кадров для Болгарской Народной Республики в Азербайджанской ССР. Уч. зап. Азерб. пед. ин-та. Педагогика, психология и методика преподавания дисциплин, Баку, 1974, № 2.

Селиванов А. К. Важный этап развития содружества вузов СССР и Польши. Вестн. высш. школы, 1974, № 7.

Сизов Б. Н., Колесова Р. В., Почкай И. Б., Харина И. М. Перспективы развития Международной информационной службы по научным и техническим переводам. МСНТИ стран — членов СЭВ. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Сингаївський М. Подвижницький труд. Вручення Дмитру Методієву премії імені М. Рильського. «Всевіт», Київ, 1974, № 9.

Сіненка Г. Д. Да питання беларуска-балгарських літературних сувязей. Весн. Беларус. ун-та. Філологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1974, № 2.

Сколек Я. Использование прогнозов при создании национальной системы НТИ в ЧССР. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Современные задачи, сегодняшние искания (Писатели В. Шевчик, Э. Брыль, Е. Вовокак, Э. Быстрицкая и З. Оршин о тенденциях развития современной польской поэзии и прозы). Вопр. лит., 1974, № 7.

Соколовский Е. Театр к тридцатилетию социалистической Польши, «Театр», 1974, № 7.

Солнцева Л. П. Театр народов Югославии (1871—1918 гг.). В кн. История западноевропейского театра. М., т. 6, 1974.

Солнцева Л. П. Чешский и словацкий театр. (60-е годы XIX—1917 г.) В кн. История западноевропейского театра. М., т. 6, 1974.

Соловей Е. Людьяність, людство, людина. «Всевіт», Київ, 1974, № 8.

Сорокин Ю. Н. О некоторых задачах Международного Центра научной и технической информации в связи с развитием интеграции стран — членов СЭВ. Проблемы создания и развития Междунар. системы научн. и техн. информации, 1974, вып. 2.

Степовик Д. Суголосність муз (Українське радянське мистецтво в оцінці болгарської критики). «Жовтень», Львів, 1974, № 9.

Сучков Б. Карел Чапек. Опыт современного прочтения. «Знамя», 1974, № 7.

Тананьева Л. Польские портреты в Смоленском музее (XVII—XVIII вв.). «Искусство», 1974, № 7.

Токмакова И. По-болгарски — детелина, а по-русски — клевер. (О детском поэте Н. Зидарове). Дет. лит., 1974, № 9.

Трифонович Д. Развитие исследований по истории науки и техники в Сербии. В кн. Вопросы истории, естествознания и техники, вып. 2—3 (47—48). М., 1974.

Трофимчук С. Родовід славних традицій. «Жовтень», Львів, 1974, № 9.

Турівненко М. І. Встановлення і розвиток зв'язків між істориками СРСР і Народної Республіки Болгарії (1944—1948 рр.). Питання нової та новітньої історії, Київ, 1974, вип. 19.

Уразова Л. Искусство монументальной скульптуры. Иностран. лит., 1974, № 7.

Уразова Л. Человек и труд в искусстве польских художников. «Искусство», 1974, № 7.

Фалькович С. М. Из истории советско-польских культурных связей. В кн. Советско-польские отношения. 1918—1945. М., 1974.

Федоренко Д. Единим фронтом (Атеистическая работа в НРБ). «Наука и религия», 1974, № 9.

Фогель З. Скульптор Густав Земла. «Декоративное искусство СССР», 1974, № 7.

Хланта І. В. Особливості східнослов'янської соціально-побутової казки. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1974, № 4.

Холай Г. Развитие марксистско-ленинской экономической науки в ПНР. Вопр. экономики, 1974, № 7.

Холодов Ю. Musica Slavorum. Сов. музыка, 1974, № 6.

Хорев В. Поиски и перспективы. Заметки о польском романе последних лет. Иностран. лит., 1974, № 7.

Хромчанка К. Р. Шляхи розвитку літератури былой Заходняй Беларусі. Весн. Беларус. ун-та. Філологія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія, Мінск, 1974, № 2.

Цвєрава Г. К. Пионеры электротехники Венгрии, Чехословакии и Югославии. В кн. Международный конгресс по истории науки, 13-й. Москва. 1971. Тр. Секция II. М., 1974.

Ципро М. Политехническое образование — составная часть коммунистического воспитания. В кн. Политехническое образование. Опыт, проблемы и перспективы, ч. 1. М., 1974.

Цоколь Л. А. Братерське співробітництво. (До питання про співробітництво вищої інколи СРСР і НРБ). Вісн. Київського ун-ту. Сер. історії, 1974, № 16.

Цонев М. Г. О развитии средств автоматизации в эпоху мануфактуры. (На примере истории техники в Болгарии.) В кн. Международный конгресс по истории науки, 13-й. Москва, 1971. Тр. Секция II. М., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1974, № 4

В. Колевский. Партия и литература; Т. Жечев. Девятое сентября 1944 г. и развитие болгарского романа; З. Петров. Тридцать лет социалистической поэзии; В. Бояджиева. Развитие болгарской драматургии за тридцать лет; Е. Константинова, К. Куюмджиев. Тридцать лет болгарской повести и рассказа; Н. Янков. Детская литература за истекшие тридцать лет; Г. Димов. Проблемы литературоведения в социалистической Болгарии.

«Език и литература», 1974, № 5

Болгарская славистика за 30 лет (9 IX 1944 — 9 IX 1974); М. Палева. Путь Маяковского к драме; С. Гипина. Некоторые проблемы научного стиля в болгарском языке; Ж. Зелдхен-Деак. Шандор Петефи и русская поэзия XIX в.; Н. Антонов. Наследие Пушкина и наука о творческом процессе; Х. Недялков. Современность в одном романе; Р. Нидолова. Порядок слов и отрицание в болгарском сложном предложении.

«Przegląd Historyczny», 1974, № 3

Х. Ловмянский. Феодальные преобразования польской деревни до 1138 г.; Т. Опас. К вопросу общественного выдвижения мещанства в XVII и XVIII вв. Переход в дворянское и духовное сословие; Ю. Вардах. Лифляндия, Литва и Белоруссия в творчестве Болеслава Лимановского. К истории национального вопроса; Т. Шарота. Польша в свете исследований общественного мнения на Западе (1939—1953); В. Владыка. Рассуждения Константина Гжибовского о польском консерватизме с 1929 г.

«Pamiętnik Literacki», 1974, № 3

А. Александрович. «Голубые субботы» М. Виртембергской; Б. Закажеский. О «скабресном» творчестве Александра Фредро; Е. Цесликowski. Сказка про Янека в контексте «Кордиана» и вне его; Р. Ныч. Два пейзажа Реймонта; Ю. Опальский. Кароль Шимановский в кругу межвоенной литературы; С. Баранчак. Песня и тоника свободы; Л. Пщеловская. Из наблюдений над звуковой структурой старопольской поэзии; З. Флорчак. Происхождение и развитие языка во взглядах эпохи Просвещения; Т. Претнар. Моррис Халл о славянской метрике.

«Język polski», 1974, № 4

Е. Налепя. Gościnitwa. Материалы к старопольской лексикологии; Я. Земякова. Местоимение *ten* в им. падеже ед. числа в кашубском языке и соседних северо-западных польских диалектах; А. Поспишилова. Заметки о функции номинативных высказываний в польском литературном языке; В. Манчака. Происхождение конструкции *co (który)*; С. Урбанчик. [Добавление к статье В. Манчака]; Я. Квек-Осевская. Адвербиализация существительных на примере форм творительного падежа; В. Чекала. Характеристика языка «Юмора школьных тетрадей».

«Československý časopis historický», 1974, № 4

М. Кропилак. Наша совместная революционная традиция; А. Бартлова. Сотрудничество буржуазных партий в Словакии в 1930—1935 г.; Ю. Н. Щербakov. Чехословацкие интернационалисты и формирование идейно-политической базы КПЧ (1918—1921 гг.); П. Крживский. Парижская коммуна в новейшей французской историографии.

№ 5

Б. Кржемиенская. Создание Академии наук в Петербурге; Я. Млынский. 25 лет церковных законов в Чехословакии; М. Карны. Терезин в планах нацистов; Й. Гаубелт. Начало исторической работы Г. Добнера; М. Горх. Кризис феодализма в XVII в.

«Slovanský přehled», 1974, № 4

В. Крал. Чехословацко-советские отношения в период подготовки Словацкого национального восстания; Ч. Аморт. Участие Советского Союза в подготовке Словацкого национального восстания; В. Пеша. Словацкое национальное восстание в Чехии; В. Эбран. Словацкие национальное восстание и чехословацкие военные части в СССР; Я. Пиволуска. Значение чехословацко-советского союзного договора от декабря 1943 г. для развития чехословацко-советских отношений в период подготовки Словацкого национального восстания и в ходе его; Д. Черна. Словацкое национальное восстание и проблемы соседней Венгрии; В. Бородавчак. Поляки и политическая программа Словацкого национального восстания; В. Быстрицкий. Болгарские студенты в Словацком национальном восстании.

«Historický časopis», 1974, № 2

Л. Голотик. Словацкое народное

восстание и его наследие; М. Г о с е р о в с к и й. Задача рабочего класса и КПЧ в нашей истории; З. Г о л о т и к о в а. Марксистские и буржуазные концепции положения Словакии после 1918 г.; В. М а т у л а. Революция 1848—1849 гг. и словаки.

«Slavia», 1974, № 3

С. В о л ь м а н. Пражская школа сравнительного литературоведения и Карел Крейчи; Л. Ш и к л а н. Венгерские темы в трудах Карела Крейчи; О. Б а р т о ш. Замечания к методологии чешской литературной полонистики; К. В ы к а. Романтизм как формация польской культуры; К. Г о р а л е к. Контакты и независимые параллели. Методологические заметки по поводу литературных фальсификаций; Ж. В у а з и н. Сочинение Хазлитта «О прозаическом стиле поэтов»; В. К у д е л к а. Поэзия иллиризма и ее славянский контекст; Дж. Ж и в а н о в и ч. Адам Мицкевич и Петар Петрович Негош; Р. Г р е б е н и ч к о в а. Русская «diabolique». К тексту «Пиковой дамы»; Г. Е х о в а. Мотив любви к родной земле в чешском и польском романтизме; Ю. Д о л а н с к и й. Петр Безруч и польская литература; Ю. М а г н у ш е в с к и й. Снова о Викторке; В. Б е х и н е в а. Чешская бурлескная баллада; Ю. К ш и ж а н о в с к и й. Об отношениях Крашевского и Сенкевича; Е. С л и з и н с к и й. Переписка Ю. Зайера с поляками; Л. С в о б о д а. Ф. Кс. Шалда и польская литература; Г. Я н а ш е к - И в а н и ч к о в а. Революционное значение искусства в романах В. Берента; Т. Б е ш т а. Список трудов Карела Крейчи 1969—1970 гг.

«Slavica slovacca», 1974, № 1

Е. К р ж и ж к о в а. Система модальных глаголов, прилагательных и наречий в русском и чешском языках; В. Б л а н а р. Системные отношения в лексике и их словарная обработка; Э. К у ч е р о в а. К проблематике универбизации путем субстантивации. (Имена существительные женского рода.); Э. С е к а н и н о в а. Семантический анализ глаголов с приставкой *za-* в русском языке в сопоставлении со словацким; М. О. М а л и к о в а. Структурно-семантический анализ слов, образованных при помощи лексической морфемы *pol-* и *polo-* в словацком языке; Е. П. В а с и л ь е в а. Препозитивно-постпозитивный ввод косвенной речи в русском языке (в сопоставлении с препозитивно-постпозитивным вводом прямой речи); Г. Н. А к и м о в а. Уровни синтаксической иерархии как

принцип развертывания предложения (на материале языка М. В. Ломоносова).

«Slovenská reč», 1974, № 4

Ф. Б у ф ф а. Отражение социалистической действительности в языке нашей деревни; О. С а б о л о в а. Заметки о языке и стиле прозы Гронского.

№ 5

Ш. П е ц и а р. Словацкое национальное восстание и развитие словацкого языка; Л. Я в о р с к а я, Я. С а б о л. О некоторых особенностях языка и ритмики «Баллады о сне» П. Горова; Й. Р у ж и ч к а. Временные сложно-подчиненные предложения; Ф. К о ч и ш. Глобальная детерминация.

«Slovo a slovesnost», 1974, № 2

С. У т е ш е н ы. Яромиру Беличу 60 лет; В. С к а л и ч к а. Язык и общество; П. Н о в а к. Заметки о семантике падежей, их общем значении и локализме; Ц. Б о с а к. Стимул и призыв в диалоге; Л. У х л и р о в а. О семантике обстоятельственных слов и их роли в актуальном членении предложения; Л. Г о ф ф м а н н. О вертикальной дифференциации специальных языков; И. Н о в о т н а - Г у р к о в а. О произношении некоторых консонантных групп и гортанного приступа в чешском; А. М а ц у р о в а. Проблематика субъекта в высказывании.

№ 3

А. Д о л е й ш и. За творческое развитие марксистского языкознания в Чехословакии; Ш. П е ц и а р. О языковых контактах; В. Б у д о в и ч о в а. Литературные языки в контакте. (Современные отношения чешского и словацкого с социалингвистической точки зрения.); Л. Н е б е с к и. О выражении общего отрицания в чешском.

«Jezik», 1974, № 3—4

Положения, касающиеся языка, в конституциях СФРЮ и СРХ; З. В и н ц е. Есть ли у Ватрослава Ягича заслуги перед хорватским литературным языком?; Р. К а т и ч и ч. О пуризме; С. Б а б и ч. Отношения производных с *-teli* и *-lac*; Д. Р а г у ж. Заимствования на *-ier(e)* в хорватском языке; С. Т е ж а к. Кай-Аавизмы в рассказах Славко Колара; К. Ш о я т. О склонении кайкавских собственных имен с беглым *e*; С. В у к у ш и ч. Ударения обиходной формы на основе исходного языка.

CONTENTS

- V. Parsadanova.* Soviet-Polish treaty of friendship (April 21, 1945) in public opinion of the USSR and Poland. *I. I. Kostyushko.* Successes of Polish people in socialist construction. *A. I. Gorshkov.* The role of the working class in Czechoslovakia's socialist construction (1948—1960). *V. I. Freidzon.* Revolutionism and reformism in the national movements of the XIX-th century. Typological characterization. *R. Filipchikova.* Assignment of the art as a theme of literature (on V. Rzhizach's, Confines). *E. M. Vereshchagin.* Parallelism method in Psalter and finding out sense ties among the words of the first slavonic literary language 3

INFORMATION AND PUBLICATIONS

- L. A. Yuzefovich.* Isaiah's mission (1561) and Ostafyj Volovich. *M. Yu. Dostal.* I. I. Sreznevsky's bibliographical notes of Czech and Slovak scientists' books in «Izvestija» of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of sciences. *T. P. Agapkina.* Russian correspondents' letters in Polish writers' archives 73

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

- V. Kadatsky.* The monograph on extraordinary law in Bulgaria 1924—1934. *N. Ratner.* K. Herman, Žd. Sládek. Slovánská politika Karla Kramáře. *S. M. Ste-tskevich.* A. M. Orekhov. Social democratic movement in Russia and Polish revolutionists. *Yu. I. Shtakelberg.* Zbigniew Chodyła. Pożyczka narodowa w powstaniu styczniowym. *S. V. Klementjev.* A new work of the Polish philologists. *G. P. Klepikova, I. K. Gorsky.* «Slavonic Philology». *V. I. Hitarishvily.* Georgian studies on Polish-Georgian literary relations. *N. S. Nazarova.* Nekrasov and Poland. *O. Ternovskaya.* Yu. Z. Krut'. Peasantry ritual poetry of slavs 97

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1974 (continuation). The contents of foreign periodicals 120

Технический редактор *Сенченко Т. Н.*

Сдано в набор 10/XII-1974 г.	Т-04225	Подписано к печати 19/II-1975 г.	Тираж 1265 экз.
Зак. 1447	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,9	Бум. л. 4 ¹ / ₄ Уч.-изд. л. 13,9

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Б ОРДЫНКА 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс: 70891

К

Издательство «Наука»

Готовится к печати книга:

Наумов Е. П.

**ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
В СЕРБИИ XIII—XV вв.**

(Динамика социальной и политической системы сербского феодализма)

19 л. 1 р. 50 к.

Книга является специальным исследованием системы сербского феодализма, охватывающим период со времени освобождения от власти Византии и до завоевания турками-османами. В ней показаны экономика, социальный и политический строй средневековой Сербии. Большое место уделено таким малоизученным проблемам, как структура господствующего класса феодальной Сербии, взаимоотношения центральной власти и различных прослоек и групп класса феодалов, отражение этих моментов в феодальной идеологии.

Книга рассчитана на историков, юристов, философов, а также на широкий круг студентов, аспирантов гуманитарных вузов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.